

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Иркутский государственный университет»

На правах рукописи

Ван Хайцзяо

**ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОШИБОК
АРГУМЕНТАЦИИ В СУДЕБНЫХ СПОРАХ**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Александр Михайлович Каплуненко

Иркутск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ЖАНРОВЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРНЫХ ПРОЦЕССОВ.....	11
1.1. Краткий экскурс в современную теорию речевых жанров	11
1.2. Об универсальных признаках речевого жанра «договор».....	15
1.2.1. О языковой специфике жанра 合同 («договор»)	21
1.3. Краткий обзор юридических исследований причин договорных споров.....	27
1.3.1. Дискурсивная специфика речевого жанра «судебное решение»	29
1.3.2. Базовая модель реконструкции дискурса судебного спора.....	33
1.3.3. Схема реконструкции дискурса судебного спора в действии.....	36
1.4. Об аргументативной структуре судебного спора.....	43
1.5. О подходе к определению объёма релевантного аргументативного высказывания.....	50
Выводы по первой главе:	55
Глава 2. ОМОНИМИЧНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ ДОГОВОРНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ СУДЕБНЫХ СПОРОВ	56
2.1. О релевантных вопросах теории референции в исследовании причин судебных споров.....	56
2.1.1. Контекстное расширение и семантизация конкретных референтов в текстах деловых соглашений и судебных споров	62
2.2. В поисках оптимальной референции: диалектика речевого взаимодействия ДР и ДЭС	63
2.3. Оманимичные референции к предмету договора.....	67
2.4. Ошибки аргументации, вызванные неконкретными референциями к времени.....	84
2.5. Ошибки аргументации, вызванные оманимичными референциями к локациям	102
Выводы по второй главе:.....	114

ГЛАВА 3. ОШИБКИ АРГУМЕНТАЦИИ В СУДЕБНЫХ СПОРАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВАПРАГМАТИКИ	116
3.1. От семантики знака к его прагматике и от неё к теории речевых актов	116
3.2. Первое приближение к анализу РА в жанрах «договор» и «судебное решение»	118
3.2.1. Общая характеристика глаголов и предикатов, обеспечивающих пропозициональные условия РА в договоре	120
3.3. Краткий обзор релевантных исследований прагматического аспекта референции	125
3.4. Принцип Кооперации в исследовании прагматических аспектов юридического дискурса.....	128
3.4.1. Нарушение максимы количества как причина ошибок аргументации.....	130
3.4.2. Особенности нарушения максимы качества в судебных спорах...	137
3.4.3. Нарушения максимы релевантности: <i>argumentum</i> <i>ad litteram vs. argumentum ad rem</i>	143
Выводы по третьей главе:.....	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	156
Приложение	178

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено проблеме лингвистических и коммуникативных ошибок в судебных спорах по выполнению сторонами договора/контракта, выдвинутых условий и взятых на себя обязательств. Конкретное поле соответствующей юридической практики – процессы в арбитражных судах разного уровня в современных России и Китае.

Степень разработанности проблемы. Интерес к особенностям юридического дискурса в различных культурно-языковых пространствах неуклонно растёт по мере утверждения когнитивно-дискурсивной идеологии. Помимо фундаментальных работ, в центре внимания которых находятся вопросы жанровой специфики [Swales, 1990; Дементьев, 2000], соотношения параметров институциональности и персональности [Карасик, 2000; Дубровская, 2009; Бурмакина, 2019], принципов функционирования дискурсивных практик [Крапивкина, 2018, Богинская, 2020], выполнено и выполняется большое количество прикладных исследований. Начиная с конца 1990-х гг., их рост особенно заметен в КНР, где в связи с экономической активностью населения и разнообразием форм взаимодействия физических и юридических лиц обнаруживается потребность в лингвистических руководствах по организации и правовому обеспечению соответствующей хозяйственной деятельности.

Актуальность исследования обусловлена тем, что, по нашему мнению, наступило время анализа и систематизации лингвистических причин, нарушающих взаимопонимание участников экономического сотрудничества в его отправной точке – тексте договора/контракта. Возникающие расхождения интерпретации его отдельных положений приводят к судебным спорам, которые нередко завершаются так, что стороны договора теряют стимулы к дальнейшему сотрудничеству. Поэтому исследование, ставящее цель изучения причин такого рода коммуникативных неудач, не может не быть актуальным.

Предварительный анализ эмпирического материала убеждает нас в том, что лингвистические ошибки, допущенные в текстах деловых соглашений, равно как в ходе судебных споров, сводимы изначально к нарушениям в семантическом и прагматическом аспектах коммуникации. На основании этих наблюдений выдвинута **гипотеза** исследования. Предполагается, что семантические причины ошибок – в целом результат неоднозначной референции, в то время как прагматические – следствие нарушений Принципа Кооперации.

Эмпирические материалы исследования. Мы исходим из того, что характер ошибок аргументации в деловых спорах с достаточной полнотой и определённой устанавливается по материалам судебных решений арбитражных судов. Во-первых, стороны спора предоставляют в суд письменные документы, свидетельствующие об истории деловых отношений вплоть до возникновения спора. Во-вторых, одна из сторон последовательно излагает исковые требования, в то время как другая сторона столь же подробно формулирует свои возражения. Наконец, в-третьих, спор завершается экспертным решением (постановлением арбитражного суда), обязывающим стороны не только к его исполнению, но и указывающим на степень правомерности требований друг к другу. Таким образом, существует возможность реконструировать релевантные признаки аргументативного дискурса, охватывающего спор как социально-лингвистическую разновидность речевой деятельности.

Общий объём материала составили тексты судебных решений (150 текстов на русском и 180 – на китайском языке), а также релевантные тексты сопроводительных документов (в первую очередь – деловой договор), рассмотренных на судебных заседаниях. 120 текстов судебных решений (50 на русском и 70 на китайском языке) были подвергнуты реконструкции с целью восстановления аргументативного дискурса участников судебного спора. Из них отобраны 45 реконструкций (22 на русском и 23 на китайском языке), репрезентативных для типичных ошибок аргументации в остальном корпусе

реконструкций. Детальный анализ ошибок аргументации на материале конечной выборки представлен в основном тексте диссертации.

Объектом исследования являются высказывания в объектных текстах, содержащие ошибки аргументации.

Предметом послужили прагма-семантические причины обнаруженных ошибок аргументации.

Цель исследования заключается в установлении, определении характера и научном обобщении прагма-семантических причин ошибок аргументации.

В соответствии с поставленной целью задачи исследования включают:

1. Рассмотрение жанровых особенностей делового договора и судебного решения как основных источников эмпирических фактов.
2. Реконструкцию аргументативного дискурса участников судебного спора на основе текста судебного решения.
3. Установление причин судебного спора в ходе анализа текстов договора и соответствующего судебного решения.
4. Определение семантических причин ошибок аргументации участников судебного спора.
5. Определение прагматических причин ошибок аргументации.
6. Квалификацию характера ошибок экспертного сообщества (арбитражного суда первой инстанции).

Теоретическую и методологическую базу исследования составили:

– теория речевых жанров (М. М. Бахтин 1997, В.В. Дементьев 2000, 2010, Пэн Личжэнь 2007, J. Swales 1990, Zhu Yunxia 2006);

– теория речевых актов (Дж. Остин 1986, Дж. Сёрль 1986, Н. Д. Арутюнова 1999, И. М. Кобозева 2000, D. Vanderveken 1990);

– дискурс-анализ (М.Фуко 2004, В.Г. Борботько 2011, А.М. Каплуненко 2007, А. А. Кибрик 2009, Чэн Лэ 2007, Ян Хаймин 2006, G. Lakoff 2006, J. Nunberg 2006);

- теория аргументации (Баранов 1990, Бокмельдер 2014, Войшвилло 2001, Ивин 2000, Перельман 1987, Toulmin 1958);

- теория референции (Н. Д. Арутюнова 1982, Б. Рассел 1982, Л. Линский 1982, Дж. Сёрль 1982, М. А. Кронгауз 2005, Ю Цинсюе 1998);

- прагмалингвистика (П. Грайс 1985, Дун Минь 2007, P. Grice 1975, J. Johansen 1986);

- исследования юридического дискурса (О.А. Крапивкина 2014, Т. В. Дубровская 2011, Сунь Чжэн 2009, Хуан Пин 2010, Хэ Цзинцю 2016, M. Sinclair 1985, Llewellyn 1960);

- исследования дискурсивных практик (М. Фуко 1999, А. В. Голоднов 2011, О.А. Богинская 2020).

В исследовании использовались как общенаучные (наблюдение, анализ и синтез), так и лингвистические **методы** (интерпретация и реконструкция смысла высказывания, идентификация референта лексико-семантического варианта (далее – ЛСВ) и высказывания, анализ словарных дефиниций, речек-актный анализ).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Аргументативный дискурс делового судебного спора может быть реконструирован на основе структурной трансформации текста соответствующего судебного решения. В ходе реконструкции нейтрализуются жанровые признаки судебного решения и одновременно актуализируются показатели аргументативного дискурса.

2. Дискурс делового судебного спора организуется вокруг архивного высказывания, в качестве которого обычно выступает отдельное положение договора (или его часть), по тем или иным причинам вызвавшее различающиеся интерпретации носителей дискурса различий (сторон договора).

3. Пренебрежение дискурсоорганизующей ролью архивного высказывания со стороны участников спора неизбежно ведёт к нарушению ключевого правила аргументации – *argumentum ad rem*.

4. Семантические причины разночтений архивного высказывания (и последующих ошибок аргументации) обусловлены его омонимичной референцией. Чаще всего омонимичные референции обнаруживаются в высказываниях, обозначающих предмет договора, а также время и место выполнения договорных обязательств.

5. Прагматические причины ошибок аргументации вызваны нарушениями Принципа Кооперации. Нарушаются максимы количества, качества и релевантности. Нарушения супермаксимы количества проявляются как недостаток информации, лишаящий архивное высказывание однозначной интерпретации. В контексте супермаксимы качества обычно нарушается максима «Не говори того, что считаешь ложным». Максима релевантности «Не нарушай *argumentum ad rem*» нарушается в результате подмены *argumentum ad rem*, аргумента к сути дела, *argumentum ad litteram* или аргументом к «букве правила / закона / положения / инструкции».

6. Ошибки аргументации со стороны носителя дискурса экспертного сообщества (арбитражного суда) случаются в результате неточного выбора юридических ценностей (законодательных положений), в контексте которых рассматриваются обстоятельства конкретного судебного спора.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые характеризуются реальные последствия расхождения интерпретаций договорных положений, возникающего в результате изменения позиций одной или обеих сторон договора. Впервые определены общие закономерности такого расхождения интерпретаций на материале языков, опирающихся на весьма различные лингвокультурные основания. Наконец, впервые описаны семантические и прагматические причины ошибок аргументации, допускаемых сторонами делового судебного спора.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в установлении причин семантического и прагматического характера, обуславливающих ошибки участников коммуникации в контексте юридической дискурсивной практики. Поскольку в жанре договора/контракта правила письмен-

ной коммуникации строго регламентированы так, чтобы избежать разночтений и расхождений интерпретаций, обнаружение слабых мест в коммуникативной эстафете «текст договора/контракта – договорной спор» теоретически значимо.

Практическая ценность диссертации определяется тем, что её материалы и выводы могут лечь в основу справочника по лингвистическому сопровождению деловой договорной практики и речевому поведению в ходе судебных споров. Кроме того, анализ эмпирического материала диссертации включает немало примеров анализа современного юридического дискурса, которые могут использоваться в лекциях и на семинарских занятиях соответствующего профиля.

Апробация работы осуществлялась в виде представления её отдельных результатов на заседаниях кафедры перевода и переводоведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета в период с 2019 по 2022 гг. Основные результаты исследования освещались в докладах на XXIV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Иркутск, 2020), на Международной научно-практической конференции, посвящённой 55-летию подготовительного факультета для иностранных граждан и кафедры РКИ МИЭЛ Иркутского государственного университета (Иркутск, 2021), на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Язык в эпоху цифровизации» (Иркутск, 2021). По теме диссертации опубликовано 10 статей, из которых 7 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, 3-х глав и заключения, изложенных на 172 стр., а также библиографии (158 наименования) и приложения.

В главе 1 «Жанровые и коммуникационные особенности договорных процессов» рассмотрены речевые жанры «договор» и «судебное решение», центром реконструкции которых является архивное высказывание, т.е. поло-

жение договора или часть положения, вызвавшие расхождения интерпретаций сторон договора.

В главе 2 «Омонимичные референции как семантические причины судебных споров», используя омонимичную референцию в конфликтных интерпретациях архивного высказывания носителями дискурса различий (далее – ДР) в ходе судебного спора, приведены семантические причины ошибок аргументации как в российских, так и в китайских деловых договорах в контексте формулировки предмета договора, временных параметров исполнения обязательств, а также локаций (места подписания и исполнения договора, места доставки грузов и т.п.).

В главе 3 «Ошибки аргументации в судебных спорах с точки зрения лингвапрагматики» комментируется роль референции говорящего как своего рода исследовательского мостика от предыдущей главы. Анализируются ошибки аргументации в судебных спорах, обусловленные нарушениями Принципа Кооперации.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются его результаты.

В приложение включены полные тексты договоров и судебных решений, составившие эмпирический корпус исследования.

ГЛАВА 1. ЖАНРОВЫЕ И КОММУНИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРНЫХ ПРОЦЕССОВ

1.1. Краткий экскурс в современную теорию речевых жанров

Понятие о речевых жанрах было введено М.М. Бахтиным в статье «Проблема речевых жанров». Согласно авторскому определению, речевые жанры – «относительно устойчивые типы высказываний, отражающие специфические условия и цели той или иной области человеческой деятельности по тематическому содержанию, стилю и композиционному построению» [Бахтин, 1997, с. 159]. При этом М.М. Бахтин отмечал, что каждое высказывание индивидуально, но каждая сфера вырабатывает свои типы высказываний.

Рассматривая речевые жанры, М.М. Бахтин писал о разнородности речевых жанров, в связи с этим обращал внимание на «очень существенное различие между первичными (простыми) и вторичными (сложными) речевыми жанрами» [Там же. С. 161].

Представление о теории речевых жанров активно развивалось и в лингвистике при описании отдельных речевых жанров [Шведова, 1960; Пропп, 1976; Тарасов, 1977; Скребнев, 1985], при описании структурности речевых жанров [Демьянков, 1981], через теорию речевых актов [Арутюнова, 1982; Вежбицкая, 1996], при составлении корпуса текстов [Китайгородская, 1999], при изучении дискурса [Дейк ван, 1989; Дементьев, 1997; Демьянков, 1982; 2001; 2007; 2012; Карасик, 2000; 2001; 2002; Кибрик, 2003; 2009; Каплуненко, 2007; 2009; 2012; Макаров, 2003; Технологизация дискурса в современном обществе, 2011; Eemeren, 1992; 1994; 1996; Grosz, 1985] и др.

В 1990-е гг. к речевым жанрам обратился Дж. Суэйлз, опубликовав работу «Research Genres. Explorations and Applications». В рамках теории речевых жанров Дж. Суэйлз предположил, что речевой жанр включает в себя ряд коммуникативных событий, при этом «коммуникативные события должны иметь общий набор коммуникативных целей, следовательно, служить для решения ряда задач» [Swales, 2004. URL : www.cambridge.org]. Дж. Суэйлз

считал, что классифицировать речевые жанры можно, используя три подхода: «1) дефиниционный (используется в словарях и научных текстах), 2) по семейному сходству (общий набор определяющих признаков), 3) прототипический (эталонный)» [Swales, 2004. URL: www.cambridge.org].

Важным с точки зрения нашего исследования является работа В.В. Дементьева «Теория речевых жанров» [Дементьев, 2010]. Учёный вслед за Б. Малиновским [Malinowski, 1972] вводит понятие «фатическое общение» (*phatic communion*), рассматривает фатические речевые жанры. В своей статье В.В. Дементьев отмечает, что ранее исследователями рассматривались только «четыре класса речевых жанров: информативные, императивные, этикетные и оценочные» [Цит. по: Дементьев, 1999, с. 39].

Классификация данных речевых жанров производилась с помощью «анкеты речевых жанров», в структуру которой М.Ю. Федосюк [Федосюк, 1997] включал в качестве главного критерия коммуникативную цель. В.В. Дементьев считает важным при классификации фатических речевых жанров и в ходе коммуникативной эстафеты, т.е. речевых жанров, имеющих целью установление или регулирование межличностных отношений, расположить их в одной точке на шкале межличностных отношений, в связи с тем, что они имеют общие коммуникативные цели, последнее В.В. Дементьев иллюстрирует на примерах диалогов из художественных текстов.

Во второй части статьи В.В. Дементьев, рассматривая вслед за М.М. Бахтиным первичные и вторичные речевые жанры (далее – РЖ), пишет, что в основе дифференциации данных РЖ лежит «сфера их функционирования, или стилистическая обработка» [Дементьев, 1999, с. 40]. Таким образом, к первичному речевому жанру он относит такой жанр, как признание, а к вторичному речевому жанру – признание в любви или признание в суде.

В 2010 г. выходит работа В.В. Дементьева «Теория речевых жанров», в которой он описывает теорию речевых жанров с точки зрения её развития, а также предлагает рассмотреть изучение речевых жанров с позиции формальных и содержательных тенденций развития. В рамках теории речевых жанров

активно развивалась генристика, в связи с этим учёный приходит к выводу, что необходим «синтез коммуникативной природы речевых жанров и языка» [Дементьев, 2010, с. 54].

Следовательно, В.В. Дементьев говорит о том, что только в случае учёта взаимодействия в конкретной ситуации диалога, т.е. коммуникативного направления, а также правил его построения, лингвистической генристики или жанроведения, возможно рассмотреть речевой жанр с точки зрения различных аспектов.

Говоря об исследованиях речевых жанров в китайской лингвистике, необходимо обратить внимание на работу Чжу, который считает, что в структуру китайского письменного дискурса входят «写作 ‘сочинения’, 修辞 ‘риторика’, 应用文 ‘деловые бумаги’, 政法文 ‘юридические документы’ и т.д.» [Zhu, 2005].

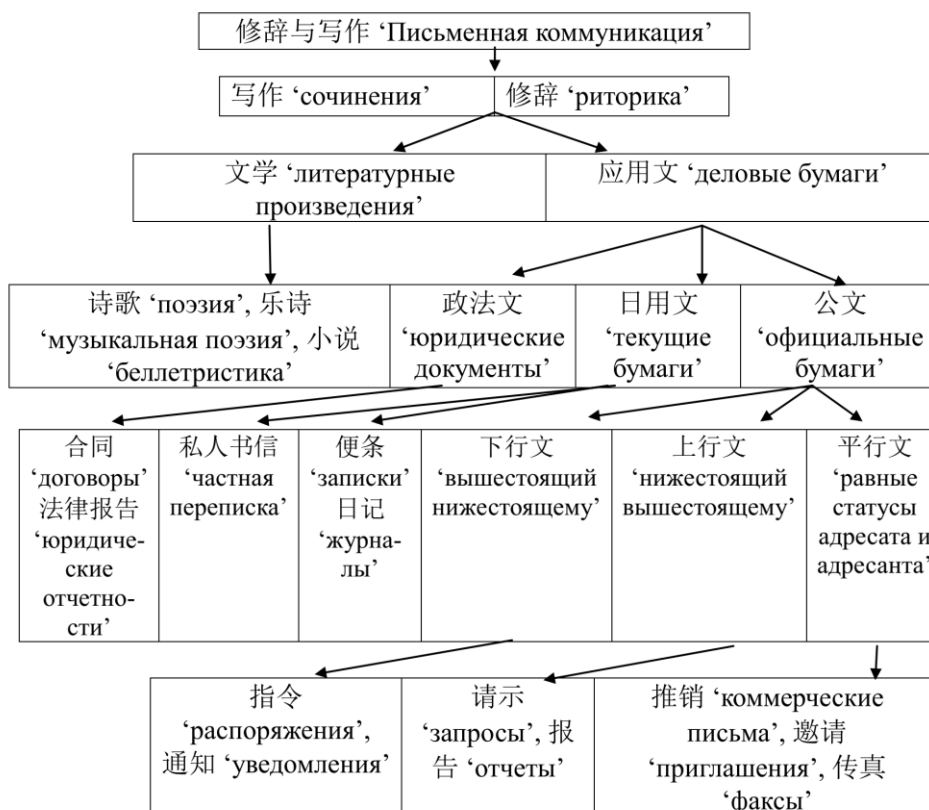

Рис. 1.1. Китайский письменный дискурс и классификация жанров [Ульянова, 2019, с. 97]

Рассматривая речевые жанры в китайском языке в рамках деловой переписки и внешнеторговой аргументации, К.А. Ульянова, ссылаясь на Чжу, предлагает классификацию китайского письменного дискурса и классификацию жанров, рис. 1 [Ульянова, 2019, с. 97]. К.А. Ульянова, рассматривая речевые жанры в китайском деловом дискурсе, обращает внимание на работу Ян Дэфэна, который классифицирует деловой дискурс в китайском языке, говоря о следующих речевых жанрах делового дискурса: «1) документация в сфере законодательства (законы, договоры, правила и пр.); 2) в повседневной жизни (корреспонденция, заявления, рекомендательные письма, этикетная переписка, объявления, инструкции и т.д.); 3) в сфере властных отношений (приказы, постановления, указы, официальные извещения, отчеты и др.)» [Цит. по: Ульянова, 2019, с. 98].

Таким образом, К.А. Ульянова в юридический дискурс на материале китайского языка включает такой речевой жанр, как «договор» (см. рис. 1); при этом исследователь Ян Дэфэн говорит о речевом жанре «договор» в рамках дискурса в сфере законодательства.

Дискурс в сфере законодательства, судебный дискурс как речевой жанр привлекает внимание многих исследователей. Т.С. Сафронова рассматривает в своей диссертации механизмы воздействия в судебном дискурсе, т.е. стратегии и тактики, в том числе и языковое манипулирование в ходе коммуникативной эстафеты в судебном дискурсе на материале английского языка [Сафронова, 2017]. Важно отметить, что речевые жанры «судебное заседание» и «судебные споры» в Арбитражном суде на материале русского и китайского языков не представляется возможным исследовать, в связи с отсутствием стенограмм судебных заседаний Арбитражного суда в открытом доступе [Ван Хайцзяо, 2022б].

На наш взгляд, не менее важным в рамках судебного дискурса является исследование таких речевых жанров, как «договор» и «судебное решение». Именно речевой жанр «договор» выступает в качестве первичного речевого жанра, позволяющего коммуникантам вступить в речевое взаимодействие и в

ходе коммуникативной эстафеты прийти к письменному соглашению. Возникающие споры и разногласия в ходе обсуждения договора не выносятся на экспертное рассмотрение третьего лица или организации. Споры, побуждающие стороны к обращению в суд, возникают либо в ходе договорного сотрудничества, либо по его окончанию. Тексты речевого жанра «судебное решение» становятся адекватным материалом, позволяющим реконструировать аргументацию сторон в ходе спора, равно как и аргументацию арбитра, принимающего окончательное решение [Сушенцова, 2014]. Таким образом, центральное место в исследовании ошибок аргументации участников судебных споров занимает реконструкция дискурса последнего.

1.2. Об универсальных признаках речевого жанра «договор»

Речевой жанр «договор» в рамках коммуникативного события по Дж. Суэйлсу имеет коммуникативные цели и задачи, а также данный речевой жанр относится к юридическому дискурсу по принципу «семейственности», прототипичности этого речевого жанра. По мнению О.А. Крапивкиной, «договор как жанр частного юридического дискурса может быть отнесен законодательному дискурсу, поскольку ратификатором данных актов является законодательное сообщество» [Крапивкина, 2014, с. 224].

Обратимся к определению понятия договор, предложенному в Большом юридическом словаре: «Договор – в гражданском праве соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, разновидность сделки, предусматривающей обязательства сторон и их ответственность за выполнение заказа» [Большой юридический словарь. Режим доступа: <https://gufo.me>]. В рамках нашего исследования представляется возможным использовать наряду с понятием «договор» термин «контракт».

Исходя из данного определения, мы понимаем, что «соглашение двух или нескольких лиц» может быть достигнуто только в ходе коммуникативной эстафеты, в частности дискурса согласования. Это соглашение должно

предусматривать «обязательства сторон», следовательно, в ходе коммуникативной эстафеты возможен дискурс различий как с одной стороны, так и с другой. Но тексте договора уже должен быть закреплён дискурс согласования, о чём свидетельствует прототипичность речевого жанра договор, выражаемая с помощью ассертива «договорились».

Об этом пишет и О.А. Крапивкина, предлагая определение речевого жанра договор в обыденном понимании: «договор (контракт) – это документ, фиксирующий волю его участников, соглашение о взаимных обязательствах» [Крапивкина, 2014, с. 224].

Целесообразно сделать несколько комментариев речевого жанра «договор» с точки зрения китайской традиции. Безусловно, глубокие культурные традиции Китая не могли не оказать влияние на особенности формирования языка договоров. В первую очередь, следует указать на авторитет конфуцианства и идеографический тип письма как на главные факторы, которые способствовали развитию некоторых особенностей договорной практики. При этом исходные законодательные положения практически не отличаются от аналогичных российских, европейских и североамериканских документов. В подтверждение процитируем соответствующие общие положения из юридических документов КНР:

«Контракты, упомянутые в этом Законе, представляют собой соглашения между равноправными физическими, юридическими лицами и другими организациями с целью установления, изменения и прекращения взаимных гражданских прав и обязательств» [Закон КНР «О договорах». URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4732.htm].

«Контракт – это соглашение, в соответствии с которым стороны устанавливают, изменяют или прекращают гражданские взаимоотношения» [Общие принципы гражданского права КНР. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12435/201703/7944f166a8194d788c63cc6610aebb4a.shtml>].

Исходя из вышеприведённых определений понятия «договор», каждая сторона пытается использовать этот юридический документ для контроля или влияния на другую сторону. Как результат, договор становится носителем обязательств и прав. Следовательно, договор должен четко определять обязанности и права сторон.

Таким образом, речевой жанр «договор» – это приведение дискурса различий со стороны 1 и дискурса различий со стороны 2 к дискурсу согласования и закрепление этого взаимодействия в виде текста.

При этом учёные, указывая на его институциональность, отмечают, что «для коммуникантов юридического дискурса особенности речевых жанров имеют принудительное значение» [Палашевская, 2012, с. 146]. По мнению И.В. Палашевской, в рамках речевого жанра «договор» взаимодействие стороны 1 и стороны 2 можно представить как «последовательность структурных элементов» [Там же], т.е. жанровый формат определяет параметры построения речевого жанра «договор» с прагматической и семантической точки зрения. Например, типовой текст речевого жанра «договор» обязан содержать такие параметры, как «*наименование договора*», в котором уточняется коммуникативная цель договора (供货合同 ‘договор поставки’, 保险合同 ‘договор страхования жизни’, 教育服务合同 ‘договор об оказании образовательных услуг’), 合同目的 ‘цель договора’, 供货或者服务条件和方式 ‘порядок и условия поставки или оказания услуг’, 质保和质量条款 ‘гарантийный срок и качество N’, 结算价格和方式 ‘цена и порядок расчетов’, 随车文件 ‘документы’, 皮重, 包装和唛头 ‘тара, упаковка, маркировка’, 双方责任 ‘ответственность сторон’, 情况说明 ‘заверения об обстоятельствах’, 不可抗力条件 ‘действия неопределённой силы’, 争议解决 ‘порядок разрешения споров’, 合同有效期 ‘срок действия договора’, 其他条款 ‘заключительные положения’, 法定地址, 账户信息和双方签字 ‘адреса, реквизиты и подписи сторон’ (см. Приложения 1, 3).

Важно отметить, что институциональность дискурса связана «с типизацией повторяющихся ситуаций, последнее приводит к системе типизированных моделей и образцов, в связи с этим необходимы институциональные юридические средства и конструкции» [Палашевская, 2012, с. 148]. Следовательно, наименования пунктов договора в рамках институционального дискурса являются типизированными моделями или параметрами договора, которые были перечислены выше.

Основная коммуникативная задача речевого жанра «договор» в ходе коммуникативной эстафеты и дискурса различий обеих сторон прийти к дискурсу согласования (подробно его суть раскрывается ниже, см. п. 1.3.2), в связи с этим в качестве параметров договора выступают не только наименования пунктов договора, но и типизированные формы высказываний, свидетельствующие о прототипической форме речевого жанра «договор». Например, «сторона 1, именуемая в дальнейшем покупатель, в лице ..., действующей на основании..., и сторона 2, именуемое в дальнейшем поставщик, в лице ..., действующего на основании..., вместе именуемые «Стороны», заключили настоящий договор...» (см. Приложение 1).

Таким образом, в ходе дискурса согласования в тексте договора выработаны универсальные правила, которые закрепляют обязательства сторон:

- 1) использование типизированных форм высказываний;
- 2) большая часть глаголов представлена в настоящем времени (закрепление обязательств сторон на весь период действия договора);
- 3) частично применяются глаголы будущего времени (указание на возможное нарушение обязательств с той или иной стороны);
- 4) частично применяются глаголы прошедшего времени (в случае нарушения обязательств стороной А сторона Б имеет право на принятие собственного решения в одностороннем порядке в соответствии с условиями договора);

5) содержатся модальные слова (в качестве закрепления обязательства сторон или требования, в случае нарушений при выполнении обязательств, закреплённых в тексте договора).

Рассмотрим представленные выше универсальные правила подробнее.

Пример 1.1. *«Наименование, ассортимент, количество, комплектность, цена товара, порядок оплаты, срок и условия поставки товара **соглашаются** сторонами и **указываются** в спецификациях, которые после подписания **являются неотъемлемой частью договора**»* (см. Приложение 1, договор поставки № 2019/009).

Сторона А обязуется перед стороной Б после заключения договора составлять спецификации, которые будут действовать на протяжении всего срока действия договора и являться его частью. Следовательно, если обязательства, закреплённые в договоре, будут нарушены одной из сторон, другая сторона вправе обратиться к экспертному сообществу (в арбитражный суд), чтобы признать нарушение обязательств. Последнее может привести стороны к дискурсу согласования, который может быть выполнен только экспертным сообществом.

Пример 1.2. *«В случае, если Поставщик **не направил** своего представителя в установленный срок, Покупатель вправе составить соответствующий акт **в одностороннем порядке** ... односторонний акт с оговоренными в нем нарушениями условий договора **является** основанием для предъявления Покупателем требований к поставщику в связи с такими нарушениями»* [см. Приложение 1, договор поставки № 2019/009].

В данном примере представлены глаголы в прошедшем и настоящем времени. При этом глагол в прошедшем времени представлен с отрицательной частицей *не*, а также в составе придаточного предложения с условным союзом *если*. Последнее указывает на порядок действий Покупателя, в случае нарушения обязательств, закреплённых в договоре за Поставщиком. Данные обязательства, как и возможные нарушения, действуют в течение всего периода договора, о чем свидетельствует глагол в настоящем времени *является*.

Таким образом, с помощью прототипичных типизированных форм высказывания, а также использования прошедшего времени глагола сторона Б (Покупатель) заранее закрепляет не только обязательства, но и прототипичные возможные ситуации нарушения этих обязательств. Важно, что стороны пытаются прийти к дискурсу согласования, учитывая возможное нарушение обязательств Поставщиком.

Пример 1.3. *«В случае, если при встречной проверке Поставщика налоговыми органами **будет установлен** факт сокрытия им оборотов по реализации в адрес Покупателя, Поставщик **обязан** по требованию Покупателя в 1,5-кратном размере **возместить** ему сумму НДС, исключённую из возврата»* (см. Приложение 1, договор поставки № 2019/009).

В примере 1.3 глагол представлен в будущем времени *будет установлен*. Это свидетельствует о том, что при выполнении со своей стороны Поставщиком обязательств, зафиксированных в договоре, не возникнет ситуации нарушения обязательств. Однако, если такая прототипичная ситуация (в договоре чаще всего зафиксированы как сами обязательства, так и типизированные формы их нарушения) произойдет, то Покупатель предлагает алгоритм действий – *Поставщик **обязан** по требованию Покупателя в 1,5-кратном размере **возместить** ему сумму НДС*. Следовательно, на этапе подготовки текста договора, необходимо согласовать действия на случай расхождения его отдельных положений сторонами. В связи с этим мы можем сделать вывод, что данная ситуация не единична, поэтому и закреплена в форме договора алгоритм преодоления расхождений. Безусловно, Поставщик в случае нарушения собственных обязательств не имеет право договариваться на новых условиях, чтобы закрепить новые для себя более выгодные обязательства. В связи с этим со стороны Покупателя по отношению к Поставщику используется маркер деонтической модальности *обязан* (ср. в примере 1.3 *обязан возместить*). Таким образом, для Покупателя аргумент, по какой причине Поставщик нарушил условия договора, становится нерелевантным. Выход из данной ситуации один – Поставщик обязан выполнить условия,

прописанные в речевом жанре «договор», иначе одна из сторон будет вынуждена обратиться к экспертному сообществу, т.е. в суд.

Таким образом, в речевом жанре «договор» закреплены обязательства сторон с помощью типизированных форм высказываний, в основном глаголов настоящего времени, наряду с ними присутствуют глаголы прошедшего и будущего времени, с помощью которых прописываются прототипичные ситуации расхождений интерпретаций, а также представлены модальные слова, однозначно закрепляющие обязательства за сторонами.

Анализ материала обоих исследуемых нами языков убеждает в том, что структурные и содержательные опоры жанра «договор» в них настолько близки, что позволяют изучать их особенности в ситуациях судебного спора без учёта различий. Тем не менее, кратко прокомментируем некоторые специфические черты китайского языка в рассматриваемом жанре.

1.2.1. О языковой специфике жанра 合同 («договор»)

Основные особенности китайского языка в жанре 合同 проявляются в видовременных формах глаголов. Последние обычно выражаются при помощи порядков слов, вспомогательных морфем и контекстов, отражаются в одной грамматической морфеме: 了, 过, 着 определяют настоящее и прошедшее время. Служебное слово 着 обычно находится за глаголом либо прилагательным, обозначает продолжительность действия в настоящее время, либо указывает на состоявшийся характер действия, которое имело место в прошедшем времени.

Пример 1.4. «设备整机经联运测试完全符合约定的技术指标, 经双方代表签字确认后, 即完成了对全部设备的最后验收»¹ (см. Приложение 1, договор купли-продажи электромеханического оборудования № 09/16-2015).

Итоговая приемка оборудования совершается после завершения испытания оборудования во время непрерывной эксплуатации и подтвержде-

¹ Перевод всех текстов примеров в данной работе наш – В.Х.

ния соответствия эксплуатационных характеристик оборудования настоящему договору, и завершается подписанием Сторонами Акта итоговой приемки’.

Пример 1.5. «对于双方来说, 如果发生了10.1条款中提到的状况, 那么履行本合同的上述义务的时期应该延长» *‘Для Стороны, если наступили обстоятельства, упомянутые в Пункте 10.1., период, отведенный для выполнения обязательств по настоящему Контракту, соответственно продлевается на срок действия вышеупомянутых обстоятельств’* (см. Приложение 1, договор о поставке нефтяного оборудования № ЕХ20140117).

Целесообразно отметить роль наречий времени, усиливающих видо-временное значение глаголов. Так, *已经* [yǐjīng] указывает на завершённый характер действия: оно имело место в прошлом и завершено.

На различные видовременные формы указывают такие временные наречия, как «正在, 正, 曾, 曾经, 已经, 将». В частности:

正在, 正 (‘сейчас’) – настоящее время;

曾, 曾经, 已经 (‘уже’) – прошедшее время;

将, 将要 (‘скоро’) – будущее время.

Пример 1.6. «合同已经按照约定履行完结». *‘Договор исполнен в соответствии с договоренностями’* (см. Приложение 1, договор о перевозке №IEQ20160035-12).

Пример 1.7. «卖方按照约定将货物交运后, 买方变更到达地点或收货人的, 由此产生的费用和 risk 由买方承担». *‘В случае изменения покупателем места поставки или грузополучателя после доставки товара продавцом до утвержденного в договоре места, соответствующие расходы и риски несет покупатель’* (см. Приложение 1, договор купли-продажи электромеханического оборудования № 09/16-2015).

Очередная характерная особенность в том, что видовременные формы современного китайского языка образуются при помощи модальных глаголов.

В тексте договора постоянно используются такие модальные глаголы, как 应, 应该, 不得, 必须, переводимые на русский язык как ‘должен’, ‘следует’, ‘полагается’, ‘надлежит’, ‘подлежит’ или ‘необходимо’, ‘нужно’. Они используются для определения моральных норм, социальных обязательств или ответственности двух сторон. Личжэнь Пэн указывает, что при их посредстве условия договора в целом регламентируют для обеих сторон дела, которые должно либо запрещено выполнить [Пэн, 2007]. Данные глаголы также употребляются как в контекстах, которые уже стали фактом (прошедшее время), так и для описания ситуаций, которые фактом ещё не стали (настоящее или будущее время [Карпека, 2017, с. 72]).

Своеобразна модальность глаголов «须, 必须». Известный китайский лингвист Люй Шусян истолковал «须, 必须» как ‘обязательно следует’ [Шусян, 1980], что означает фактическую либо модальную необходимость, то есть значения субъективной или объективной необходимости [Карпека, 2017, с. 114-115].

Также распространен в рассматриваемом жанре «须, 必须» – одинарный модальный глагол, который выражает только деонтическую модальность. Модальность «须, 必须» сводится к необходимости, которая обусловлена принудительным или абсолютным обязательством. Говорящий использует такие модальные глаголы, чтобы выразить абсолютное обязательство, налагаемое на объект деонтического восприятия, и настоятельно требует от адресата, чтобы событие, выраженное в высказывании, стало реальностью.

Пример 1.8. «包装标准: 本合同中约定的货物必须按照国家有关规定标准包装, 没有规定的, 应以保证货物运输安全的原则进行包装». *‘Стандарт упаковки: Товары, согласованные в настоящем договоре, должны быть упакованы в соответствии с действующими национальными стандартами. В случае отсутствия требований стандартов к упаковке, товар должен быть упакован по правилам обеспечения безопасности и сохранности грузов*

во время транспортировки' (см. Приложение 1, договор о перевозке №IEQ20160035-12).

Пример 1.9. «安全要求: 乙方必须遵守国家有关法律法规规定。在承运期间发生事故的, 由乙方负责, 给甲方造成损失的应予赔偿». *‘Требования к безопасности: перевозчик обязан соблюдать соответствующие требования действующего законодательства. В случае возникновения аварии во время перевозки, Перевозчик несет ответственность за убытки, причиненные Грузоотправителю’* (см. Приложение 1, договор о перевозке №IEQ20160035-12).

Пример 1.10. «运输危险品必须提供具备危险货物运输经营资质及相关证件». *‘В случае перевозки опасных грузов, Перевозчик обязан предоставить соответствующие квалификационные документы и лицензии’* (см. Приложение 1, договор о перевозке № IEQ20160035-12).

Отметим модальные глаголы 应, 应当. Разница между модальными глаголами «应, 应当» и «须, 必须» заключается не только в степени «необходимости». «应, 应当» выражает идеальную ориентацию общества, это – высший, руководящий ценностный стандарт, в то время как «须, 必须» – неизбежная норма поведения, конкретно указывающая на объективную реальность, без которой невозможно обойтись.

В своей работе Сунь Чжэн и Кун Сяншэнь с точки зрения традиционной китайской культуры и этнической психологической специфики рассмотрели это явление и сделали вывод в том, что китайцы, как правило, не желают явно или намеренно демонстрировать факторы принуждения в повседневной или даже юридической речи [Сунь Чжэн, 2009]. Если брать во внимание жанр «законодательный акт», здесь в основном используется «应, 应当», «须, 必须» встречается относительно редко.

Модальные глаголы 应, 应当 можно употреблять как для описания ситуаций, действий, поступков, событий, которые ещё не произошли, так и для

описания того, что уже свершилось и наличествует, но и в первом, и во втором случае не будет / не было совершено нужное конкретное действие, поступок [Карпека, 2017, с. 73].

Пример 1.11. «验收时间: 乙方应在货到后___日内进行验收。如发现货物不符合约定的, 应在货到后___日内书面通知甲方, 如未在该期限内通知甲方, 应视为货物符合本合同约定». *‘Время приемки: Перевозчик обязан провести приемку груза в течение ___ дней после прибытия груза. В случае несоответствия груза, Перевозчик обязан в течение _____ дней после прибытия груза в письменном виде уведомить об этом Грузоотправителя. В противном случае считается, что груз соответствует настоящему Договору’* (см. Приложение 1, договор о перевозке № IEQ20160035-12).

Пример 1.12. «验收时,甲乙双方代表都应在场, 验收完毕后由乙方出具验收报告, 双方代表共同签字确认». *‘Представители обеих Сторон должны присутствовать на приемке. По завершении приемки Перевозчик составляет Акт приемки, который подписывается представителями Сторон’* (см. Приложение 1, договор о перевозке № IEQ20160035-12).

Завершим краткий экскурс в специфику китайских модальных глаголов анализом 不得 и 不能. Модальные глаголы «不得, 不能» ‘нельзя, не должно, запрещается’ имеют объективное оценочное значение. В договоре «отрицательные формы 得, 不能 употребляются для выражения запрета, а ситуация, которая стоит дополнением к модальному глаголу, переводится будущим временем» [Карпека, 2017, с. 90-91].

Пример 1.13. «因不可抗力致使合同未按期履行或无法履行, 造成的损失由双方各自承担.如货物在运输过程中因不可抗力灭失, 未收取运费的, 乙方不得要求支付运费; 已收取运费的, 甲方可以要求返还。一方未尽通知义务或未采取措施避免、减少损失的, 应就扩大的损失负赔偿责任». *‘Если по причине обстоятельств непреодолимой силы Договор выполняется не в соответствии с графиком или не может быть выполнен, каждая из сторон*

самостоятельно несет соответствующие убытки. В случае потери товара во время перевозки по причине обстоятельств непреодолимой силы, и если при этом Перевозчик не получил оплату за перевозку, то Перевозчик не должен требовать оплаты транспортировки; если Перевозчик уже получил оплату за транспортировку, Грузоотправитель имеет право потребовать возврата оплаты. Если одна из сторон не выполняет свое обязательство по уведомлению или не принимает мер для предотвращения или уменьшения потерь, она несет ответственность' (см. Приложение 1, договор о перевозке № IEQ20160035-12).

Пример 1.14. *«双方因本合同所知悉的商业秘密承担保密义务。未经对方同意,不得以任何形式泄露给第三方或使用». 'Договор, его приложения и иные документы по договору являются конфиденциальной информацией и не подлежат разглашению без согласия другой стороны' (см. Приложение 1, договор о поставке нефтяного оборудования № EX20140117).*

Пример 1.15. *«下列事件为不可抗力事件: 战争、动乱、地震、飓风、洪水、冰雹、雪灾等不能预见、不能避免、不能克服的客观情况». 'Обстоятельствами непреодолимой силы являются следующие события: войны, беспорядки, землетрясения, ураганы, наводнения, град, лавины и другие непредвиденные, неизбежные и непреодолимые объективные условия' (см. Приложение 1, договор о перевозке № IEQ20160035-12).*

Пример 1.16. *«由于不可抗力致使双方或任何一方不能履行合同义务的, 应采取有效措施避免并减少损失, 将损失降低到最低程度。不可抗力发生后__小时内, 应以书面形式通知对方, 并在__日内向对方提供发生不可抗力的有效证明文件». 'Если по причине обстоятельств непреодолимой силы, Стороны или любая из Сторон не выполняют договорных обязательств, должны быть приняты эффективные меры по минимизации потерь. Сторона, которая не исполняет свои обязательства вследствие обстоятельств непреодолимой силы, должна уведомить другую Сторону о наступлении данных обстоятельств в срок не позднее _____ часов, и предоставить*

действительные подтверждающие документы в течение _____ дней' (см. Приложение 1, договор о перевозке № IEQ20160035-12).

Вышеописанные особенности глаголов китайского языка иногда становятся поводом к разночтению интерпретаций отдельных положений договора. При этом они не образуют каких-либо рядов, указывающих на закономерность. В связи с этим в анализе эмпирического материала они структурно не обособлены. Следовательно, установление универсальных причин ошибок аргументации в судебных спорах более продуктивно при параллельном рассмотрении соответствующих примеров. Однако, учитывая отсутствие фундаментальных лингвистических исследований судебных споров в КНР, целесообразно предварить анализ соответствующего эмпирического материала кратким обзором изучения вопроса юристами.

1.3. Краткий обзор юридических исследований причин договорных споров

Когда речь идет об исследованиях договорных споров с юридической точки зрения, выделяются несколько аспектов, попадающих в поле зрения ученых. В первую очередь, многих исследователей интересуют юридические особенности законов, которыми руководствуются составители договоров. Например, есть так называемые «лазейки» в законах, которые обычно становятся поводом для договорных споров [Фэн Лайчжун, 2006].

Более подробное и полезное с точки зрения лингвистического анализа исследование провёл Ху Юнцю [Ху Юнцю, 2001]. В частности, автор рассмотрел десять проблемных пунктов стандартного трудового договора, среди которых называются неопределенный срок испытания и обучения, необоснованные формулировки в пунктах по сертификации и передаче выполненных работ, компенсации уволенному сотруднику, нечеткое распределение должностных обязанностей работников и т.п. Ху Юнцю особо подчёркивает, что работодатель может использовать неточные формулировки договорных пунктов в свою пользу и, в конечном счёте, избежать судебной ответственности.

сти [Ху Юнцю, 2001, с. 49-50]. Целесообразно отметить, что проблема лазеек в трудовых контрактах находилась в центре внимания юристов КНР в начале 2000-х гг.

Кроме вышеуказанных работ, назовём весьма популярный, объёмный труд Ван Фэнли [Ван Фэнли, 2000]. Поскольку автор не только исследовал причины ошибок, допущенных в текстах договоров, но также давал ряд ценных советов, помогавших избежать этих ошибок, монография была востребована как агентами трудовых соглашений, так и судебными инстанциями, в обязанности которых входило рассмотрение соответствующих исков [Ван Фэнли, 2000, с. 46].

Некоторые договорные споры вызваны несовершенством правовых систем, в частности, недостаточным количеством законов, либо предотвращающих, либо разрешающих определённые юридические действия в конкретных случаях [Ван Хайцзяо, 2022a]. Отметим работу Чжан Юнхун и Чжан Мэйшу. Авторы проанализировали опыт отдельного судебного округа, отметив целый ряд «белых пятен» законодательства, обуславливающих возникновение юридических коллизий и споров [Чжан Юнхун, 1996]. Как показывает анализ более поздних источников, дефицит законодательных документов до конца не преодолен. Об этом свидетельствует исследование Пэн Сяньхуна, указывающего на возможности интернета в распространении законодательной информации и преодолении её отставания от судебной практики [Пэн Сяньхун, 2017]. А Чжао Юнься и Ван Цзинь обращают внимание на недостаток законов, регулирующих хозяйственную и производственную деятельность в социально важной области, связанной с продовольственной безопасностью страны [Чжао Юнься, 2013].

Особенно характерно для Китая, имеющего глубокую историю деловых и юридических отношений, что остаются в силе архаичные законы о контрактах, фактически лишаящие некоторые виды социально-экономической деятельности нормативных регуляторов. Работы Лю Цяосяна и Чжао Жаньчэн свидетельствуют о том, что на протяжении почти 15 лет за-

конодательная архаика показала устойчивость консервативных подходов [Лю Цяосян, 1999; Чжао Жаньчэн, 2013]. Ясно, что юристам ещё предстоит большая работа по приведению законодательной реальности в соответствие с требованиями времени.

Изучается влияние административной политики на контрактные споры. Установлено, что при изменении административной политики некоторые контракты одновременно теряют юридическую силу. Это фактически продолжение традиций политэкономии, игравшей ведущую роль в общественных науках прошлого века [Ян Сецзюнь, 2014; Сюй Шимин, 2007]. Также ученые проводят исследования эффективности судебной защиты сторон после вынесения договорных споров на заключительную стадию. Выясняется, что неэффективная защита может усугубить договорные споры [Дэй Сян, 2020; Ян Лань, 2020]. Наконец, в-четвертых, контрактные споры исследуются в контексте условий и обстоятельств, получивших название «человеческий фактор». В частности, контрагенты являются объектом, который часто изучается учеными в контрактных спорах. Некоторые контрактные споры вызваны отсутствием у контрагентов правового сознания; также выявляются факты пренебрежения деталями юридической процедуры, приводящие к неполной системе заключения контрактов на предприятиях [Чжу Чжунлян, 2000].

1.3.1. Дискурсивная специфика речевого жанра «судебное решение»

Жанр «судебное решение» раскрывается в нашем исследовании с иной стороны, чем «договор». Как отмечено выше, предварительное обсуждение договора его сторонами завершается письменным текстом, регламентирующим действия сторон в ходе делового сотрудничества, а также их ответственность за неисполнение взятых на себя обязательств. Не будет преувеличением утверждать, что рассмотрение текста договора с позиций лингвистики речевого взаимодействия малоперспективно. Как правило, протоколы встреч сторон не ведутся; извлечь же из текста детали его обсуждения невозможно.

Другое дело – судебное решение, в котором претензии сторон друг к другу и аргументы арбитражного суда изложены полно и адекватно. Заслуживает внимание вывод китайских исследователей, проанализировавших речевой жанр «судебное решение» с точки зрения прагматического подхода. В результате было отмечено, что судебное решение является не статическим «односторонним» текстом, а представляет собой «двусторонний» дискурс между сторонами Истец и Ответчик [Хэ Цзинцю, 2016]. Принимая дискурсивный акцент в определении сущности судебного решения, добавим, что в речевое взаимодействие вовлечены не две, а три стороны. При этом экспертное слово арбитражного суда является содержательным и структурным стержнем судебного заключения. В «трёхсторонности», по нашему мнению, заключается уникальная дискурсивная природа текстов жанра.

В Китае речевой жанр «судебное решение» рассматривается с различных позиций, начиная с 1980-х гг. [Лю Юнчжан, 1986], при этом он анализируется не только с точки зрения законодательства, стилистики, но и риторики, прагматики, семантики [Фань Цин, 2017; Хуан, 2010]. Наряду с этим исследование речевого жанра «судебное решение» в Китае проводилось и в сравнительно-сопоставительном аспекте: судебные решения материкового Китая, Гонконга, Макао, Тайваня [Ян Хаймин, 2006]. Чэн Лэ рассматривал судебные решения через интертекст, используя классификацию Фэйрклоу [Чэн Лэ, 2007]. Исследователем Янь Кэфэй был проведен сравнительно-сопоставительный анализ речевого жанра «судебное решение» на материале китайских и американских текстов в рамках интертекста, а также выявлены институциональность и жёсткая структурная организация как самого речевого жанра «судебное решение», так и оценки действий дискурса экспертного сообщества по отношению к различиям аргументов стороны 1 и стороны 2 [Янь Кэфэй, 2014].

О речевых жанрах в судебных решениях пишет российский исследователь Т.В. Сушенцова [Сушенцова, 2014] на примере гражданских дел. Учёный определяет «судебное решение как центральный жанр судебного дис-

курса», но не рассматривает такие базовые жанры, как РЖ «договор» и РЖ «судебный спор». На наш взгляд, невозможно выявить и понять основные причины ошибок в ходе коммуникативной эстафеты в таком РЖ, как «судебный спор». Безусловно, для вынесения судебного решения необходимо обоснование, т.е. в основе которого лежит дискурс различий, именно по этой причине коммуникант обращается в Арбитражный суд, прилагая к перечню документов и текст договора.

С.В. Винник в своей диссертации рассматривает языковую, структурную и композиционную оформленность судебного решения как текста. При этом отмечает, что «через средства языка, реализуемые в текстах, можно увидеть социальные отношения коммуникантов, проявления их личности и внутреннего мира вообще» [Винник, 2009, с. 4]. Данное утверждение согласуется с нашим выводом об уникальной дискурсивной природе судебного решения, следовательно, «судебное решение» не может рассматриваться только с формальной стороны, т.е. только в рамках текста. С.В. Винник, описывая актуальность работы, говорит о том, что важно рассмотреть «средства коммуникативной адресации», следовательно, последнее характеризует судебное решение не только как текст, но и как речевой жанр. В последнем содержатся не только композиционные, лексические, синтаксические, стилистические и другие типологические характеристики, но и отражается ход коммуникативной эстафеты, в результате которой был подготовлен данный документ. Например, *«Арбитражный суд рассмотрел дело о взыскании задолженности по договору поставки газа ... при участии в судебном заседании: от истца: ... от ответчика: ...»* (см. Приложение 2, решение, дело № А07-13168/2020 от 26.10.2020). Следовательно, в начале РЖ «судебное решение» в качестве параметров обозначается тема дискурса, коммуниканты (истец, ответчик), т.е. перед нами не просто текст, а дискурс, участники которого обязательно указаны в данном речевом жанре.

И.В. Палашевская отмечает, что в юридическом дискурсе РЖ «судебное решение» «не зависит от коммуникативного субъекта, который должен при-

нять “правила игры”, действуя по законам жанра, однако от которого зависит репрезентация событий, т.е. дискурсивное позиционирование, включающее позиционирование участников коммуникации относительно друг друга в контексте ситуации» [Палашевская, 2012, с. 149]. Например, рассмотрим судебное решение Арбитражного суда республики Башкортостан. Сторона 1 (истец) репрезентирует событие, характеризуя действия стороны 2 (ответчика): *«Истец во исполнение условий договора поставил ответчику газ, однако ответчиком обязательства по оплате исполнены ненадлежащим образом»* (см. Приложение 2, решение, дело № А07-13168/2020 от 26.10.2020). Но принимает решение ни сторона 1, ни сторона 2, а экспертное сообщество – Арбитражный суд: *«при принятии решения Арбитражный суд оценивает доказательства и доводы, приведенные лицами, участвующими в деле, в обоснование своих требований и возражений; определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены, какие обстоятельства не установлены... решает, подлежит ли иск удовлетворению»* (см. Приложение 2, решение, дело № А07-13168/2020 от 26.10.2020). Таким образом, судья в качестве члена экспертного сообщества выносит решение, руководствуясь не только репрезентацией события сторонами 1 или 2, но и законом и практикой экспертного сообщества.

Рассмотрим определение, предложенное в словаре по конституционному праву: «Судебное решение: любой акт суда (судьи), которым подводится итог рассмотрению конкретного дела или возникшего в связи с ним вопроса, подтверждаются или не подтверждаются юридически значимые факты и определяются правовые последствия, которые должны наступить в соответствии с предписаниями закона. В таком смысле С. р. – это приговор суда по уголовному делу, решение по гражданскому делу, а также определение и постановление» [Конституционное право. Энциклопедический словарь. Режим доступа: <https://rus-constitutional-law-dict.slovaronline.com/search?s>].

Таким образом, текст речевого жанра «судебное решение» представляет собой заключительный этап развития дискурса судебного спора, оформленный по правилам и требованиям экспертного сообщества.

По заключению О.А. Крапивкиной, исследовавшей весьма объёмный эмпирический материал, типовой текст речевой жанра «судебное решение» имеет следующую структуру: «1) вопросы факта, или сведения о предмете судебного разбирательства; 2) вопросы права или юридическая оценка установленных судом фактов, основанная на их всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании; 3) правовая позиция судьи, т.е. его убеждение, решение, сложившееся в результате исследования вопросов факта и права, а также умозаключения по этим вопросам» [Крапивкина, 2014, с. 222]. Принимая эту триаду как точку отсчёта, опишем схему реконструкции дискурса судебного спора на основе текста судебного решения.

1.3.2. Базовая модель реконструкции дискурса судебного спора

Поставив задачу реконструкции дискурса судебного спора, необходимо начать с разработки универсальной схемы анализа.

Исследователи, занимающиеся реконструкцией дискурса [Карасик, 2002; Борботько, 2011; O'Keefe, 2006], по преимуществу придерживаются индукции, или стратегии восхождения от совокупности тематически связанных текстов к абстрактному представлению (модели), лежащей в основе их структуры и содержания. Эффективно использовала такую стратегию Е.Е. Калиш, решая задачу реконструкции дискурса в целях перевода [Калиш, 2013]. Она показала, что сущность реконструкции в свете решаемой проблемы заключается в восстановлении контекста ситуации [Малиновский, 1997; Halliday, 1989], то есть культурозначимых признаков, обуславливающих особенности речевой деятельности в определённое историческое время.

Отметив значимые исследования более позднего времени, признаем, что идеологическим первооткрывателем приоритета культуры в разработке модели реконструкции дискурса был М. Фуко. Его модель не только охватыва-

вает множество родственных текстов определённой тематической области, но также локализует их историко-социальную принадлежность. Глубокие, эвристически богатые идеи французского исследователя воплощены в понятиях «архив дискурса» и «архивное высказывание» (далее – АВ). Последний термин М. Фуко понимает как «специфическую закономерность (regularite) в ходе дискурса определённых тем, понятий и познания» [Фуко, 2004, с. 247]. Непреходящее значение этих понятий в том, что в них осуществлён синтез языка и культуры определённой эпохи, или «времени культуры» [Фуко, 1999]. Отметим удачное использование данных понятий в диссертации У.В. Смирновой, реконструировавшей дискурс времени культуры «9/11» в США на основе одноимённого архивного высказывания [Смирнова, 2008]. Полагаем, что адаптация понятия «архивное высказывание» помогает разработать типовую схему реконструкции дискурса судебного спора на основе текстов жанра «судебное решение».

Сообразно с целями нашего исследования главной характеристикой дискурса судебного спора логично считать его организацию вокруг письменного высказывания в тексте договора, смысл которого интерпретируется сторонами спора по-разному. Принимая точку зрения М. Фуко, такое высказывание считается **архивным**, если весь дискурс отдельного спора – вплоть до вынесения судебного решения – полагать как отсроченное событие в рамках соответствующего времени культуры. Более того, и в тех случаях, когда судебное решение оспаривается и рассмотрение дела поступает в арбитражный суд более высокой инстанции, оспариваемое положение договора – читай, архивное высказывание дискурса – остаётся прежним [Каплуненко, 2023]. Таким образом, объём дискурса может возрастать, но ни время культуры (судебный спор от объявления разногласий сторон до его окончательного решения), ни архивное высказывание дискурса не претерпевают качественных изменений. Наше определение «отсроченное событие» подчёркивает, с одной стороны, неизбежное окончание коммуникативного процесса, с другой сто-

роны, наличие множества текстов, образующих дискурс, разнесённых во времени, но, тем не менее, связанных **одним** архивным высказыванием.

Следующим шагом «переведём» основные понятия, использованные нами в предыдущих рассуждениях, на язык анализа дискурса. Воспользуемся эволюционной теорией дискурса, разработанной А.М. Каплуненко [Каплуненко, 2007; 2009]. Краткое содержание последней: дискурс любой сферы культуры и жизнедеятельности эволюционирует в направлении от дискурса различий (ДР) к дискурсу согласования (ДС) и от него – к дискурсу экспертного сообщества (ДЭС). На первом этапе эволюции участники опираются на индивидуальный опыт переживания действий, событий, процессов. Этот опыт даёт разные представления о сущностях и характеризуется господством концепта как знака и ДР как речедеятельностной формы. На втором этапе участники-носители ДР стремятся к взаимопониманию. Индивидуальные представления модифицируются таким образом, чтобы устранить различия интерпретаций сущностей. Формируется ДС, в основе которого – понятие как знак. Термин уже употреблялся ранее по отношению к тексту делового договора. В самом деле, подписи сторон свидетельствуют о согласованном понимании таких ключевых понятий договора, как его предмет, локальные, временные и финансовые параметры делового взаимодействия сторон. Наконец, на третьем этапе образуется ДЭС, в основе которого – термин как знак. В качестве примера А.М.Каплуненко приводит знак «скорость», соотносимый в ДР с разными представлениями («самолёт», «ракета», «Формула-1» и т.п.), в ДС – «школьное» определение «расстояние, делённое на время», в ДЭС – «соотношение расстояния к времени при условии, что последнее стремится к нулю» [Каплуненко, 2007].

Соответственно, в дальнейшем описании дискурса судебного спора Истец определяется как носитель ДР1, Ответчик – носитель ДР2 и Арбитражный суд – носитель ДЭС. Ниже приводим триаду понятий, описывающих дискурсивные связи участников судебного спора (рис. 1.2):

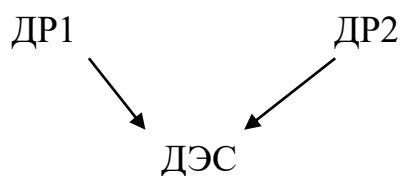

Рис. 1.2

Также триадой, но с обратным направлением векторов, описывается отношение носителей ДР к архивному высказыванию (АВ), положению договора, инициирующему разногласия ДР1 и ДР2 (рис. 1.3):

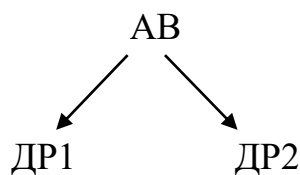

Рис. 1.3

В ходе анализа эмпирического материала также используется понятие «интерпретация / носителя ДР1 / носителя ДР2». Простейший пример интерпретации – сведение аргументов носителей ДР к однозначному заключению. Так, судебные аргументы носителя ДР1 могут сводиться к заключению: «Сторона ДР2 нарушает **положение о порядке расчётов за поставленную продукцию**». Соответственно, контраргументы носителя ДР2 сводятся к возражению: «Сторона ДР2 соблюдает **положение о порядке расчётов за поставленную продукцию**». Ясно, что выделенный фрагмент в обеих интерпретациях – архивное высказывание (АВ). Целесообразно продемонстрировать применение схемы реконструкции дискурса в анализе эмпирического материала.

1.3.3. Схема реконструкции дискурса судебного спора в действии

Истец как носитель ДР1, имея претензии к Ответчику, носителю ДР2, обращается в Арбитражный суд как к носителю ДЭС с целью доказать, что носитель ДР2 вёл неправильную юридическую практику; при этом иллюкативной целью носителя ДР2 становится убедить ДЭС в обратном. Интенция носителя ДР1 по отношению к носителю ДР2 зафиксирована в первом абзаце

текста судебного решения после указания на ЭС, т.е. наименование Арбитражного суда, должность, ФИО судьи, затем указывается итоговая директива ДЭС, обычно *«об обязанности к исполнению договора»* (см. Приложение 2).

Носитель ДР1, иллюкутивной целью которого является доказать, что носитель ДР2 не исполняет условия договора, например, предоставляет товар не-договорного качества, заявляет желательное практическое действие носителя ДР2, которое, по его мнению, сообразуется со справедливым решением.

Пример 1.17. *«Обязать Государственное предприятие ... осуществить перепоставку нефти по контракту на поставку, хранение и отпуск сырой нефти от 20.02.2018 №7/ЭА/02/18 с муниципальным предприятием ... в объеме 3373,145 тонн в течение 60 дней с момента вступления решения в законную силу»* (см. Приложение 2, С.Р., дело № А33-29065/2018 от 30.11.2021).

По мнению носителя ДР1, были нарушены условия договора, в соответствии с которыми носитель ДР2 должен был поставить нефть более высокого качества. При этом носитель ДР1 исходит из собственного опыта интерпретации качества товара в соответствии с ГОСТ, а также ссылаясь на текст договора, выделяя в нём высказывание, которому предстоит сыграть роль АВ.

В ходе судебного спора носитель ДР1 не просто указывает на неправильную юридическую практику, т.е. на невыполнение обязательств носителем ДР2 в рамках АВ – *«пункта 3.1. контракта нефть должна соответствовать ГОСТ Р 51858-2002»* (см. Приложение 2, С.Р., дело № А33-29065/2018 от 30.11.2021), но и привлекает в качестве заключения ДЭС результаты судебной экспертизы, сделанной автономной некоммерческой организацией «Судебный эксперт». Следовательно, понятие интерпретация носителем ДР1, подкреплённая результатами ДЭС (судебная экспертиза), является весомым аргументом для Арбитражного суда, носителя ДЭС.

Носитель ДР2 (Ответчик) интерпретирует аргументы носителя ДР1 (Истца) как недостаточно весомые, указывая на неправильную юридическую практику со стороны носителя ДР1: *«...приемка нефти по качеству и отбор*

проб проведены истцом с нарушением требований установленных контрактом и инструкцией о порядке приемки продукции, утверждённой Постановлением Госарбитража СССР 25.04.66 № П-7 и ГОСТ 2517» (см. Приложение 2, С.Р., дело № А33-29065/2018 от 30.11.2021). Носитель ДР2, опираясь на собственный деловой опыт, стремится с помощью иной интерпретации АВ в контексте данного события реализовать противоположную интенцию.

В связи с тем, что носитель ДР1 и носитель ДР2 обратились к ДЭС, в качестве которого выступает арбитражный суд, на последний возлагается обязанность восстановить ДС вынесением справедливого решения. Таким образом, роль ДЭС самая сложная, т.к. в ходе судебного спора должны быть сведены аргументы носителя ДР1 и носителя ДР2 к однозначному заключению. При этом ДЭС должен руководствоваться не только интенциями носителей ДР1 и ДР2, опирающимися на разные интерпретации АВ, но, в первую очередь, юридическими ценностями, т.е. статьями закона Гражданского кодекса РФ и Арбитражного кодекса РФ. Исходя из вышеперечисленных ценностей, ДЭС должен прийти к однозначному заключению.

Заключение ДЭС представлено в последней части судебного решения: в резолютивной части. Однозначное заключение ДЭС может быть изложено только в трёх вариантах, т.е. арбитражный суд постановляет: 1) удовлетворить требования полностью, 2) удовлетворить требования частично, 3) отказать в удовлетворении требований.

Вернёмся к вышеприведенному примеру. В ходе развёртывания дискурса ДЭС в качестве аргументации к юридическим ценностям апеллирует к *«параграфам 1 и 3 главы 30 ГК РФ, ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ, ст. 525 Гражданского кодекса РФ, ст. 516 ГК РФ»* и приходит к однозначному заключению: *«...исковые требования удовлетворить частично. Обязать Государственное предприятие Красноярского края «Центр развития коммунального комплекса» осуществить перепоставку нефти по контракту на поставку, хранение и отпуск сырой нефти от 20.02.2018 №7/ЭА/02/18»* (см. Приложение 2, С.Р., дело № А33-29065/2018 от 30.11.2021). Таким образом,

аргументация носителя ДР1 частично успешна (достигает частичного перлокутивного эффекта), в то время как аргументы ДР2 приходится признать – вслед за ДЭС – ошибочными.

В случае, если носитель ДР1 или носитель ДР2, исходя из собственных интерпретаций АВ, считают данное заключение ДЭС неправильным, то они вправе обратиться в суд следующей инстанции. Важно отметить, что при обращении в арбитражный суд следующей инстанции и при рассмотрении последним интерпретаций носителя ДР1 и интерпретаций носителя ДР2, ДЭС при повторном сведении аргументов носителей ДР к однозначному заключению за основу берёт не только интенции обеих сторон, но и в качестве **неизменного аргумента** АВ, которое по условиям апелляционного рассмотрения не должно меняться.

Рассмотрим **другой пример**. Носитель ДР1 (Истец) обращается в арбитражный суд (носитель ДЭС) с иллокутивной целью доказать, что носитель ДР2 (Ответчик) вёл неправильную юридическую практику, конструируя следующее АВ на основе договора: *«о взыскании задолженности по договору поставки газа № 67592 от 28.08.2017 за период февраль-апрель 2018 года в размере 15 251 709,66 руб., неустойки в размере 178866,8 руб. за период с 19.03.2020 по 10.06.2020»* (см. Приложение 2, С.Р. № А07-13168/2020 от 26.10.2020). Носитель ДР1, исходя из собственных интерпретаций АВ *«по договору поставки газа»*, намерен доказать, что носитель ДР2 имеет задолженность. Иллокутивной целью носителя ДР1 является получить как сумму самой задолженности, так и неустойку. В свою очередь носитель ДР2 вступает в судебный спор и заявляет ходатайство о снижении неустойки, в связи с тем, что *«несвоевременная оплата вызвана несвоевременной оплатой со стороны потребителей»* (см. Приложение 2, С.Р. № А07-13168/2020 от 26.10.2020), т.е. исходит из собственной интерпретации АВ.

ДЭС при оценке аргументов носителей ДР1 и носителей ДР2 исходит из юридической оценки аргументов сторон и юридических ценностей (статей и положений законов, а также из арбитражной практики), а также самого АВ:

*«По правилам статьи 544 Гражданского кодекса Российской Федерации оплата энергии производится за фактически принятое количество энергии... **Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются...**» (см. Приложение 2, С.Р. № А07-13168/2020 от 26.10.2020). ДЭС выносит однозначное заключение: **«Выслушав пояснения представителя истца, исследовав материалы дела, оценив в соответствии с требованиями ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в совокупности все имеющиеся в дела доказательства, суд считает, что **исковые требования подлежат удовлетворению**»** (см. Приложение 2, С.Р. № А07-13168/2020 от 26.10.2020). Иными словами, ДЭС, предлагает носителям ДР новый ДС с учётом содержания АВ, релевантных юридических ценностей и интенций носителей ДР1 и ДР2. Разумеется, у носителя ДР2, выдвинувшего ошибочные аргументы, есть возможность оспорить решение в апелляционном ДЭС **при условии неизменного АВ**, но до вынесения последним вердикта проигравший обязан выполнять текущее решение.*

Пример 1.18. *«Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд в составе судьи Токаревой М.В. рассмотрев ... апелляционную жалобу ... на решение Арбитражного суда Ставропольского края от 24.11.2020 ... о **взыскании задолженности...**» (см. Приложение 2, С.Р. № А63-12893/2020, резолют. ч. 02.06.2021, постановление от 09.06.2021). Таким образом, как и при первичном ДЭС (арбитражный суд первой инстанции), так и при последующих ДЭС указывается наименование арбитражного суда, должность, ФИО судьи, а затем интенция носителя ДР1 нарушения юридической практики носителем ДР2 на основании АВ, т.е. текста договора.*

Повторное рассмотрение как в ДЭС₂, так и в ДЭС_N может прийти в резолютивной части РЖ «судебное решение» к тем же выводам, что и ДЭС₁. При этом как ДЭС₂ или ДЭС_N должны учитывать вновь интенции носителей ДР1 и ДР2, юридическую оценку аргументов сторон и юридических ценностей (статей и положений законов, а также из арбитражной практики), а так-

же АВ, которое всегда остаётся прежним, т.е. не претерпевает качественных изменений: *«решение Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда Ставропольского края от 24.11.2020 по делу о взыскании задолженности... оставить без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения»* (см. Приложение 2, С.Р. № А63-12893/2020, резолют. ч. 02.06.2021, постановл. 09.06.2021).

В Китае РЖ «судебное решение» также является продуктом судебного спора, т.е. носитель ДР1 и носитель ДР2, каждый исходя из собственных интерпретаций АВ, обращаются к ДЭС. ДЭС в КНР, как и РФ, является арбитром, приводящим разногласия ДР к ДС.

По мнению китайских исследований, «судебное решение» является «(1) текстом, который имеет юридическую силу; (2) письменным носителем дискретного события в рамках времени и культуры; (3) письменным носителем ДС, учитывая аргументы носителя ДЭС и носителей ДР1 и ДР2» [Дун, 2007, с. 22]. Дискурс судебного решения в Китае также эволюционирует от ДР к ДС при посредничестве ДЭС. Рассмотрим подробнее.

Носитель ДР1 считает, что носитель ДР2 вёл неправильную юридическую практику и нарушил условия АВ, т.е. РЖ «договор».

Пример 1.19. *«婚宴改期» ‘о переносе даты свадебного торжества’* (см. Приложение 4, С.Р. от 2021 г. № 0306-1771).

Носитель ДР1 имеет иллокутивную цель: *«1.解除双方婚宴酒席预订合同； 2.判令 ... 返还 ... 预交定金 30000 元； 3.受理费由 ... 承担»*. (*‘1. Расторгнуть договор о заказе ресторана на свадьбу, заключенный носителями ДР1 и ДР2; 2. Носитель ДР2 обязан вернуть оплаченные денежные средства в размере 30 000 юаней; 3. Судебные расходы должен возместить носитель ДР2’*).

Носитель ДР2 не согласен с носителем ДР1, считая, что последний вёл неправильную юридическую практику: *«1.双方从未达成将婚宴改为 2020 年 10 月的合意，合同已于 2020 年 3 月 29 日陷入履行不能； 2....无权保留*

30000 元定金». (*1. Две стороны никогда не договаривались о переносе даты свадебного банкета на октябрь 2020 г. с двадцать девятого марта 2020 г. 2. Носитель ДР1 не имеет право задержать денежные средства в размере 30 000 юаней*). Таким образом, носитель ДР2 в ходе судебного спора считает, что носитель ДР1 нарушил условия договора, аргументируя это указанными датами в АВ.

ДЭС при оценке аргументов носителей ДР1 и носителей ДР2 исходит из юридической оценки аргументов сторон и юридических ценностей и АВ приходит к ДС и выносит резолюцию: «一、确认...与...于 2019 年 12 月 1 日订立的餐饮服务合同解除；二、...应于判决生效之日起五日内支付...定金 30000 元。案件受理费 275 元，由...承担». (*1. Расторгнуть договор о заказе ресторана на свадьбу, заключенный носителями ДР1 и ДР2; 2. Носитель ДР1 обязан вернуть оплаченное денежное средство в размере 30 000 юаней в течение 5 дней с момента вступления в силу судебного решения; 3. Судебные расходы в размере 275 юаней относятся на носителя ДР1*) (см. Приложение 2, С.Р. от 2021 г. № 0306-1771). Следовательно, Арбитражный суд первой инстанции (далее – ДЭС ПИ) признает данное АВ ничтожным, предлагая носителям ДР1 и ДР2, расторгнуть договор, т.к. условия договора не были соблюдены носителями ДР1 и ДР2.

Носитель ДР1 не согласен с решением ДЭС ПИ и считает, что носитель ДР2 вёл неправильную юридическую практику. В связи с этим носитель ДР1 обращается в суд второй инстанции. Иллокутивной целью носителя ДР1 является изменить решение суда первой инстанции и признать неправильную юридическую практику носителя ДР2. При этом в качестве обоснования носитель ДР1 вновь указывает АВ: «婚宴改期» ‘*о переносе даты свадебного торжества*’, считая, что именно носитель ДР2 нарушил условия АВ (см. Приложение 2, С.Р. от 2021 г. № 0306-1771).

Арбитражный апелляционный суд (далее – ДЭС АИ) при повторном сведении аргументов носителей ДР1 и ДР2 к однозначному заключению за

основу берёт интенции обеих сторон, АВ, а также руководствуется юридическими ценностями, учитывает мнение ДЭС ПИ, но может прийти и к другому заключению в отличие от ДЭС ПИ 根据《中华人民共和国担保法》第八十九条、第九十条规定,“预定金”不属于定金。因此,双方没有达成定金约定。*(‘В соответствии со ст. 115 договорного права КНР после того, как должник погасит долг, залог возвращается. В соответствии со ст. 89 и 90 договорного права КНР ...’)* (см. Приложение 2, С.Р. от 2021 г. № 0306-1771). На основании АВ, юридических ценностей ДЭС АИ приходит к выводу: «驳回上诉, 维持原判» (*‘Определение суда первой инстанции оставить без изменения, а апелляционные жалобы – без удовлетворения’*) (см. Приложение 2, С.Р. от 2021 г. № 0306-1771).

Таким образом, в ходе судебного спора АВ является его неизменным смысловым центром и не зависит от территории рассмотрения дискретного события в рамках соответствующего времени культуры. Иначе говоря, АВ выступает в качестве устойчивого центра дискурсивной организации судебного спора в юридической практике РФ и КНР.

1.4. Об аргументативной структуре судебного спора

Подробное описание содержания и объёма понятия «спор» не входит в круг наших задач. Тем не менее, уточняя сущность и семиотические параметры судебного спора, начнём с общего замечания.

Большинство споров с однозначным участием протагониста и антагониста, проходящих в отсутствие арбитра, носят характер игры с седловой точкой, т.е. «целью первого игрока является максимизировать свой выигрыш, целью второго – минимизировать собственный проигрыш» [Морозов. Режим доступа: <https://teach-in.ru/file/synopsis/pdf/game-theory-M1.pdf>], и часто завершаются своего рода «ничьей». Обоюдное стремление сторон к выигрышу заканчивается сохранением исходных установок независимо от их логиче-

ских и аксиологических слабостей [Бокмельдер, 2014]. Судебный спор принципиально отличается от спора с седловой точкой.

Опираясь на универсальные правила аргументации [Перельман, 1987; Баранов, 1990; Ивин, 2000; Toulmin, 1958], определим судебный спор как сложное речевое событие, которое:

1) организовано вокруг архивного высказывания, имеющего – в классической разновидности судебного спора – три интерпретации;

2) произведено в результате речевого взаимодействия трёх участников-интерпретаторов архивного высказывания: носителя ДР1, носителя ДР2, носителя ДЭС (арбитражного суда);

3) ограничено аргументами, апеллирующими к ценностям-положениям Гражданского (ГК) или Арбитражно-процессуального (АПК) кодекса;

4) неизменно завершается принятием интерпретации носителя ДЭС.

Прокомментируем параметры вышеприведённого определения подробнее. Это требует некоторой конкретизации эволюционной теории дискурса (см. п. 1.3.2).

Очевидно, что судебный спор начинается с противостояния интерпретаций архивного высказывания носителями ДР1 и ДР2. Это противостояние снимается, если интерпретаторы-носители ДР1 и ДР2, действуя сообразно с Принципом Кооперации [Грайс, 1985], приходят к Дискурсу Согласования (ДС). В случае неспособности или нежелания идти по такому пути, носители ДР обращаются к Арбитражному суду как носителю ДЭС. На первый взгляд, возникает парадоксальная ситуация, если носители ДР действуют через своих представителей-юристов: ведь последние также принадлежат дискурсивному экспертному сообществу; их профессиональная осведомлённость мало в чём уступает осведомлённости арбитражных судей. Однако принятые в рамках конкретного дела обязательства освобождают представителей ДР от роли Фемиды. Их глаза открыты, а знания и опыт подчинены задаче оптимизации аргументов в пользу позиции клиента и минимизации влияния

контраргументов противной стороны. Последние либо комментируются как незначительные, либо вовсе замалчиваются.

Роль Фемиды – и по определению, и по речевой ситуации – возлагается на носителя ДЭС-арбитражный суд. В адрес ДР1 и ДР2 он выдвигает интерпретацию, суггестирующую ДС, который, если не примиряет носителей ДР, то снимает тяжёлый характер с их деловых отношений. Основные варианты интерпретации ДЭС следующие: 1) полная синонимия интерпретаций ДЭС и ДР1 (однозначная поддержка аргументов истца); 2) полная синонимия интерпретаций ДЭС и ДР2 (полная поддержка аргументов ответчика); 3) неполная синонимия интерпретаций ДЭС, ДР1 и ДР2 (частичная поддержка аргументов ДР1 и ДР2).

Рассмотрим несколько характерных примеров.

Пример 1.20. Начнём с архивного высказывания, ставшего, по свидетельству носителя ДЭС (ОРАС, 1-4), причиной судебного спора сторон ДР1 и ДР2: *«Количество поставляемых изделий определяется дополнительным соглашением сторон»* (см. Приложение 2, С.Р. от 02 марта 2009 г. по делу № А60-40673/2008-С2). Разночтения выявились после поставок ДР1 такого количества изделий, которое ДР2 считает излишним. Интерпретация носителя ДР2 защищается двумя аргументами: **А1.** *«Дополнительное соглашение не заключено. А2.* *Следовательно, количество поставляемых изделий определяется носителем ДР2 по его усмотрению»* (см. Приложение 2, С.Р. от 02 марта 2009 г. по делу № А60-40673/2008-С2). Поставщик же настаивает на собственной интерпретации, которая отличается от вышеприведённой только тем, что место ДР2 занимает ДР1. Характерно, что стороны настаивают на собственных интерпретациях, ссылаясь, главным образом, на вышеприведённое архивное высказывание; правда, носитель ДР1 ссылается на юридическую ценность – статью 487 ГК РФ.

Поскольку, носители ДР1 и ДР2 не согласились с решением ДЭС ПИ, признавшего договор ничтожным, спор продолжился в Апелляционном арбитражном суде. Носитель ДЭС АИ выдвигает следующую последователь-

ность аргументов, влекущую за собой перлокутивный эффект как судебное решение, обязывающее стороны к его исполнению: **А1.** *«В силу ст. 422, 432, 454, 455, 506 ГК РФ договор поставки считается заключённым с момента подписания дополнительного соглашения и в отношении продукции, поименованной в этом соглашении. А2.* *При отсутствии договора, но при наличии обстоятельств и соответствующих доказательств, подтверждающих факт поставки товара одной стороной и принятие этого товара другой, обстоятельства квалифицируются как разовые сделки купли-продажи, регулируемые гл.30 ГК РФ».* Подчеркнём: апеллируя к пяти статьям гражданского кодекса, носитель ДЭС АИ фактически использует аргументативную силу узаконенных ценностей. Содержание последних не может быть оспорено другими участниками судебного спора, возможно только несогласие с правильностью их применения в конкретной ситуации. Также обратим внимание на то, что статья 487 ГК РФ, на которую ссылается носитель ДР1, фактически признана ДЭС АИ нерелевантной. Вообще, прямое цитирование текстов статей в заключениях ДЭС не типично, но организация экспертного высказывания оптимизирует их смысл, не допуская условных формулировок типа «... если не предусмотрено иными законодательными нормами и правилами», которые нередко присутствуют в текстах жанра «закон / законодательный акт». Заключительная часть аргументации ДЭС наверняка обескураживает носителей ДР1 и ДР2, полагавших на то, что положение договора действует в их интересах: **А3.** *Накладные содержат все необходимые реквизиты, а также сведения о наименовании, количестве подлежащего поставке товара. А4.* *Суды пришли к выводу о совершении сторонами разовых сделок купли-продажи».* **Заключение.** *Договор сторон признать ничтожным.* Таким образом, документ, на силу которого уповали носители ДР1 и ДР2, аннулируется, а ошибка аргументации, заложенная в их интерпретациях архивного высказывания, становится неоспоримой.

Пример 1.21. *«Копия договора, подписанная путём факсимильного воспроизведения подписи, надлежащим доказательством заключения дого-*

вора не является» (см. Приложение 2, С.Р. от 27 октября 2008 г. по делу № А60-20735/2008-С5). Носитель ДР1 полагает, что эта интерпретация соответствующей статьи АПК верна, в то время как носитель ДР2, представивший подписанный факсимиле документ, утверждает обратное. Скорее всего, спорящие стороны полагались на собственные представления о содержании статьи: по ходу спора в арбитражном суде они избегали её цитирования.

Носитель ДЭС выдвигает развёрнутую интерпретацию по правилам сложноподчинённой аргументации: *«А1. В соответствии со ст. 160, 161 ГК РФ сделки юридических лиц между собой должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения. А2. Сделка в письменной форме должна быть совершена путём составления документа, выражающего её содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами. А3. Из пункта 2 ст.434 ГК РФ следует, что договор в письменной форме может быть заключён путём составления одного документа, подписанного сторонами, а также путём обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору».*

Первые 3 аргумента ДЭС могут показаться избыточными. Тем не менее, релевантный юридический контекст АВ, приведённый с вовлечением его дальнейшей периферии, образует оптимальную рамку интерпретации ДЭС, предупреждая попытки контраргументации. Пять последующих аргументов, обращённых к сути судебного спора, опираются на следствия из этого контекста.

А4. Согласно п.3 ст.75 АПК РФ, документы, полученные посредством факсимильной связи, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и в порядке, которые установлены федеральным законом, иными правовыми актами или договором. А5. Как подтверждается материалами дела, переписка велась сторонами посредством факсимильной связи. А6.

Данный способ передачи информации между сторонами предусмотрен договором, согласно которому при обмене подписанными экземплярами настоящего договора, приложениями (спецификациями), в которых имеется указание на все существенные условия договора поставки. А7. Данные документы подписаны со стороны ответчика. А8. То обстоятельство, что переписка сторон, в том числе обмен спецификациями, велась посредством использования факсимильной подписи (факсимиле), не противоречит действующему законодательству (п.3 ст.75 АПК РФ, ч.2 ст.160, ч.1 ст.161, ст.434 ГК РФ)». Нельзя не обратить внимание на значительный объём экспертной интерпретации. В рассматриваемом случае это объясняется двумя обстоятельствами: 1) необходимостью ссылок на большое количество ценностей (статей ГК и АПК); 2) протестом ответчика против аналогичного решения носителя ДЭС ПИ. Поэтому последний аргумент (А8) необходимо избыточен и присутствует как синопсис аргументов А1 – А3, своего рода «убеждающая рамка» [Баранов, 1990].

Пример 1.22. Анализ следующего примера требует краткого описания его предыстории.

Носитель ДР2 обязался оплатить носителю ДР1 юридические услуги в размере 15000 юаней. Представитель ДР1 получил от представителя ДР2 лишь 6000 юаней. На обороте счёт-фактуры представитель ДР1 записал: «*实收陆仟元整 (6000.00 元) 已结清 冯冬妮 2011.12.30*» ('Получено 6000 юаней. *Всё уже оплачено. Подпись 30.12.2011*'). Именно эта запись стала, в конечном счёте, архивным высказыванием в дискурсе судебного спора. Представители сторон выдвигают следующие аргументы и контраргументы в пользу их позиций:

Носитель ДР1: **А1.** Полная сумма к оплате 15000 юаней. **А2.** Оплачено 6000 юаней. **А3.** Оплата 6000 подтверждена распиской нашего представителя. **А4.** Примечание *已结清 冯冬妮 (Всё уже оплачено)* относится только к сумме 6000 юаней. **Заключение:** Носитель ДР2 должен заплатить ещё

9000 юаней [URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2015/09/id/1710259.shtml>].

Носитель ДР2 контраргументирует: **A1.** Полная сумма к оплате действительно 15000 юаней. **A2.** Сумма 15000 юаней нами оплачена полностью. **A3.** Представитель ДР1 подтвердил оплату 15000 юаней записью 已结清 冯冬妮 (Всё уже оплачено). **A4.** Представитель ДР1 присвоил 9000 из оплаченной суммы 15000 юаней [Там же].

Интерпретация ДЭС хорошо иллюстрирует вывод о том, что в дискурсе договорных споров апелляция к ценностям-законодательным положениям играет ведущую роль (см. п. 1.8). Носитель ДЭС заявляет следующий порядок аргументации: **A1.** Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора. **A2.** Носители ДР1 и ДР2 признают полную сумму к оплате в размере 15000 юаней. **A3.** В соответствии со ст. 509, 577 ГК КНР Стороны обязаны в полном объеме выполнять возложенные на них обязательства в соответствии с договоренностями. **A4.** Исходя из сложившейся практики, после погашения кредита заемщик требует возврата или уничтожения долговой расписки, либо выдачи документа, подтверждающего погашение долгового обязательства. **A5.** В соответствии со ст. 05 Положения Верховного народного суда о доказательствах в гражданском судопроизводстве сторона, ответственная за исполнение оспариваемых обязательств, предоставляет соответствующие подтверждающие документы. **A6.** Носитель ДР2 не предоставил документы, свидетельствующие о погашении задолженности в размере 15000 юаней в полном объеме. **Заключение:** Аргументы носителя ДР1 признать верными, а его требования подлежащими удовлетворению в полном объёме.

В отличие от предыдущего примера ценности высшего уровня «справедливость» и «чувство ответственности» задаются носителем ДЭС через инференцию. Так, ценность «чувство ответственности» инферируется в А2, А4 и А5, ссылающихся как на статьи закона, так и на сложившуюся практику деловых отношений (А4). Интересно, что А4 идеологически созвучна глав-

ному принципу прецедентного права. Скорее всего, её корни созрели намного раньше англосаксонской традиции благодаря учению Конфуция.

1.5. О подходе к определению объёма релевантного аргументативного высказывания

Разбиение реконструированного дискурса судебного спора на последовательность отдельных аргументов носителей ДР, с одной, и ДЭС, с другой стороны, оказывается непростой задачей. Большинство исследователей, занимающихся прикладными вопросами теории аргументации, предпочитают придерживаться правил, заложенных ещё в силлогистике Аристотеля [Войшвилло, 2001; Johnson, Blair, 1980; Walton, 2007; Govier, 2013 et.a]. Напомним, что силлогизм выполняется как логическая последовательность простых предложений, имеющих каждое одну предикативную связку (ср. общеизвестный пример Аристотеля «Все люди смертны. Сократ – человек. Следовательно, Сократ смертен»). Безусловно, такой подход методически безупречен, так как позволяет выстроить логическую цепочку без слабых звеньев типа неочевидных синтаксических связей и осложняющих интерпретацию модальностей.

Дискурс судебного спора в целом формируется сообразно требованиям принципа рациональности, который обязывает участников придерживаться трёх правил: 1) правила причинно-следственной связи, или однозначного указания на причину события / процесса / решения и т.п. и следствие, вытекающее из причины; 2) правила достаточного основания, или приведение достаточного количества фактов, подтверждающих заявленную связь причины и следствия; 3) правила тождества, или формулировку вывода / заключения в соответствии с указанной связью причины и следствия и содержанием поддерживающих данную связь фактов. Очевидно, что три правила принципа рациональности перекликаются с Принципом Кооперации П. Грайса, в частности, с максимами количества, качества и релевантности. Для нас наиболее важным является то, что они суммируются как условие *argumentum ad rem*,

«аргумента к делу», препятствуя вербальным действиям, либо по причине некомпетентности, либо по умыслу уводящим спор от его предмета (в нашем случае, **от смысла АВ**).

Поскольку именно ошибочные вербальные действия участников судебного спора находятся в центре нашего исследования, признаем, что для их обнаружения и научного описания приходится использовать утилитарный подход к определению объёма и содержания отдельных аргументов. Главная задача – сохранение целостности и однозначности смысла высказывания. Отметим, что объём и структура аргументов ДР близки к силлогистическим критериям, в то время как аргументы ДЭС нередко оказываются за их пределами. В первую очередь, это замечание касается сложносочинённых аргументов к ценностям-положениям ГК и АПК. Например, заключение ДЭС по результатам судебного спора: *«Руководствуясь статьями 110, 167 – 170, 176 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Вологодской области **решил:** отказать индивидуальному предпринимателю Чечихину Максиму Сергеевичу в удовлетворении исковых требований в полном объеме»* – целесообразно представить в анализе как последовательность N-ого аргумента и заключения ДЭС, а именно, ... **Ап:** *Решение ДЭС опирается на статьи 110, 167-170, 176 АПК РФ. **Заключение:** отказать носителю ДР1 в удовлетворении исковых требований в полном объеме* (см. Приложение 2, С.Р. от 21 января 2019 г., дело №А13-1700/2018). Очевидно, что разбиение аналогичных аргументов на последовательность простых предложений, содержащих каждое одну и ту же предикативную связку, приведёт к увеличению количества аргументов без каких-либо изменений главного параметра – совокупной иллокутивной силы аргументативного высказывания [Карабан, 1988].

Анализ эмпирического материала на предмет ошибок аргументации включает следующие 5 операций: 1. **Определение контекста ситуации.** Мы полагаем, что понятие «контекст ситуации», введённое Б.Малиновским [Малиновский, 2005], целесообразно применить с целью характеристики социо-

культурных условий, в которых возникает судебный спор. Как правило, это краткая характеристика, а) профессионального профиля носителей ДР, б) сути договорных отношений, в) причины судебного спора. 2. **Выделение АВ** (см. выше п. 1.3.2). 3. **Формулировка расходящихся интерпретаций ДР1 и ДР2** (см. выше п. 1.3.2). 4. **Изложение аргументов носителей ДР, поддерживающих их интерпретации.** 5. **Изложение аргументов ДЭС и экспертного заключения.**

Считаем возможным заменить юридические термины судебного решения следующими лингвистическими:

«Истец» на «(носитель) ДР1», «Ответчик» – «(носитель) ДР2», «Арбитражный суд» – «ДЭС», «Арбитражный суд первой инстанции» – «ДЭС ПИ», «Арбитражный апелляционный суд» – «ДЭС АИ».

Приведём пример полного анализа судебного спора в соответствии с вышеуказанной последовательностью операций.

Пример 1.23. Контекст ситуации. Две компании заключили договор об организации ночного пробега, участники которого должны носить светящиеся футболки. Ни дизайн, ни отдельные детали одежды в договоре не определены. Стороны договора на момент его подписания посчитали, что определение предмета как «*荧光 T 恤*» ‘флуоресцентные футболки’ не повлечёт за собой различие интерпретаций (см. Приложение 4, С.Р. от 2016 г. № 0602-2606).

Однако после завершения проекта носитель ДР1 обратился в суд с иском о нарушении условий договора носителем ДР2. АВ будущего судебного спора стало то самое «*荧光T恤*» ‘флуоресцентные футболки’, не вызывавшее ранее разногласий.

Интерпретации носителей ДР теперь прямо противоположны. ДР1: «Футболки, изготовленные ДР2, не обладают флуоресцентным эффектом»; ДР2: «Футболки обладают флуоресцентным эффектом». Интерпретация ДР1 поддержана в исковом заявлении следующими аргументами: **А1.** *ДР1 и ДР2 заключили договор о разработке и выполнении проекта по ночному бегу.* **А2.**

«*荧光T恤*» ‘флуоресцентные футболки’ – один из главных материалов в спецификации договора. **A3.** Носитель ДР2 поставил простые футболки в комплекте со светящимися элементами. **A4.** Поставленные футболки не обладают флуоресцентным эффектом. **Заключение:** Носитель ДР2 нарушил условия договора.

Носитель ДР2 выдвинул следующие контраргументы: **A1.** Договор был заключен на основе равенства и добровольности. **A2.** В договоре «*荧光T恤*» ‘флуоресцентные футболки’ следует понимать как «футболки с флуоресцентными элементами». **A3.** Носитель ДР1 неправ, утверждая, что футболки сами по себе должны быть флуоресцентными. **A4.** Согласно закону, флуоресцентный материал наносит вред здоровью. **A5.** Использование флуоресцентного материала для производства одежды законодательно запрещено. **Заключение:** Носитель ДР2 выполнил условия договора с соблюдением соответствующих требований законодательства.

Сложность спора заключается в том, что интерпретация референта «*荧光T恤*» ‘флуоресцентные футболки’ отсутствует в словарях современного китайского языка, и это затрудняет проведение лингвистической экспертизы. Есть дефиниция флуоресцентного света: «видимый свет как реакция на облучение определенных веществ. С прекращением облучения флуоресценция исчезает...». Словарное толкование соответствующего иероглифа языкового сообщества, видимо, не может дать однозначный ответ на вопрос, что такое «*荧光T恤*» ‘флуоресцентные футболки’.

Аргументация ДЭС опирается на более подробное изложение сути спора и его правового исхода: **A1.** Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора. **A2.** Утверждено, что содержание договора является выражением истинных намерений обеих сторон, что не нарушает обязательные положения законодательства и административных правил. **A3.** Название «*荧光*» ‘флуоресценция’ даёт лишь поверхностное понимание и в подписанном договоре и дополнительном соглашении отсутствуют

конкретные требования к степени выразительности « 荧光 » 'флуоресценция'. А4. Использованные светящиеся элементы относятся к материалам с флуоресцентным эффектом. А5. Предоставленные носителем ДР2 футболки в комплекте со светящимися элементами удовлетворяют требованиям значения « 荧光 » 'флуоресценция'. А6. В соответствии со ст. 60 договорного права КНР стороны обязуются в полном объеме выполнить свои обязательства в соответствии с договором. А7. В соответствии со ст. 107 договорного права КНР сторона должна продолжить выполнение обязательств, принять меры по исправлению либо компенсировать убытки при условии невыполнения либо не надлежащего выполнения договорных обязательств. **Заключение:** Аргументы носителя ДР2 признать верными, а его требования подлежащими удовлетворению в полном объеме.

Обратим внимание на характерную особенность аргументации ДЭС: её завершение ссылками на национальные законодательные акты, очерчивающие широкий круг интерпретации судебного спора, напоминающие участникам об их обязательствах и правилах делового сотрудничества после экспертного вердикта. Как будет показано в дальнейшем, эта особенность экспертного дискурса носит непреходящий характер.

Анализ эмпирического материала в главах 2 и 3 следует этому канону. Разумеется, допускаются ситуативные вариации в зависимости от таких показателей, как количество участников судебного спора (вовлечение третьих лиц), апелляция (обращение в суды более высокой инстанции), привлечение к участию в споре экспертов неюридического профиля и т.п. В результате суммарный объем аргументации варьируется. Тем не менее, как представляется, принятая схема анализа позволяет держать его в разумных пределах, не допуская сокращений или модификаций, осложняющих исследовательскую логику.

Выводы по первой главе:

Судебный деловой спор представляет собой аргументативный дискурс, реконструируемый на основе текстов-представителей речевых жанров «договор» и «судебное решение». Прагма-семантический центр реконструкции – архивное высказывание, положение договора или часть положения, вызвавшие расхождения интерпретаций сторон договора.

В основе вторичного речевого жанра «судебное решение» лежат дискурс различий между участниками договора и дискурс экспертного сообщества, выполняющего роль арбитра судебного спора. Носитель ДР1 и носитель ДР2, обращаясь к ДЭС, обосновывают аргументы и контраргументы на расходящихся интерпретациях архивного высказывания. В разрешении спора ДЭС исходит из содержания архивного высказывания в контексте полного договора, но, оценивая правомерность аргументов ДР1 и контраргументов ДР2, руководствуется, в первую очередь, юридическими ценностями в виде статей законов Гражданского кодекса и Арбитражного кодекса. Таким образом, аргументация ДЭС определяется как разновидность аргументации к ценностям.

Результат решения ДЭС определяется как полная синонимия интерпретаций ДЭС и либо ДР1 (однозначная поддержка аргументов истца), либо ДР2 (полная поддержка аргументов ответчика); либо как неполная синонимия интерпретаций ДР1 и ДР2 (частичная поддержка аргументов ДР1 и ДР2).

Таким образом, носитель ДЭС (арбитражный суд) по отношению к носителям ДР1 и ДР2 выдвигает интерпретацию, которая либо примиряет носителей ДР, либо снимает тяжёлый характер с их деловых отношений.

В случае обращения ДР1 и ДР2 в ДЭС апелляционной инстанции, дискурсообразующая роль архивного высказывания нового судебного спора сохраняется.

Глава 2. ОМОНИМИЧНЫЕ РЕФЕРЕНЦИИ ДОГОВОРНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ СУДЕБНЫХ СПОРОВ

2.1. О релевантных вопросах теории референции в исследовании причин судебных споров

Результаты анализа жанровых особенностей деловых соглашений, равно как судебных решений по деловым спорам, убеждают в том, что, несмотря на жёсткие параметры юридического дискурса, возникновение разногласий в ходе сотрудничества сторон договора не исключено. Одна из главных причин – разные интерпретации отдельных положений, содержащих референции к предмету, его качеству, условиям поставок, штрафным санкциям за нарушение договорённостей и иным параметрам. Сокращая тексты договоров и соответствующих судебных решений, приведём несколько примеров.

Пример 2.1. Носители ДР1 и ДР2 выдвигают разные интерпретации следующего АВ: «*Предмет договора – поставка **обработанной нежной курицы***» [Чжан Инь, 2009, с. 50-52]. Выделена часть высказывания, обусловившая разночтения. С лингвистической точки зрения ошибка, заложенная в текст договора – неконкретная, точнее, омонимичная [Кронгауз, 2005, с. 323] референция к объекту. Атрибутивы «обработанная» и «нежная» можно понимать, по-разному; первый как «ощипанная», «потрошённая», «подвергнутая кухонной обработке» и т.п., второй – «не имеющая жировых отложений», «не старше 10 месяцев» и т.п. Неудивительно, что первая поставка оказалась варёным куриным мясом; носитель ДР2 руководствовался интерпретацией «*Обработанная нежная курица – следовательно, варёная*». Также закономерно, что носитель ДР1 обвинил партнёра в нарушении контракта. Его интерпретация: «*Нежная курица*» – *продукт, предназначенный для запекания и жарения и следовательно, не подлежащий варке*» [Чжан Инь, 2009, с. 50-52].

Пример 2.2. Носителями ДР оспаривается интерпретация следующего АВ: «Освобождение склада – в срок до 5 мая 2019 года» (см. Приложение 4, от 2019 г. № 0506-8284). Интерпретация ДР1: «*Поставка должна состоять-*

ся до конца рабочего дня (18 часов местного времени)». Интерпретация ДР2: «Крайний срок освобождения – 24 часа местного времени». Разумеется, отсутствие в рассматриваемом договорном положении какого-либо референциального уточнения позволяет арбитражному суду руководствоваться общим правилом исчисления времени суток и решить спор в пользу носителя ДР2.

Пример 2.3. Оспаривается интерпретация следующего АВ: «*Доставка продукции осуществляется транспортом подрядчика*» [URL: https://m.thepaper.cn/baijiaohao_7170159]. Причина спора в том, что в ходе доставки транспортное средство попало в ДТП, и часть груза «*пострадала в степени, исключающей возможность его восстановления*». Выяснилось, что грузовик был арендован носителем ДР2; последний попытался возложить вину на арендодателя. Однако носитель ДР1 обвинил его в нарушении договора, выдвинув интерпретацию: «*Транспортное средство должно принадлежать подрядчику*». Последовал ожидаемый контраргумент-интерпретация ДР2: «*Подрядчик имеет право арендовать транспортное средство доставки*». Очевидно, что положение договора имеет, по меньшей мере, двойное прочтение, или омонимичную референцию.

Таким образом, приведённые примеры показывают, что судебные споры, вызванные расхождением интерпретаций договорных положений, возникают в результате неоднозначных референций к предмету (пример 2.1), срокам (пример 2.2), отдельным условиям делового сотрудничества (пример 2.3). Из этих же примеров явствует, что стороны могли бы избежать споров, если бы формулировали соответствующие положения с учётом соотношения имён и дескрипций [Рассел, 1905; Strawson, 1974; Куайн, 1982; Quine, 1990; Артюнова, 1999].

На важное различие между именем и дескрипцией указал ещё Г. Фреге (ср. его сравнительный анализ имени «Венера» и дескрипций «утренняя звезда», «вечерняя звезда»). Референция в этом случае конкретна, если употреблены дескрипции, но омонимична в случае имени: так же именуется древнеримская богиня любви и красоты. О теории дескрипции писал Б. Рассел, ко-

торый классифицировал выражения следующим образом: 1) определённые, 2) неопределённые (неоднозначные). К последним Б. Рассел относил дескрипции формы «a so-and-so», т.е. «такой-то (некий объект, обладающий какими-то признаками)» [Рассел, 1982, с. 44]. В качестве доказательства собственной теории он приводит следующий пример: «Суждение “Socrates is a man” ‘Сократ – человек’ “Socrates is human” ‘Сократ обладает всеми признаками человека’ являются разными суждениями» [Рассел, 1982, с. 46]. Таким образом, Б. Рассел считает, что нельзя отрицать, что Сократ человек, тем не менее, он не является копией другого, например, Платона и т.д. Б. Рассел сравнивает два объекта: «1) имя, являющееся простым символом, прямо обозначающим индивидуальный объект, 2) дескрипцию, состоящую из нескольких слов с фиксированными значениями, из которых создаётся то, что может быть принято за “значение” дескрипции» [Рассел, 1982, с. 47].

Например, ДР1 и ДР2 заключают договор о поставке сырой нефти. ДР1 считает, что сырая нефть не отвечает требованиям ГОСТ №2517 в соответствии с условиями договора и должна быть заменена. Исходя из теории дескрипции Б. Рассела, сырая нефть и в ДР1, и ДР2 является сырой нефтью, но в первом случае, несоответствующей ГОСТ №2517, во втором случае, не имеющей этого уточнения. Следовательно, и в первом, и во втором случае – это будет разная сырая нефть. Именно на этом основана теория дескрипции Б. Рассела,

Значит, исходя из теории дескрипции Б. Рассела, дескрипция «сырая нефть» не значит, что интерпретации участников ДР1 и ДР2 сойдутся на одной и той же нефти, скажем, нефти, соответствующей ГОСТу №2517: с равным основанием под «сырой нефтью» могут подразумеваться другие ГОСТы. Именно различное понимание референциального содержания данной дескрипции приведёт к различиям толкования её значения.

Теорию дескрипции как инструмента конкретной референции разработывал П. Стросон [Strawson, 1974], который был не согласен с Б. Расселом. П. Стронсон, определяя референцию, обращается «к конкретному лицу, или

единичному предмету, или отдельному событию, или месту, или процессу в ходе обычного высказывания о данном лице, предмете, месте, событии или процессе» [Стросон, 1982, с. 55]. Лингвист говорит о выражениях с единичной референцией, используя указательные местоимения в единственном числе и собственные имена. Согласно П. Стросону выражения, «предназначенные для единичной референции, т.е. логические субъекты, являются теми, которыми они кажутся, не скрывают иной сущности, следовательно, в основе их значения лежит определённый объект, на который они указывают» [Стронсон, 1982, с. 65]. Таким образом, ошибкой Б. Рассела, по мнению П. Стронсона, является смешение референции и значения. При этом П. Стронсон утверждает, что необходимо дифференцировать «1) предложения, включающие выражения, употреблённые для того, чтобы указать или обозначить определённое лицо или предмет, или для референции к нему, и 2) предложения о существовании единичного предмета» [Стронсон, 1982, с. 73].

П. Стронсон рассуждает о двух типах языковых правил: 1) правила референции и 2) правила атрибуции и предикации. Причём задачей первой является ответить на вопрос «О чём вы говорите?», а второй – «Что вы говорите об этом?». Первое является единичной референцией, например, «договор поставки HWC20180013», второе определяется дескриптивностью значения, т.е. традиционное ограничение употребления выражений кругом предметов, принадлежащих к одному роду или обладающих определёнными общими характеристиками, т.е. характеристика самого РЖ «договор». П. Стронсон отмечает, что последнее может быть связано как с именем собственным, так и с нарицательным.

П. Стронсон не только спорит с Б. Расселом, но и предлагает разделить выражения на два класса: «1) выражения, правильное употребление которых регулируется общими конвенциями референции и предикации (относит к ним местоимения и субстантивные сочетания), 2) выражения, правильное употребление которых регулируется не общими конвенциями референции и предикации, а конвенциями каждого отдельного случая употребления (имена

собственные)» [Стронсон, 1982, с. 79]. Классифицируя значения, связанные с референцией, предлагает выделить следующие: 1) неопределённую референцию; 2) утверждения идентичности; 3) логику субъектов и предикатов.

Дж. Сёрль рассматривает референцию как речевой акт и предлагает её аксиомы: 1) существования и 2) тождества; 3) идентификации (или выразимости) [Searle, 1958]. При этом он отмечает, что эти аксиомы могут создавать парадоксы, предлагая учитывать и те, которые не были адресованы реальному миру. Наряду с этим с точки зрения грамматических категорий Дж. Сёрль разграничивает: «1) имена собственные, 2) сложные именные выражения в ед.ч., т.е. определённые дескрипции, 3) местоимения, 4) титулы» [Сёрль, 1982, с. 184]. Рассматривая РЖ «договор», будем исходить только из тех аксиом, которые относятся к реальному миру, а также только из имён собственных и определённых дескрипций, в связи с тем, что использование местоимений и титулов в РЖ «договор» невозможно.

Дж. Сёрль на основе правил референции, учитывая аксиомы и грамматические категории, строит идеализированную модель. В соответствии с последней «преуспеть можно только, учитывая контекст, иллокутивные цели, идентифицирующую дескрипцию объекта, семантические правила» [Сёрль, 1982, с. 199-200]. Он считает, что только в этом случае можно избежать парадоксов референции.

Значительный вклад в теорию референции внесли Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1999, с. 304] и Е.В. Падучева [Падучева, 1996, с. 244-245], указавшие на роль дейктических единиц языка в организации знаков конкретной референции.

По мнению Е.В. Падучевой, «осуществление референции связано с прагматикой коммуникативного акта, т.е. семантика прагматична и обращена на контекст» [Падучева, 2010, с. 8]. Лингвист рассматривает референцию только в рамках речевого акта, в связи с тем, что последний может учитывать контекст ситуации, при этом «не включает соотносительность общих имён с их экстенционалом, т.е. со всем множеством объектов, для которых данный пре-

дикат истинен» [Падучева, 1984, с. 291]. Наряду с этим Е.В. Падучева при рассмотрении семантико-прагматического представления предложения в составе речевого акта учитывает не только сам речевой акт, но и в качестве переменных говорящего и слушающего, а также «универсум речи» (мир, принимаемый за действительный). В качестве ключевой роли в естественном языке лингвист отмечает роль местоимений, считая их «главным средством референции» [Падучева, 2010, с. 10], так как именно они указывают на соответственность высказывания с действительностью.

Необходимо отметить важную роль Н.Д. Арутюновой, которая является автором обобщающих работ по теории референции [Арутюнова, 1976; 1982; 1999], и понимает под референцией – «отнесённость актуализованных имён, именных выражений или их эквивалентов к объектам действительности» [Арутюнова, 1999, с. 304]. Исследователь предлагает следующую классификацию референции по типам: «1) дейктические (и личные) местоимения, 2) имена собственные, выполняющие номинативную функцию и обладающие свойством единичной референции независимо от условий коммуникации; 3) субстантивные выражения, которые состоят из имен нарицательных, выполняющих денотативную функцию (или функцию обозначения) и приложимых к любому объекту, относительно которого истинно их значение, и актуализаторов, суживающих область референции с класса до индивида» [Арутюнова, 1999, с. 304]. Таким образом, Н.Д. Арутюнова, как и Е.В. Падучева, фиксирует внимание на особой роли местоимений, выделяя их в отдельный тип [Арутюнова, 1976]. При этом она подчеркивает именно роль конкретной референции, которая помогает понять суть ошибок соответствующего класса.

Но, если в работах Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой акт референции рассматривается с точки зрения Наблюдателя и, следовательно, связан с прагматическим аспектом знаковой ситуации, наша задача формулируется иначе. Её содержание можно сформулировать последовательностью трёх вопросов: 1) Каким образом стороны судебного спора и его арбитр добиваются исключения разницы интерпретаций? 2) Как можно минимизировать прагма-

тический аспект в тексте договора и в ходе судебных прений благодаря оптимизации их семантического аспекта? 3) Как достичь однозначного соответствия языка миру?

Обратим внимание на диалектический момент соотношения имени и дескрипции. М.А. Кронгауз отмечает, что построение конкретной (= однозначной) референции достигается расширением контекста употребления имени [Кронгауз, 2005, с. 328-329]. На первый взгляд, такое расширение равносильно семантической трансформации имени в дескрипцию. Однако М.А. Кронгауз указывает в качестве примера только на добавление местоимений, т.е. на способ, усиливающий прагматический аспект знака (ср. с точкой зрения Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой). Но использование местоимений – личных «我» ‘я’, «你或您» ‘вы’, указательных «他» ‘тот’, «这个» ‘эта’, «在那里» ‘там’, «在这里» ‘здесь’ и т.п. – практически невозможный приём в жанровых условиях делового соглашения или судебного спора.

2.1.1. Контекстное расширение и семантизация конкретных референтов в текстах деловых соглашений и судебных споров

Вернёмся к примерам договорных положений, ставших поводом к судебным спорам. Мы показали, что референцию «*обработанная нежная курица*» нельзя назвать конкретной. Попробуем расширить контекст соответствующей дескрипции добавлением атрибутивов «свежая» и «охлаждённая». Если первый из них исключает кухонную обработку, добавляя соответствующую конкретность референту, второй не обладает таким свойством. В самом деле смысл «охлаждённая» вполне совместим с температурой 14 °С, но это не исключает заражение мяса бактерией сальмонеллёза. Соответственно, «охлаждённая до 5-7 °С» гораздо конкретнее. Кроме того, семантическая оптимизация референта должна включать такие параметры, как размер, вес, равно как и другие релевантные качественные характеристики. Наличие обязательных потребительских стандартов, имеющих кодифицированные обозначения, в первую очередь обусловлено необходимостью избежать многослож-

ных дескрипций, достигающих статуса конкретных референций. Поэтому адекватна референция «согласно ГОСТу А-34/2011», в которой код замещает роль дейктического знака, отсылающего к соответствующему описанию количественных и качественных параметров продукта.

Референция к временному периоду (см. пример 2.2) имеет контекстное расширение в виде универсального правила исчисления суток (с 00 до 24 часов местного времени). И если интерпретатор А считает иначе, ему следовало бы – до подписания договора – настаивать на контекстном расширении типа «... [21 сентября] до 18.00 местного времени».

Наконец, в примере 2.3 омонимичная референция «транспорт заказчика» в интересах интерпретатора А уточняется контекстным расширением «транспорт, находящийся в собственности подрядчика».

Мы привели весьма простые примеры, которые, тем не менее, иллюстрируют направления семантизации ключевых референций в тексте договора с целью предупреждения нежелательных расхождений интерпретаций его положений участниками речевого взаимодействия. В следующем разделе проанализируем сложный, но показательный пример оптимизации ключевых референтов в ходе доработки делового соглашения.

2.2. В поисках оптимальной референции:

диалектика речевого взаимодействия ДР и ДЭС

Выше мы ввели различия между дискурсом согласования (ДС), с одной стороны, и дискурсом экспертного сообщества (ДЭС), с другой стороны (см. п. 1.3). При этом отмечалось, что ДЭС, как правило, предлагает широкое пространство интерпретаций, потенциально включающее тематически родственные ДР и ДС [Кронгауз, 2005].

Однако, поскольку развитие трёх разновидностей дискурса носит эволюционный характер, возникают противоречивые ситуации. В частности, ДЭС может трансформироваться под влиянием ДР, если условия последнего предпочтительны с точки зрения речевого взаимодействия. Показательны

случаи языкового соперничества носителей ДР с носителями ДЭС-профессиональными организациями за знаки референции. Неудивительно, что в условиях российской действительности такие ситуации весьма нередки в ходе речевого взаимодействия жильцов многоквартирных домов с управляющими компаниями. Это многоэтапное соперничество обычно завершается обращением к независимому эксперту (в нашем случае, в ДЭС – арбитражный суд). От начала спора до его завершения экспертным заключением накапливается значительный объём текстовой информации. По этой причине ниже будет рассмотрен только один пример, иллюстрирующий основные этапы поиска оптимальной референции в договоре участников.

Пример 2.4. Носитель ДР1 – (Товарищество собственников жилья) заключил договор с носителем ДР2 (Водоканал) по ремонту и обслуживанию сетей водоснабжения и канализации. Вскоре у сторон возникли разногласия в интерпретации следующего положения договора: *«Границей эксплуатационной ответственности объектов централизованных систем холодного водоснабжения и водоотведения организации водопроводно-канализационного хозяйства является: по водопроводу – **ответные фланцы после запорной арматуры по ходу движения воды в ВК 8-3-30, ВК 8-3-31, по канализации - КК 8-1-14**»* (см. Приложение 2, С.Р. от 22 июля 2022 г. по делу № А29-4620/2022). Очевидно, что выделенная часть положения – АВ – содержит пространственную референцию, выполненную в терминах носителя ДР2. Если профессиональные дескрипции «ответные фланцы» и «запорная арматура» ещё могут дать интерпретатору ДР1 хотя бы приблизительное представление о референтах, то кодифицированные обозначения понятны только носителю ДР2. Любопытно, что последний в данном случае позиционирует себя как представитель ДЭС, закрытого для внешних по отношению к нему интерпретаторов. Это не совсем честный приём, фактически манипуляция специальным знанием, лишаящая носителя ДР1 возможности адекватной интерпретации. В терминах П. Грайса, нарушается максима качества, а, следовательно, не выполняется Принцип Кооперации в целом (подробнее в п. 3.4).

Поэтому носитель ДР1 обращается к внешнему эксперту (арбитражный суд) с предложением закрепить спорное положение в новой редакции: *«Местом исполнения обязательств организации водопроводно-канализационного хозяйства по настоящему договору является:*

*– по водопроводу: **точка** на границе эксплуатационной ответственности Абонента;*

*– по канализации: **точка** на границе эксплуатационной ответственности Абонента».*

Новое положение сформулировано в терминах, на первый взгляд, понятных обоим интерпретаторам. Однако имя «точка» со всей очевидностью не является носителем конкретной референции. Мы не будем приводить аргументы, доказывающие омонимичный характер референции, они самоочевидны уже на фоне известной аксиомы об отсутствии геометрических размеров точки. Таким образом, освобождая новую референцию от прежней профессиональной замкнутости, интерпретатор ДР1 не решает проблему оптимизации. «Точка» не может считаться конкретным референтом в условиях такого объекта, как водопроводные и канализационные сети, а значит, различия интерпретаций сторон договора неизбежны.

Дальнейший поиск решения проходит параллельно с оспариванием ещё двух положений из «Акта о разграничении балансовой принадлежности Абонента и эксплуатационной ответственности»: 1) *«Граница балансовой принадлежности по водопроводу. Граница Абонента: Определение границы балансовой принадлежности Абонента в связи с отсутствием правоустанавливающих документов на сети не представляется возможным»;* 2) *«Граница балансовой принадлежности по канализации. Граница Абонента: Определение границы балансовой принадлежности Абонента в связи с отсутствием правоустанавливающих документов не представляется возможным».* Обе формулировки явно в пользу носителя ДР2. Отказ от пространственной референции аргументируется отсутствием правовой основы. Но принять такие положения – значит, открыть простор отклонениям заявок и жалоб Абонента:

ведь «Водоканал» получает право самостоятельного определения границ его ответственности. Носитель ДР1 обращается к независимому эксперту с заявлением собственного варианта: *«1) Граница балансовой принадлежности по водопроводу. Граница Абонента: **Внешняя граница стены многоквартирного дома 121а, ул. Первомайская, г. Сыктывкар**»; 2) «Граница балансовой принадлежности по канализации. Граница Абонента: **Внешняя граница стены многоквартирного дома 121а, ул. Первомайская, г. Сыктывкар**».*

Ясно, что предлагаемая референция свободна от омонимичности и прочих неоднозначных признаков. Почтовый адрес объекта уточнён указанием на его релевантную часть «внешняя граница стены». Именно эта референция избирается экспертом как основная в аналогичных положениях договора. Суд постановил *«уточнить границу эксплуатационной ответственности для ответчика границей балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности объектов централизованных систем холодного водоснабжения организации водопроводно-канализационного хозяйства и абонента:*

по водопроводу: Внешняя граница стены МКД – Первомайская, 121 а

по канализации: Внешняя граница стены МКД – Первомайская, 121 а».

Можно оценивать такое решение как выбор в пользу здравого смысла, которым обычно руководствуются участники ДС. Лингвистический вывод в принятых нами терминах следующий: споры о взаимоприемлемой референции должны решаться в пользу варианта, исключающего различия интерпретаций. С точки зрения семантики такой вариант, как правило, представлен дескрипцией. И, как показал анализ примера, носитель ДР1 в ходе речевого взаимодействия с носителем ДЭС способен проявить готовность к предложению ключевой референции, снимающей необходимость судебного спора.

Как покажет дальнейший анализ, семантические ошибки аргументации сторон, связанные с неточными референциями, допускаются весьма часто.

2.3. Омонимичные референции к предмету договора

Пример 2.5. *Контекст ситуации:* Между ПАО «ЮК ГРЭС» (покупатель – носитель ДР1) и ООО «Русэлмаш – носитель ДР2» (поставщик, носитель ДР2) заключен договор поставки двигателя 4ПБМ-160 М04 3/1030-2500 в количестве 2 штук общей стоимостью 438 000 руб. (с НДС), см. Приложение 2, С.Р. от 29 сентября 2020 г. по делу № А27-22104/2019.

При осуществлении входного контроля электродвигателей, поступивших носителю ДР1, установлено их несоответствие заявленным требованиям по длине, установочным размерам, весу, а также отсутствие в скан-копии паспорта габаритных данных, о чем оформлен акт проведения входного контроля.

В дальнейшем в связи с отсутствием со стороны носителя ДР2 возмещения уплаченной за товар денежной суммы и убытков в добровольном порядке носитель ДР1 обратился в суд с иском.

Архивным высказыванием в качестве смыслового центра судебного спора стало следующее договорное положение: *В соответствии с пунктом 1.1 договора и Спецификации №1 Продавец (ДР2) обязуется поставить Покупателю (ДР1) два электродвигателя 4ПБМ160М04 (IP44S, 3кВт 440/220В, 1030/2500 об. мин., лапы)* (см. Приложение 2, С.Р. от 29 сентября 2020 г. по делу № А27-22104/2019).

Интерпретация и аргументы носителя ДР1: «Поставленные электродвигатели не соответствуют предмету договора»: **А1.** *В рамках выполнения обязательств по Договору носителем ДР1 в полном объеме произведена оплата за электродвигатели. А2.* *Техническим заданием (приложение № 2 к договору) предусмотрено, что продукция должна соответствовать ГОСТ ИЕС 60034-1-2014, ГОСТ 18620-86, ГОСТ 15150-69, санитарно-эпидемиологическим требованиям и удостоверяться сертификатами качества, а также сертификатами, разрешающими его применение в РФ. А3.* *Договор между сторонами заключен по итогам проведения закупочной процедуры.*

Первые три аргумента ДР1 дают краткое описание предварительных условий сделки с ДР2, необходимых для понимания претензий ДР1. Самым сильным оказывается **A2**, в котором подготовлено указание на характер нарушения условий сделки. Далее ДР1 разоблачает суть нарушения.

A4. Для участия в закупочной процедуре носителем ДР2 в числе прочего был представлен сертификат соответствия № ТС RU C-RU.MO10.B.03159, подтверждающий, что продукция изготовлена в соответствии с ТУ 27.11.22 – 002 – 75708716 – 2018. **A5.** Установлено несоответствие поставленных электродвигателей заявленным требованиям по длине, установочным размерам, весу, также покупателем выявлены неточности в паспорте. **A6.** В электронном экземпляре паспорта на странице 22, где должны размещаться сведения о габаритных, установочных, присоединительных размерах, такая информация отсутствует. **A7.** Исходя из общепринятых параметров на электродвигатель типа 4ПБМ-160-М04, поставленный электродвигатель по своим параметрам являлся двигателем типа 4ПБМ160L04. **A8.** Подтверждено, что электродвигатели не могли быть использованы на оборудовании носителя ДР1, поскольку не подходили по габаритным, установочным и присоединительным размерам. **Заключение:** Носитель ДР2 осуществил поставки не соответствующего условиям договора товара и должен нести ответственность за нарушение обязательств.

Конкретное обвинение в адрес ДР2, представленное в **A2** – несоблюдение ГОСТов. Поскольку государственные стандарты общепризнаны в качестве универсальных законов, регламентирующих производство товаров и услуг, доказательство их нарушения не требует дополнительных аргументов против производителя. Носитель ДР1 усиливает **A2** указанием на то, что носитель ДР2, определяя соответствие поставленного изделия предмету договора, избегает определений в терминах ГОСТов, ссылаясь на вторичный документ – технические указания завода изготовителя (см. **A4**). Наконец, логичным продолжением аргументативной стратегии ДР1, заточенной на пре-

тензиях к нарушениям ГОСТов, является **A7**, избобличающий ДР2 в поставке изделия иной, «недоговорной» марки.

Стратегия контраргументации ДР2 строится на попытке доказать отсутствие конкретных договорённостей о ключевых параметрах поставляемой продукции.

Интерпретация и аргументы ДР2: «Поставленные электродвигатели соответствуют условиям договора»: **A1**. *Носитель ДР2 подтвердил заключение с носителем ДР1 договора поставки, в соответствии с пунктом 1.1 которого и Спецификации №1 (Приложение №1) носитель ДР2 обязан был поставить носителю ДР1 два электродвигателя 4ПБМ160М04 (IP44S, 3кВт 440/220В, 1030/2500 об. мин., лапы). A2. Поставляемая продукция должна соответствовать согласованным ГОСТам, ТУ завода-изготовителя и сопровождаться сертификатами соответствия и другими сертификатами, предусмотренными действующим законодательством. A3. Какие именно ГОСТы должны быть применены в рамках договора, стороны не согласовали. A4. Каких-либо других требований, в т.ч. по присоединительным размерам, сторонами согласовано не было. A5. Носителем ДР2 согласно универсальному передаточному документу №816 от 28.12.2018 осуществлена поставка в адрес носителя ДР1 двух электродвигателей. Паспорта и копии сертификатов, подтверждающих качество продукции, были отправлены носителю ДР1 по почте и электронной почтой.*

Характерно, что ДР2 игнорирует **A2**, самый сильный аргумент ДР1, утверждая, что ГОСТы сторонами не согласовывались. Аналогично в **A4** «не замечен» **A5**, указывающий на нарушение заявленных в договоре технических требований к изделию.

A5. *Носителем ДР1 были нарушены сроки приемки продукции, предусмотренные договором и Инструкциями и порядок совместного осмотра для фиксации обнаруженных недостатков. A6. Во время приемки с нарушением срока носителем ДР1 каких-либо требований к габаритным и присоединительным размерам не заявлено. A7. Нарушение носителем ДР1 процедуры*

*приемки продукции и фиксации недостатков лишило носителя ДР2 возможности защитить свои права при осмотре и фиксации недостатков. А8. В отношении габаритов электродвигателя (длина, вес, размер) требования сторонами не согласовывались. А9. В Договоре поставки № 192, Спецификации №2, Техническом задании дополнительные требования относительно паспорта товара не предусмотрены. **Заключение:** Носителю ДР1 поставлена продукция надлежащего качества в соответствии с условиями договора; свои обязательства по поставке электродвигателей носитель ДР2 выполнил в полном объеме.*

Таким образом, избегая возражений против А2, ключевого аргумента ДР1, носитель ДР2 делает общее заявление об отсутствии договорённости по ГОСТам, равно как по иным конкретным параметрам предмета договора. Отрицание релевантных договорённостей сторон продолжено в А8 и А9. Но перед этим, в А5 ДР2 прибегает к tu quoque, «ты тоже», известному приёму обвинения в нарушении чего-либо, нередко имеющем косвенное отношение к предмету спора. Именно обвинение в нарушении носителем ДР1 сроков предъявления претензий развивается в А6 и А7 с целью снять с ДР2 ответственность за несоблюдение параметров предмета договора.

Поскольку полные тексты судебных решений представлены в Приложении, здесь и в ходе анализа других примеров в главах 2 и 3 мы считаем целесообразным использовать сокращённую схему представления аргументов и комментариев ДЭС. Последние можно сгруппировать сообразно с констатацией ДЭС правомерных положений договора и действий носителей ДР, с одной, и нарушений договора / противоправных действий, с другой стороны.

Оценка договорных положений и правомерности аргументов ДР:

- 1) подтверждено наличие взаимных обязательств ДР1 и ДР2.*
- 2) подтверждены закреплённые договором количество, цена и срок поставки товара,*
- 3) подчёркивается обязательство ДР2 поставить продукцию, соответствующую ГОСТам и размерам, предусмотренным нормативами,*

4) подчёркивается правомерность аргумента АЗ, выдвинутого носителем ДР1

Констатация нарушений договора и противоправных действий:

1) габаритные размеры и вес поставленного электродвигателя не соответствуют типу, согласованному в договоре,

2) перечислены технические характеристики поставленного товара, отличные от технических характеристик, заказанных ДР1,

3) в свете условий ГОСТа, опровергается необходимость самостоятельных требований ДР1 к габаритным размерам электродвигателя,

4) указывается на нарушение ДР2 сроков передачи документов, относящихся к товару,

5) в свете релевантных законодательных положений, даётся развёрнутая оценка нарушений договора со стороны ДР2.

Заключение: *Истолковав вышеуказанные нормы применительно к рассматриваемому спору, исследовав и оценив относимость, допустимость, достоверность каждого аргумента в отдельности (ст.ст.67, 68 АПК РФ), а также достаточность и взаимную связь аргументов в их совокупности в соответствии с требованиями ст. 71 АПК РФ, носитель ДЭС пришел к выводу о несоблюдении носителем ДР2 условий договора поставки и считает данные нарушения существенными нарушениями условий договора, являющимися основанием для возврата уплаченной носителем ДР1 за такой товар денежной суммы.*

Финальную часть аргументации ДЭС уместно именовать резолютивной по причине того, что это – декларатив, прерогатива коммуниканта, имеющего особые полномочия. Мы уже говорили о том, что носители ДР также ссылаются на законодательные акты. Однако репертуар последних обычно ограничен подзаконными актами, в то время как ДЭС руководствуется толкованием основных законов. При этом порядок аргументов ДЭС таков, что весь ход судебного спора, включая решение ДЭС, виден через призму законода-

тельных положений как универсальных ценностей, регламентирующих деловые отношения.

Пример 2.6. В ходе освещения теоретических вопросов референции отмечались мнения известных учёных, согласно которым конкретная референция обычно достигается благодаря использованию знаков пространственного и временного дейксиса (см. п. 2.1). Одновременно мы сделали вывод о том, что функционирование дейктических знаков в письменном тексте договора практически не допускается. В нашем материале есть пример китайской договорной практики, свидетельствующий о неожиданных трудностях и противоречиях интерпретации высказываний, в которых присутствует указательное местоимение «该» ‘гай’.

Контекст ситуации. Компания, специализирующаяся на поставках запчастей для автомобильных сидений (носитель ДР1), заключила договор на аренду квартиры через консалтинговую фирму по недвижимости (носитель ДР2). Архивным высказыванием судебного спора стало одно слово следующего договорного положения: «租赁期三年，每月租金 10000 元，该» ‘гай’ «中介服务费用由座椅部件公司承担». ‘Срок аренды составляет три года, а ежемесячная арендная плата – 10000 юаней. Эта комиссия за посреднические услуги выплачивается компанией (носитель ДР1)’. У сторон возник спор из-за суммы посреднического вознаграждения. Оспаривается референциальная функция дейктика «该» ‘гай’ в положении договора «每月租金 10000 元，该» ‘гай’ «中介服务费用由座椅部件公司承担». ‘ежемесячная арендная плата составляет 10000 юаней, а эту комиссию за посреднические услуги будет нести компания-поставщик запчастей’ (носитель ДР1) [URL: http://www.chinacourt.org/public/detail.php?id=367148&k_title=合同纠纷&k_content=合同].

Интерпретация и аргументы носителя ДР2: «Плату за посреднические услуги производит носитель ДР1». **A1.** «Слово «该 гай это» относится к 每月租金 ежемесячной арендной плате». **A2.** Арендная плата установлена в размере 10000 юаней. **A3.** Следовательно, стороны договорились, что плата

за посреднические услуги должна взиматься с арендной суммы. Ответный ход носителя ДР1 показывает, что неудачное употребление дейктического знака может открыть путь к аргументативной игре на грани фола. Интерпретация и аргументы носителя ДР1: «Договор не содержит однозначного указания на размер платы за посреднические услуги». **A1** Слово «该 гай это» относится к 租赁期三年, 每月租金 10000 元. **A2.** Слово 该 гай просто указывает на факт аренды. **A3.** Таким образом, носители ДР1 и ДР2 не пришли к четкому соглашению о размере комиссионных за посреднические услуги.

Ясно, что спорное слово – неудачный пример референции к наиболее чувствительной части предмета договора. Показательны соответствующие судебные решения, вынесенные судами двух инстанций. Аргументы носителя ДЭС ПИ: **A1.** Между носителями ДР1 и ДР2 заключён договор о предоставлении посреднических услуг. **A2.** В договоре отсутствует отдельное положение о размере комиссии за посреднические услуги. **A3.** Практика консалтинговой компании по операциям с недвижимостью показывает, что «该» «гай это» относится к комиссии за посреднические услуги. **A4.** Комиссия за посреднические услуги взимается из ежемесячной арендной платы. **A5.** Следовательно, плата за посреднические услуги должна взиматься с суммы 10000 юаней.

Суд второй инстанции принимает совершенно иное решение. Интерпретация и аргументы носителя ДЭС АИ: **A1.** Между носителями ДР1 и ДР2 заключён договор о предоставлении посреднических услуг. **A2.** В спорном положении договора слово «该» «гай это» предшествует сочетанию «中介服务 费» «посреднические услуги». **A3.** «中介服务 费» «посреднические услуги» и «每月租金» «аренда» явно не являются смысловыми эквивалентами. **A4.** Поэтому «该» «гай это» должно относиться к общему субъекту «ежемесячная арендная плата» + «комиссия за посреднические услуги». **A5.** «Общий субъект» означает сам факт аренды. **A6.** Размер платы за посреднические услуги из положения договора не ясен. Заключительный аргумент носителя ДЭС

АИ апеллирует к справедливости как ценности, которой необходимо руководствоваться в этой противоречивой – не юридической, а скорее, лингвистической ситуации: **А7.** *В случае возникновения споров между сторонами на основании понимания условия контракта неверно искать выход в том, что комиссия за посреднические услуги должна быть на основе ежемесячной арендной платы в размере 10000 юаней («牛兆祥, 陈其生: «签订合同重要条款没有明确 万元中介费引来诉讼», 中国法院网» [Режим доступа: http://www.chinacourt.org/public/detail.php?id=367148&k_title=合同纠纷&k_content=合同].*

Таким образом, омонимичная референция дейктика «该» ‘зай это’ не только вызвала судебные споры, но и суды двух инстанций вынесли совершенно разные решения по этому поводу. Анализ спорного положения договора убеждает, что, скорее всего, в нём допущена лингвистическая ошибка, приводящая к тому, что предмет договора «*中介服务*费» ‘посреднические услуги’ оказался в незавидном синтаксическом вакууме.

Причины казусов находятся в чисто утилитарной плоскости. Общие рекомендации по составлению текстов хозяйственных договоров требуют, чтобы их язык был как можно более кратким и выражал намерения сторон самым простым и удобным способом. Руководствуясь этим принципом, составители часто выборочно пропускают некоторые «ненужные» компоненты для краткости. Пропуск обычно приводит к удалению одного или нескольких компонентов предложения при условиях, содержание которых нередко определяется интуитивно, чисто по ситуации. Цель состоит в том, чтобы выразить договорные положения максимально кратко [URL: <http://baike.baidu.com/item/%E7%9C%81%E7%95%A5>].

Однако первоочередная задача составления соглашения состоит в том, чтобы однозначно определить права и обязанности сторон. Следовательно, составители не должны жертвовать ясным и четким изложением содержания ради лаконичности. Стремление к упрощению языка неминуемо приводит к

сокращению его дескриптивных знаков, к ослаблению синтаксических зависимостей, а последнее – к появлению омонимичных референций.

Очередной пример избран нами как иллюстрация того, что далеко не каждая референция, выраженная дескрипцией и часто используемая по отношению к предмету договора, свободна от омонимичности.

Пример 2.7. Контекст ситуации. Издательство «SDX» (Носитель ДР2) заключило с компанией «Лиду» (Носитель ДР1) договор об эксклюзивном управлении размещения рекламы во всех сферах СМИ. Архивное высказывание будущего судебного спора обнаруживается в следующем договорном положении: «甲方保证在本协议的代理期限内不得自行或授权、许可任何第三方发布商业性文章及内容，不得未经乙方许可以任何直接或间接方式介绍、宣传、推广甲方或第三方的商品、服务或经营性行为». ‘В течение срока действия настоящего договора Сторона (ДР2) гарантирует не публиковать самостоятельно и/или не давать разрешение и полномочие третьей стороне публиковать статьи и информацию **коммерческого характера**, а также без согласования Стороны (ДР1) не представлять, не пропагандировать и не продвигать на рынке товары, услуги или деловую деятельность Стороны ДР2 или третьей стороны прямым или косвенным способом’ (см. Приложение 4, от 2018 г. № 03-8198).

Носитель ДР1 считает, что ДР2 нарушает обязательство, взятое согласно вышеприведённому положению. Выдвигается следующая интерпретация с поддерживающими её аргументами: «Некоторые опубликованные ДР2 статьи носят коммерческий характер»: **А1.** *Заключен договор о дилерском сотрудничестве.* **А2.** *В договоре оговорено, что без согласования с носителем ДР1 публикация коммерческого характера любой информации в издательстве носителя ДР2 строго запрещается.* **А3.** *Были опубликованы следующие статьи: «Рост мальчика – интервью с ректором John Moule школы Radley College» (дата публикации: 18.04.2016), «Поиск хорошего чая: Рождение чая Вуи» (дата: публикации: 24.08.2016) и «Институт Саньи: путь к открытию*

негосударственного университета нового типа за двенадцать лет» (дата: публикации: 26.12.2016). **A4.** *Перечисленные статьи обладают коммерческим характером и имеют определённую коммерческую ценность.* **Заключение:** *Носитель ДР2 нарушил договоренности и должен нести за это ответственность.*

Сильная сторона аргументации ДР1 – соблюдение уже неоднократно упомянутого *argumentum ad rem*. Как протагонист ДР1 называет конкретные материалы, вызывающие сомнения с точки зрения соответствия договорному условию. Иначе говоря, экспертному сообществу предлагается ответить на вопрос о содержании дескрипции «коммерческий характер» на основе ограниченного, но репрезентативного количества образцов.

Интерпретация и поддерживающие её аргументы ДР2, естественно, заряжены противоположными смыслом и интенцией: «Перечисленные ДР1 статьи не нарушают положения договора»: **A1.** *Был заключен договор на основании добровольности и справедливости.* **A2.** *ДР2 не отрицает факт публикации статьей, упоминаемых ДР1.* **A3.** *Эти статьи носят гуманитарно-просветительский характер.* **A4.** *Они не относятся к категории «коммерческих» с точки зрения общепринятых коммерческих правил и принципов.* **Заключение:** *Носитель ДР2 соблюдает условия договора.*

Оценивая качество аргументов ДР2, обратим внимание на А3 и А4. Первый из аргументов можно без оговорок квалифицировать как *argumentum ad populum*. Дескрипция «гуманитарно-просветительский характер» настолько широка по объёму и ограничена по содержанию, что обладает практически неисчерпаемым потенциалом омонимии. Не преодолевает эту слабость аргументации А4, отсылающий к столь же склонной к омонимичности дескрипции «общепринятые коммерческие правила и принципы».

Разрешение спора на основе привычной в таких ситуациях лингвистической экспертизы затруднено тем, что лексикографически закреплённая дефиниция знака «商业性文章及内容» (статьи и информация коммерческого характера) отсутствует. В словаре современного китайского языка есть опре-

деление родового понятия «商业» ‘коммерция’: «экономическая деятельность, в ходе которой товары продаются», но не зафиксирована прилагательная форма «商业性» ‘коммерческий’. Тем не менее, логично предполагать, что «коммерческая деятельность», в первую очередь, связана с деловой активностью, цель которой получение прибыли.

В свете наших предварительных комментариев примечательна стратегия аргументации, избранная ДЭС: **A1.** *Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора.* **A2.** *Утверждается, что содержание договора является выражением истинных намерений обеих сторон, что не нарушает обязательные положения законодательства и административных правил.* **A3.** *Понятие «Статьи коммерческого характера» относится ко всем информационным материалам, которые целенаправленно собираются и редактируются с целью продвижения соответствующих сторонних брендов, товарных знаков, торговых наименований, продуктов, услуг, видов деятельности, характеристик предприятия и т.д., включая, но, не ограничиваясь мягкими текстовыми рекламными объявлениями, пояснительными статьями, конкретными новостными репортажами, статьями с углубленным анализом, очерками, анализом конкретных случаев и другими способами.* **A4.** *Основным критерием отнесения статьи к коммерческой является нацеленность на извлечение выгоды, независимо от формы распространения и платы за публикацию.*

После подтверждения того, что ДР1 и ДР2 согласны с положениями заключённого ими договора (A1 и A2), носитель ДЭС выполняет самую ответственную задачу: определяет объём (A3) и ключевой признак содержания (A4) понятия «коммерческий характер». Нет сомнений, что при наличии иного архивного высказывания или совершенно другого материала (например, изобразительных или музыкальных средств продвижения продукта) A3 и A4 как определения объёма и содержания понятия «коммерческая деятельность» строились бы иначе. Но в условиях анализируемого примера аргументативная стратегия ДЭС близка к оптимальной.

A5. С точки зрения содержания статьей заметно, что в статьях «Рост мальчика – интервью с ректором John Moule школы Radley College» (дата публикации: 18.04.2016) и «Институт Сяньи: путь к открытию негосударственного университета нового типа за двенадцать лет» (дата: публикации: 26.12.2016) были описаны такие достоинства, как концепции обучения, научные дисциплины, модель воспитания, состояние трудоустройства выпускников. **A6.** Такой вид содержания статьей представляет собой рекламные интеграции и способствует продвижению соответствующего бренда на рынке. **A7.** Кроме этого, обнаружена закреплённая ссылка на покупку чая в конце статьи «Поиск хорошего чая: Рождение чая Вуи» (дата: публикации: 24.08.2016), это означает, что читатели имеют доступ к покупке чая, что доказывает, что статья, безусловно, имеет коммерческую ценность.

Мы уже отметили выше *argumentum ad rem* носителя ДР1, благодаря которому задача ДЭС конкретизирована и выполняется на репрезентативной выборке публикаций. Сличение признаков понятия «коммерческая деятельность», установленных в А3 и А4, с фактическим содержанием статей, опубликованных ДР2, даёт очевидную картину: последние содержат характеристики коммерческой деятельности. С лингвистической точки зрения важно отметить, что аргументация ДЭС снимает омонимичность дескрипции «коммерческая деятельность» в ситуации рассматриваемого судебного спора. Вердикт ДЭС предсказуем и едва ли может быть опровергнут:

A8. В соответствии со ст. 60 договорного права КНР стороны обязуются в полном объеме выполнить свои соответствующие обязательства в соответствии с договором. **Заключение:** Носитель ДР2 нарушил условия договора и обязан нести за это ответственность.

Заключительный пример, анализируемый в данном разделе, иллюстрирует ход судебного спора на двух уровнях рассмотрения – в ДЭС ПИ и ДЭС АИ.

Пример 2.8. Контекст ситуации. Носитель ДР1 «Камешковское лесничество» в 2008 году заключил долгосрочный договор аренды лесного участка с носителем ДР2 «Строй-Темп». В июле 2021 года плановая выездная проверка Рослесхоза выявила *«факт неполучения дохода федерального бюджета за 2019 год в размере 166 843 руб.49 коп. в части изменения объемов заготавливаемой древесины и минимального размера арендной платы»* (см. Приложение 2, С.Р. от 28 января 2022 г. по делу № А11-9330/2021), табл. 2.1.

Выделенная часть резолюции Рослесхоза стала архивным высказыванием дискурса судебного спора (см. табл. 2.1). Интерпретация и аргументы ДР1: **«Необходимо заключить новое соглашение сторон за 2019 год».** **А1.** *Между ДР1 и ДР2 заключён договор аренды лесного участка от 30.10.2008 и дополнительное соглашение от 30.01.2019.* **А2.** *Недополучение дохода федерального бюджета в 2019 году вызвано неоптимальным соотношением арендной платы и объёма заготовленной древесины.* **А3.** *Соотношение рассчитывалось по дополнительному соглашению ДР1 и ДР2 от 30.01.2019.* **А4.** *Носитель ДР2 обязан доплатить сумму, указанную Рослесхозом.* **А5.** *Необходимо заключение нового дополнительного соглашения на 2019 год, предусматривающее доплату суммы 166 843 руб. 49 коп.* **А6.** *В новое соглашение предлагается внести следующее изменение в размер арендной платы.*

Таблица 2.1

Сроки внесения арендной платы в 2019 году

Календарный план	Арендная плата, установленная по договору аренды лесного участка – всего	В том числе		
		в местный бюджет	в бюджет субъекта РФ	в федеральный бюджет
I квартал до 15 марта	159 798-56	–	7 609-46	152 189-10
II квартал до 15 июля	159 798-56	–	7 609-46	152 189-10
III квартал до 15 сентября	159 798-56	–	7 609-46	152 189-10

IV квартал до 15 ноября	159 798-56	–	7 609-46	152 189-10
Итого (за 2019 год)	639 194-26	–	30 437-86	608 756-40
По предписанию	166 843-49	–	–	166 843-49

Интерпретация и аргументы ДР2: «ДР2 полностью выполняет свои обязательства по договору и дополнительному соглашению»: **А1.** *Между ДР1 и ДР2 заключён договор аренды лесного участка от 30.10.2008 и дополнительное соглашение от 30.01.2019.* **А2.** *Согласно пункту 5 договора арендная плата определяется ежегодно в соответствии с приложением № 7.* **А3.** *В разделе V договора установлено, что все изменения оформляются дополнительным соглашением, подписанным сторонами ДР1 и ДР2.* **А4.** *Дополнительным соглашением от 30.01.2019 стороны установили ежегодный объем заготовки древесины в соответствии с приложением № 3, сроки и размер внесения арендной платы в соответствии с приложением № 4.* **А5.** *Согласно пункту 6 договора «размер арендной платы может быть изменен в одностороннем порядке арендодателем (кроме платежей по прошедшим срокам уплаты)».* **А6.** *ДР2 полностью выполнил обязательства по объёму заготовки древесины и внесению арендной платы, предусмотренные дополнительным соглашением от 30.01.2019.* **А7.** *Предлагая заключить новое дополнительное соглашение, ДР1 нарушает пункт 6 договора, запрещающий взимание арендной платы по прошедшим срокам.*

Примечательно, что количество выдвинутых аргументов ДР1 и ДР2 практически равное (6vs7). Но, в то время как ДР1 полагается на *argumentum ad veresundiam*, ДР2 контраргументирует исключительно в режиме *argumentum ad rem*. А2 и А3 напоминают о положениях договора, регламентирующих порядок вносимых в него изменений. Очень важен А4, указывающий на то, что А2, выдвинутый ДР1, противоречит договорённостям сторон трёхлетней давности: в подписанном ими соглашении от 30.01.2019 соотношение объёма заготавливаемой древесины и размер арендной платы не ставится под сомнение.

Наконец, А5 прямо указывает на запрет поправок, вносимых «задним числом».

Мы не проводим анализ аргументации ДЭС ПИ. Достаточно отметить, что ДЭС ПИ полностью поддержал позицию ДР2 и отказал ДР1 в удовлетворении иска. У нас нет текстовых материалов, способных объяснить причину, по которой проигравшая сторона не согласилась с ДЭС ПИ и обратилась в апелляционный суд; скорее всего, взяла верх вера в силу *argumentum ad verecundiam*. Поскольку ни ДР1, ни ДР2 не вносили коррективы в порядок и содержание их аргументов, проанализируем аргументацию ДЭС АИ: **А1.** *Оценив в совокупности имеющиеся в деле доказательства по правилам статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, суд первой инстанции не нашел правовых оснований для удовлетворения иска.* **А2.** *ДЭС АИ по результатам проверки доводов апелляционной жалобы и повторного рассмотрения материалов дела, не находит правовых оснований для иных выводов.* **А3.** *ДЭС АИ полагает, что ДЭС ПИ при рассмотрении спора правильно определен характер спорного правоотношения, круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, проверке и установлению по делу, правильно определены законы и иные нормативные акты, которые следовало применить по настоящему делу, дана оценка всем имеющимся в деле доказательствам с соблюдением требований арбитражного процессуального законодательства.*

Если А1 и А2 имеют тезисное содержание (заявляется отношение ДЭС АИ к решению ДЭС ПИ), то А3 – первый в последующей цепи сложноподчинённых аргументов, в котором даётся положительная оценка действий ДЭС ПИ по четырём направлениям, составляющим обязательную сферу применения экспертных компетенций. Дальнейшие аргументы ДЭС АИ представляют собой детальные пояснения А3:

А4. *В силу части 3 статьи 71 Лесного кодекса Российской Федерации к договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации, если иное*

не установлено настоящим Кодексом. **А5.** Согласно части 1 статьи 74 Лесного кодекса Российской Федерации договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается по результатам аукциона по продаже права на заключение такого договора. **А6.** В соответствии с частью 2 статьи 74 Лесного кодекса Российской Федерации при заключении договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, по результатам аукциона изменение условий аукциона на основании соглашения сторон такого договора или по требованию одной из сторон не допускается.

В первом приближении может показаться, что аргументы А4 и А5, выдвинутые ДЭС АИ, избыточны. Однако наше изучение стратегий ДЭС – особенно на апелляционном этапе – убеждает нас в том, что, очерчивая максимально широкий круг ценностей, имеющих пусть и отдалённое отношение к архивному высказыванию дискурса, адресант ДЭС оптимизирует контекст ситуации и подводит адресата к признанию готовящегося заключения как единственного верного. В частности, А6 предупреждает о правовом запрете изменений релевантных параметров договора по внесудебному соглашению.

А7. Федеральным законом от 21.07.2014 № 250-ФЗ «О внесении изменений в статьи 74 и 81 Лесного кодекса Российской Федерации» в статью 74 Лесного кодекса Российской Федерации введена часть 2.1 (вступившая в силу с 22.07.2014), содержащая специальную норму о возможности изменения условий договора аренды лесного участка, заключенного по результатам торгов, на основании решения суда в случае существенного изменения количественных и качественных характеристик такого участка. **А8.** Аналогичное положение содержится в части 3 статьи 74.1 Лесного кодекса Российской Федерации, введенной в действие с 01.10.2015 Федеральным законом от 29.06.2015 № 206-ФЗ. Согласно указанной норме, договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключенный по результатам торгов, может быть изменен по решению суда в случае существенного изменения количественных и качественных

характеристик такого лесного участка. **А9.** *Статья 74.1 Лесного кодекса Российской Федерации является специальной нормой, не имеет обратной силы и может применяться исключительно к правоотношениям, возникшим после введения ее в действие.*

А10. *С учетом изложенного основанная на указанных изменениях арендная плата подлежит начислению с 1 января календарного года, в котором подано истцом уточненное в окончательном варианте применительно к таким изменениям исковое заявление о внесении изменений в договор аренды участка лесного фонда.*

Вновь создаётся обманчивое впечатление об А7 и А8 как аргументов, начинающих слишком «издалека». Однако столь подробное толкование значимости статьи 74 Лесного кодекса РФ продолжает А9, предупреждающий о необратимом характере данной статьи, и, наконец, А10, за которым уже просматривается вердикт в духе объявления мата одному из участников шахматной партии:

А11. *Исковое заявление в рассматриваемом деле подано ДР1 29.07.2021, тогда как ДР1 просит внести изменения в договор аренды лесного участка от 03.10.2008 № 1 в отношении размера арендной платы, подлежащей уплате в 2019 году, что недопустимо.* **А12.** *Нарушений норм процессуального права, являющихся согласно части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации безусловным основанием для отмены судебного акта, ДЭС АИ не установлено.* **Заключение:** *Руководствуясь статьями 176, 258, 268, 269, 271 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, ДЭС АИ постановил: решение ДЭС ПИ оставить без изменения, апелляционную жалобу ДР1 – без удовлетворения.*

Кроме тщательного выбора ценностей, имеющих отношение к противоборству ДР1 и ДР2, привлекает внимание предупреждающая, акцентирующая область запретных действий стратегия ДЭС АИ. Логично полагать, что она избрана адресантом после изучения стратегии ДР1, опирающейся на *argumentum ad verescundiam*. Очертить в этом случае максимально широкий

круг правовых запретов значит убедить адресата в малопродуктивности дальнейших попыток решить судебный спор в свою пользу.

2.4. Ошибки аргументации, вызванные неконкретными референциями к времени

Наш материал показывает, что нечёткая референция к времени далеко не единичный случай. В частности, различия интерпретаций носителей ДР1 и ДР2 возникают там, где общие указания на деловое событие в определённый временной период не уточняются такими деталями, как периодичность, распределение события внутри временного периода; например, между ночным и дневным временем, по отношению к прайм-тайм и другим релевантным признакам референции. Рассмотрим несколько характерных примеров.

Пример 2.9. *Контекст ситуации.* Заключен договор о размещении рекламы на уличных LED-экранах, согласно которому носитель ДР1 поручает носителю ДР2 размещение рекламы на 13 уличных LED-экранах, принадлежащих носителю ДР2. В договоре пункт гласит так: «发布期限自 2010 年 1 月 1 日起至 2010 年 12 月 31 日止, 发布时段条款约定滚动播放时间为 365 天全天播放, 每天 60 次×30 秒或 120 次×15 秒» ‘Срок действия размещения рекламы с первого января 2010 года по тридцать первое декабря 2010 года. Реклама будет транслироваться круглосуточно 365 дней, каждый день 60 раз × 30 сек. либо 120 раз × 15 сек’ (см. Приложение 4, от 2011 г. №04-407).

В процессе выполнения договора носитель ДР1 потребовал, чтобы носитель ДР2 размещал рекламу GF FUND MANAGEMENT с пятого апреля 2010 года по четвертое августа 2010 года в следующем режиме: **30 трансляций в промежутке с 11:30 по 14:30 и 60 трансляций – с 17:00 по 21:00.** Носитель ДР2 выслал официальное письмо отказа.

Выделенная часть дополнительного требования ДР1 легла в основу дискурса судебного спора как его **архивное высказывание.** Интерпретация и аргументы ДР1: «Дополнительное требование к режиму размещения ре-

кламы законно». **A1.** Двумя сторонами заключён договор о размещении рекламы. **A2.** Согласно договору, реклама транслируется круглосуточно 365 дней, каждый день либо 60 раз × 30 сек., либо 120 раз × 15 сек. **A3.** При круглосуточном режиме показа носитель ДР1 имеет право выбрать любое конкретное время в рамках суток. **A4.** Требование размещать рекламу GF FUND MANAGEMENT в режиме 30 раз трансляций с 11:30 до 14:30 и 60 раз трансляций с 17:00 до 21:00 является справедливым. **Заключение:** Отказ носителя ДР2 от размещения рекламы в указанном режиме должно рассматриваться как нарушение договора.

Обратим внимание: А3 заявляется носителем ДР1 без ссылки на договор, а как разумеющееся «по умолчанию» право ДР1. Аналогичен характер А4, в котором утверждение протагониста не подкреплено никакими доводами, кроме отсылки к предыдущему аргументу А3. Таким образом, апелляция ДР1 к справедливости не подкреплена ни одним *argumentum ad rem*.

Интерпретация и аргументы носителя ДР2: «Дополнительное требование ДР1 не законно»: **A1.** Две стороны на основе добровольности и равенства заключили договор с определенными условиями. **A2.** Условие «каждый день 60 раз × 30 сек. либо 120 раз × 15 сек.» означает, что носитель ДР2 имеет право выбрать время размещения при удовлетворении требованиям того, что совокупная продолжительность показа составляет 30 минут. **A3.** Временные интервалы с 11:30 до 14:30 и с 17:00 до 21:00, на которых настаивает ДР1, относятся к «прайм-тайм», когда предусматривается размещение рекламы по другому тарифу. **A4.** Условие о тарифе «прайм-тайм» в договоре отсутствует. **A5.** Согласно договору, ДР2 обязан транслировать рекламу каждый день 60 раз × 30 сек., либо 120 раз × 15 сек., независимо от конкретного времени суток. **Заключение:** Дополнительное требование носителя ДР1 является незаконным.

ДР2 не ссылается на какие-либо статьи законов, ограничиваясь только интерпретацией положений договора. Тем не менее, этого достаточно, чтобы выполнить основное требование к аргументации сторон в дискурсе судебно-

го спора, а именно, главенство *argumentum ad rem* (см. выводы из анализа примеров в предыдущем разделе). При этом А5 выглядит как дублирование А2, но такой приём аргументации позволяет акцентировать положение договора, говорящее в пользу ДР2.

Как неоднократно отмечалось выше, ДЭС строит собственную расширенную аргументацию с привлечением законодательных документов, имеющих порой не очевидное отношение к делу с точки зрения не принадлежащих к ДЭС интерпретаторов: **А1.** *Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора.* **А2.** *Подтверждено, что содержание договора является выражением истинных намерений обеих сторон.* **А3.** *Однако договорённости не должны нарушать обязательные положения законодательства и административные правила.*

Первые два аргумента ДЭС, кроме констатации согласия ДР1 и ДР2 с фактом заключения делового договора, подчёркивают убеждение ДЭС в истинности намерений сторон. Если А1 – ритуальный ход ДЭС в начале комментариев судебного спора, то А2 заявляется не всегда. Представляется, что обращение к истинности намерений ДР1 и ДР2 призвано привлечь внимание участников к тому, что выдвижение дополнительного, не оговорённого в тексте договора требования не совсем согласуется с первоначальными намерениями одного из участников. Этот намёк усилен ограничительным характером риторики А3, призывом соблюдать законы и правила, которые по понятным причинам в договорах не цитируются.

А4. *В договоре заявлено: «Реклама будет транслироваться круглосуточно 365 дней, каждый день 60 раз × 30 сек. либо 120 раз × 15 сек».* **А5.** *Однако отсутствует конкретная договоренность о том, какая конкретно реклама будет размещаться, когда и на каком экране.* **А6.** *В соответствии с коммерческой практикой, стоимость размещения рекламы должна рассчитываться по таким условиям, как место демонстрации, временной период, количество и продолжительность трансляций.*

Эти три аргумента играют центральную роль в аргументации. Они звучат как упрёк обеим сторонам, упустившим необходимость положений, которые, переходя на язык лингвистики, могли бы снять неопределённость референции к времени трансляций (ср. А4). Кроме того, указывается на необоснованность требований к особому размещению конкретной рекламы по причине отсутствия соответствующего договорного положения (ср. А5). Наконец, со ссылкой на коммерческую практику подчёркивается необходимость конкретных договорённостей об оплате размещения рекламы в зависимости от конкретных технических и организационных условий; конечно, к последним относится и «прайм-тайм».

*А7. В соответствии со ст. 05 договорного права КНР, стороны должны определить соответствующие права и обязанности, руководствуясь принципом справедливости и равенства. А8. В соответствии со ст. 107 договорного права КНР, сторона должна продолжить выполнение обязательств, принять меры по исправлению либо компенсировать убытки при условиях невыполнения, либо не надлежащего выполнения обязательств. **Заключение:** Аргументы носителя ДР2 признать верными, а его требования подлежащими удовлетворению в полном объёме.*

Если А7 – резолютивный аргумент, апелляция к высшим юридическим ценностям, то А8 – скорее, предупреждение проигравшему тяжбу ДР1 о необходимости выполнить законом предусмотренные в этом случае действия. Возможно, что побудили ДЭС к такому аргументу весьма сомнительные рассуждения ДР1 о справедливости в ходе судебного спора.

Следующий пример иллюстрирует чисто лингвистическую неудачу в формулировке референции к времени. Любопытно, что носители ДР, по всей видимости, пытаясь сконструировать многокомпонентную дескрипцию, получили контрпродуктивный результат. Это – наглядный пример того, что умножение предикатов и квалификаторов времени в рамках дескрипции не всегда приводит к оптимальной референции.

Пример 2.10. *Контекст ситуации.* ДР1 и ДР2 заключили договор аренды. Способ платежа определён следующим образом: «在合同签订之日一次性付清一年度租金 9000 元, 今后使用每满半年后, 乙方应在上半年度付款的相对应日付清下半年度的租金; 乙方应按时付款, 逾期支付超过 20 个工作日, 甲方有权终止合同, 并追缴所欠款项» ‘В день подписания Сторона В должна произвести оплату за годовую аренду в размере 9000 юаней. Через каждые полгода ДР2 должен производить оплату за следующее полугодие в **соответствующий день** оплаты в первое полугодие. Арендатор обязан произвести оплату в срок. Если просрочка платежа превышает 20 рабочих дней, ДР1 имеет право расторгнуть договор и взыскать причитающуюся ему сумму’ (см. Приложение 4, от 2018 г. №15-1202).

Выделенная часть договорного положения стала **АВ судебного спора**. Интерпретация и аргументы ДР1: «ДР2 нарушил условие о сроках платежа»: **А1.** *Заключен договор об аренде на два года.* **А2.** *Носитель ДР2 заплатил за аренду в первый год при подписании договора.* **А3.** *В договоре «相对应日 в соответствующий день» следует понимать как исчисление ровно полгода с момента первой оплаты во время заключения договора.* **А4.** *В установленный договором день носитель ДР2 не провел арендную плату.* **Заключение:** *Носитель ДР2 нарушил договор, носитель ДР1 имеет право расторгнуть договор и взыскать сумму в размере 9000 юаней.*

Ясно, что архивное высказывание дискурса судебного спора не освобождается от признаков омонимичной референции к времени даже при условии его дополнения до многокомпонентного словосочетания 相对应日付清下半年度的租金 ‘соответствующий день оплаты в первое полугодие’. «Винник» омонимичности – предикат 相对应 ‘соответствующий’, семантика которого характеризуется привязкой к конкретной анафорической структуре, слову или высказыванию, имеющим предметный смысл. В качестве точек отсчёта могут быть, по крайней мере, три даты: 1) день ровно через полгода после подписания договора, 2) любой день в течение полугода после подписа-

ния договора, 3) любой день в течение 20 дней, после которых вступает в силу положение о просрочке платежа. ДР1 настаивает на 1), не учитывая 2 остальные интерпретации омонимичной референции.

Интерпретация и аргументы ДР2. «ДР2 соблюдает договорное условие арендной платы»: **A1.** *Две стороны заключили договор об аренде.* **A2.** *При подписании носитель ДР2 заплатил за первый год.* **A3.** *В договоре «相对应日 в соответствующий день» следует понимать как в любой день во втором полугодии.* **A4.** *Носитель ДР2 произвел оплату аренды за второй год согласно такому пониманию договорного положения.* **A5.** *Носитель ДР1 отказался принять оплату.* **Заключение:** *Отказ носителя ДР1 нарушает договорности сторон.*

ДР2 больше устраивает вариант 2), хотя по объективным критериям он ничуть не лучше 1) или 3).

Неудивительно, что решение ДЭС ПИ в пользу ДР2 вызвало несогласие ДР1 и, следовательно, обращение в апелляционный ДЭС. Последний поддержал решение ДЭС ПИ, практически повторив его аргументы: **A1.** *Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора.* **A2.** *Стороны подтверждают, что содержание договора является выражением их истинных намерений.* **A3.** *Условие договора «今后使用每满半年后, 乙方应在上半年度付款的相对应日付清下半年度的租金» (Сторона В должна производить оплату за следующее полугодие в соответствующий день оплаты в первое полугодие) нельзя считать ясным определением даты оплаты.* **A4.** *Срок аренды составляет 2 года, и в течение второго полугода после подписания договора носитель ДР2 произвел оплату аренды за второй год.* **A5.** *Это свидетельствует о том, что носитель ДР2 не намерен задерживать оплату и расторгнуть договор.*

Как уже неоднократно отмечалось, аргументы А1 и А2 носителя ДЭС традиционно подчеркивают отношение ДР1 и ДР2 к заключённому ими договору как документу, свидетельствующему о равенстве и взаимном интере-

се к сотрудничеству. С А3 начинается экспертная оценка договора носителем ДЭС. Указывается на нечёткую формулировку высказывания, включающего АВ. Ключевую роль играют А4 и А5, связанные классической импликацией «если а, то b»: «Если носитель ДР2 оплатил аренду в течение установленного срока, то он намерен продолжать договорные отношения».

*А6. В договоре не существует оговоренной четкой даты оплаты аренды за второй год. А7. В соответствии со ст. 62 договорного права КНР, если срок исполнения неясен, должник имеет право исполнить обязательство в любое время, а кредитор имеет право потребовать исполнения обязательств в любое время, но с предоставлением необходимого времени. **Заключение:** Аргументы носителя ДР2 признать верными, а его требования подлежащими удовлетворению в полном объёме.*

А6 перефразирует А3, чтобы построить заключительную импликацию, указывающую на положение закона, приложимое к данной ситуации. По нашему мнению, здесь дух закона оказывается сильнее его буквы. Поскольку за ДР1 остаётся право потребовать исполнения договорённости при условии предоставления ДР2 необходимого времени, в интересах сторон достичь ДС, скорректировав неудачную референцию к времени.

Пример 2.11. Контекст ситуации. Ремонтная компания (ДР1) заключила с коммерческой компанией (ДР2) договор о регистрации доменного имени «中国大理石.商城 Китайский мрамор. Торговый дом». Дата заключения договора и перевода регистрационного сбора 15.10.2015 г. Однако срок действия сертификата о регистрации указан с 29.10.2015 г. по 29.10.2025 г. Двухнедельный разрыв между датой регистрации договора и началом срока действия соответствующего сертификата побудил ДР1 к обращению в суд (см. Приложение 4, от 2018 г. №01-242).

Архивное высказывание судебного спора обнаруживается в следующем договорном положении: «乙方在收到甲方相应的注册费用后两个工作日内完成商城域名的注册». '(ДР2) обязан выполнить регистрацию доменного имени

в течение двух рабочих дней после получения регистрационного сбора от ДР1)».

У носителей ДР возник спор из-за разной интерпретации времени выполнения регистрационных процедур. Интерпретация и аргументы носителя ДР1: «Сроки регистрации доменного имени не соответствуют договоренности»: **А1.** Договор между ДР1 и ДР2 заключён 15.10.2015. **А2.** ДР1 в тот же день перевел регистрационный сбор полностью. **А3.** Согласно договору, носитель ДР2 обязан выполнить регистрацию доменного имени в течение двух рабочих дней **А4.** 18.10.2015 должен быть получен сертификат о регистрации. **А5.** Срок действия полученного сертификата расходится с ожидаемым. **Заключение:** Носитель ДР2 нарушил условия договора и должен понести ответственность.

На первый взгляд, аргументация носителя ДР1 убедительна. Договор действительно требует выполнения регистрации в течение двух рабочих дней. Именно такое истолкование условия заставило носителя ДР1 перевести регистрационный сбор одновременно с заключением договора.

Интерпретация и аргументы ДР2: «ДР2 выполнил условие договора о сроках регистрации доменного имени»: **А1.** В течение двух рабочих дней после подписания договора носитель ДР2 выполнил процедуру сбора информации и подал заявление о регистрации. **А2.** В общепринятых временных рамках регистрация выполнена, сертификат получен. **А3.** В договорном положении «выполнение регистрации доменного имени в течение двух рабочих дней» подразумевается «подача заявки в течение двух рабочих дней». **А4.** Этот диапазон времени не включает оформление и выдачу сертификата. **А5.** Принятие сертификата носителем ДР1 рассматривается как согласие на продолжение исполнения договора. **А6.** Следовательно, носитель ДР1 обязан оплатить услуги регистрации. **Заключение:** Носитель ДР2 выполнил свои обязательства в соответствии с условиями договора в полном объеме.

Аргументация ДР2 опирается на профессиональную интерпретацию референции «两个工作日内» ‘в течение двух рабочих дней’, согласно кото-

рой в этот период времени обязанность носителя ДР2 заключается только в оформлении и подаче соответствующего заявления. Что же касается сроков рассмотрения заявления и выдачи сертификата властным органом, в договоре отсутствует какое-либо уточнение.

Аргументы носителя ДЭС ПИ начинаются с однозначного высказывания в пользу ДР2. Поддержка позиции ДР2 выражена аргументами А1 и А2:

А1. Пункт «乙方在收到甲方相应的注册费用后两个工作日内完成商城域名的注册» ‘Носитель ДР2 обязан выполнить регистрацию доменного имени в течении двух рабочих дней после получения регистрационного сбора от носителя ДР1’ необходимо истолковать как обязанность ДР2 в течение двух рабочих дней подать заявление о регистрации доменного имени. **А2.** Сроки получения сертификата этим пунктом не предусмотрены.

Следующий аргумент ДЭС ПИ следует расценивать как юридический упрёк в адрес обеих сторон договора:

А3. В договоре отсутствует четкая договоренность о конкретном времени по официальному выполнению регистрации доменного имени.

А4 выполнен идентично А7 аргументации ДЭС в предыдущем судебном споре (см. п. 2.9). Можно сделать вывод, что апелляция к статье 62 договорного права КНР является типичным аргументационным решением в ситуации неопределённости сроков выполнения договорных обязательств:

А4. В соответствии со ст. 62 договорного права КНР, если срок исполнения неясен, должник имеет право исполнить обязательство в любое время, а кредитор имеет право потребовать исполнения обязательств в любое время, но должно быть предоставлено необходимое время на подготовку.

Поскольку поводом к судебному спору послужило разночтение его сторонами сроков оплаты регистрационного сбора, с одной, и выдачей сертификата, с другой стороны, ДЭС ПИ считает необходимым продолжить разъяснения юридических тонкостей:

A5. В данном иске регистрационная процедура оформилась онлайн. **A6.** Оформление процедуры онлайн подтверждается извещением властного органа о регистрации. **A7.** Одновременная выдача сертификата не предусматривается. **A8.** В соответствии со ст. 60 договорного права КНР стороны обязуются в полном объеме выполнять свои обязательства по договору.

A5 и A6 уточняют порядок извещения об онлайн регистрации доменного имени. Иллокутивная цель A7 и A8 – предупреждение сторонам о необходимости исполнять договорные обязательства и в период ожидания выдачи сертификата регистрации.

A9. 15.10.2015 носитель ДР1 перевел регистрационный сбор. **A10.** Срок действия сертификата отсчитывается с 29.10.2015. **A11.** Согласно общепринятым правилам, срок оформления и выдачи сертификата – четырнадцать дней. **A12.** Условие договора о сроках исполнения регистрации выполнено. **Заключение:** В соответствии со ст. 60, 61, 62 и 94 договорного права КНР, носитель ДР2 надлежащим образом выполнил свои обязательства.

Безусловно, центральным аргументом в цепочке A9 – A12 является A11. Носитель ДЭС ПИ определил основание заключения – общепринятую практику деловых отношений в сфере документооборота. Однако, как считает ДР1, ДЭС ПИ не выполнил функцию по защите социально слабой группы населения, игнорируя правила справедливости и равенства. Дело в том, что статус и финансовые ресурсы ДР1 значительно уступают ДР2.

ДЭС АИ принимает совершенно иное решение. Аргументы носителя ДЭС АИ начинаются с дежурных оценок добровольности и истинных намерений сторон договора и цитирования АВ дискурса судебного спора: **A1.** Подтверждено, что содержание договора является выражением истинных намерений обеих сторон, что не нарушает обязательные положения законодательства и административных правил. **A2.** Носители ДР1 и ДР2 заинтересованы в успешной регистрации доменного имени, что делает договор

действующим. **А3.** Спорным пунктом является «乙方在收到甲方相应的注册费用后两个工作日内完成商城域名的注册». «(Носитель ДР2) обязан выполнить регистрацию доменного имени **в течение двух рабочих дней** после получения регистрационного сбора от (ДР1)».

Начиная с А4, аргументация ДЭС АИ развивается в совершенно ином направлении. Если ДЭС ПИ отсылает к общепрофессиональной практике (см. А9), ДЭС АИ привлекает более весомые основания – статьи национальных законов КНР. Это увеличивает объём отдельных аргументов, но одновременно углубляет их содержание, усиливает убедительность:

А4. В соответствии со ст. 39.1 договорного права КНР, если в договоре наблюдаются стандартные условия, то сторона, предоставляющая стандартные условия, должна определить права и обязанности по принципу справедливости и равенства, предпринимать разумные меры для согласования с другой стороной условий, имеющих возможность освобождения или ограничения ее ответственности, конкретизировать стандартные условия по требованиям другой стороны. **А5.** В соответствии со ст. 39.2 договорного права КНР, стандартные условия – это положения или пункты, подготовленные заранее одной стороной и не согласованные с другой стороной при заключении договора.

Появляется до этих пор не используемое юридическое понятие – «стандартные условия договора». В контексте рассматриваемого дискурса судебного спора нетрудно заключить, что стандартные условия полагают договорные формулировки, опирающиеся на профессиональные компетенции одной из сторон договора. Мы уже сталкивались с подобным рассуждением в разделе 2.2. В том случае носитель ДР проявил проницательность, «утерев нос» носителю ДЭС конкретной референцией к локации. Здесь же борьба с профессиональными приёмами в виде «стандартных условий договора» возложена на ДЭС АИ:

А6. В соответствии со ст. 41 договорного права КНР, в случае возникновения каких-либо разногласий по интерпретации стандартных условий,

толкование последних должно выстраиваться в соответствии с общим пониманием. **A7.** Если существует более двух толкований стандартных условий, то должно быть сделано толкование, неблагоприятное для стороны, предоставляющей стандартные условия. **A8.** Если стандартные условия несовместимы с нестандартными, то должны быть приняты нестандартные условия. **A9.** В этом иске заключенный договор является стандартным и представленным носителем ДР2.

Уже можно предугадать критику ДЭС АИ в адрес ДР2, не выполнившего требования, изложенные в ст. 41:

A10. Носитель ДР2 отличается от носителя ДР1 богатым профессиональным опытом компании, занимающейся регистрацией доменных имен.

A11. При заключении договора носитель ДР2 не дифференцировал такие специфические термины, как «выполнение регистрации», «успешность регистрации» и «официальная регистрация», а также не пояснил, что «выполнение регистрации доменного имени **в течение двух рабочих дней**» должно пониматься как подача заявления о регистрации в течение двух рабочих дней.

Очевидно, что перечисленные в А11 «грехи» ДР2 в отношении необходимых разъяснений сути «стандартных условий договора» некомпетентному ДР1 влекут нежелательные с точки зрения юридической справедливости последствия и определяют вердикт ДЭС АИ:

A12. Это привело к ошибочному истолкованию положения договора носителем ДР1 и воспрепятствовало его истинному пожеланию при заключении договора. **A13.** В связи с вышесказанным толкование спорного пункта в качестве стандартного условия должно в пользу носителя ДР1. **Заключение:** В соответствии со ст. 39, 41, 58, 60.1 договорного права КНР и со ст. 169.1, 170.1 ГК КНР носитель ДР2 не выполнил регистрацию в течение двух рабочих дней после получения регистрационного сбора и нарушил обязательства. Носитель ДР1 имеет право расторгнуть договор.

Целесообразно подчеркнуть, что апелляция ДЭС АИ к равенству сторон договора, к справедливости, открытости и честности при обсуждении его положений, относится к проблеме аргументации к высшим общественным ценностям. Это интересная перспектива развития «новой риторики» Х.Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытека. Однако очевидно, что проблемы ошибок аргументации в судебных спорах находятся вне её «юрисдикции».

Пример 2.12. *Контекст ситуации* потребует более подробного описания ввиду весьма сложных обстоятельств сделки, в которой, кроме заказчика ДР1 и исполнителя принимает участие поручитель. В этом трио исполнитель оказывается «третьим лицом», фактически не принимающим участие в будущей судебной тяжбе. Его ответственность перед заказчиком ложится на поручителя (ДР2): согласно договору поручительства, ДР2 обязался нести солидарную ответственность с третьим лицом в полном объеме за своевременное исполнение третьим лицом обязательств в рамках основного контракта и дополнительного соглашения. Однако ДР2 – акционерное общество. Вскоре после начала действия основного договора один из акционеров ДР2 в судебном порядке выдвигает возражения против участия ДР2 в сделке в качестве поручителя. Это затрудняет исполнение ДР2 соответствующих обязанностей. Затруднения приводят к срыву сроков исполнения контрактных обязательств третьим лицом и завершаются иском со стороны ДР1.

Архивным высказыванием в дискурсе судебного спора стала выделенная часть следующего положения договора поручительства: *ДР2 должен нести солидарную ответственность с третьим лицом в полном объеме за своевременное исполнение третьим лицом обязательств по контракту и дополнительному соглашению. В случае нарушения сроков исполнения обязательств ДР2 выплачивает ДР1 неустойку из расчета 0,05% от просроченной суммы за каждый день просрочки* (см. Приложение 2, С.Р. от 28 июня 2020 г. по делу № А56-44644/2017).

Интерпретация и аргументы ДР1: «Носитель ДР2 допустил нарушение договора поручительства» **А1.** *ДР1 и ДР2 заключили договор поручительства.*

A2. Согласно п. 1.2, срок поручительства – 2 года. **A3.** В соответствии с пунктом 3.6. в случае нарушения сроков оплаты носитель ДР2 обязан выплатить носителю ДР1 неустойку из расчета 0,05% от просроченной суммы за каждый день просрочки. **A4.** Сроки исполнения обязательств по основному контракту нарушены. **A5.** Сумма неустойки на 05.09.19 составляет 600 563, 62 евро. **Заключение:** Носитель ДР2 нарушил договор поручительства и должен выплатить неустойку.

Представляется, что носитель ДР1 справедливо полагает, что нарушение договора поручительства налицо, и юридическая ситуация не требует иных аргументов, кроме указывающих на ответственность ДР2 в терминах количественной оценки. Это – *argumentum ad rem*, возражения против которого почти невозможны. Однако референцию к времени исполнения договора поручительства (2 года) трудно назвать конкретной, так как не указывается начальная точка отсчёта.

Носитель ДР2 не считает своё положение безнадежным. Интерпретация и аргументы ДР2: **A1.** В пункте 3.3 договора поручительства указано, что поручительство является безусловным, и поручитель не вправе выдвигать против ДР1 возражения, которые мог бы представить исполнитель (третье лицо).

Упоминание этого пункта договора поручительства оказывается весьма сильным аргументом, повлиявшим на решение ДЭС ПИ. Здесь налицо инференция, непрямая отсылка к ценности-федеральному закону (см. аргументы А4 – А8 ДЭС ПИ ниже). Кроме того, за ним можно усмотреть скрытый «перевод стрелок» на третье лицо, не принимающее участие в судебном споре. Усиливая свою стратегическую линию аргументации, ДР2 переходит к совершенно другой особенности договора поручительства:

A2. В тексте договора поручительства отсутствует дата его заключения, в то время как в п. 1.2 указано, что поручительство дается на срок два года. **A3.** Определить срок действия договора не представляется возможным.

На А2 и А3 возлагаются серьёзные надежды: отсутствие даты заключения договора – повод считать его ничтожным (см. ниже А1 в аргументации ДЭС ПИ). Носитель ДР2 стремится использовать слабое место в аргументации ДР1, а именно, наличие омонимичной референции к сроку исполнения договора (см. наш комментарий А2 ДР1 выше).

Далее ДР2 выдвигает аргументы несколько неожиданного содержания, извлекает «козырную карту из рукава»: **А4.** *Заявлено ходатайство о приостановлении производства по делу до принятия окончательного судебного акта по иному делу, в рамках которого рассматривается требование ООО «УВЗ-Энерго» о признании недействительным решения ДР2 о поручительстве.* **А5.** *В данном деле ООО «УВЗ-Энерго», ссылаясь на то, что является акционером ДР2 и ему принадлежат 4 300 привилегированных именных акций ДР2, просит признать вышеуказанное решение ДР2 недействительным.*

Очевидно, что, выдвигая А4 и А5, носитель ДР2 реализует своего рода программу минимум: затянуть рассмотрение дела по причине того, что ему уже приходится быть ответчиком по иску одного из собственных акционеров. А программа максимум – добиться признания договора поручительства ничтожным. **Заключение:** *Иск ДР1 отклоняется; ДР2 предъявляет встречный иск о признании договора поручительства ничтожным.*

Носитель ДЭС ПИ формулирует экспертное решение в пользу ДР2, опираясь на весьма пространную цепь аргументов: **А1.** *Носители ДР1 и ДР2 заключили договор поручительства, в котором отсутствует один из главных реквизитов для признания соблюденной письменной формы договора – дата его заключения.* **А2.** *Договор гласит, что поручительство является безусловным, и поручитель не вправе выдвигать требования к ДР1.*

А1 ДЭС ПИ просто перефразирует А2 и А3, выдвинутые ДР2, оставляя в стороне намёк ДР2 на возможную роль третьего лица в судебном споре. Очевидно, арбитр не считает участие третьего лица целесообразным, и по этой причине также не упоминает третье лицо в А2. Таким образом, последующие аргументы касаются только отношений ДР1 и ДР2:

А3. В соответствии с п. 1 статьи 361 ГК РФ по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или частично. Договор поручительства может быть заключен в обеспечение как денежных, так и не денежных обязательств, а также в обеспечение обязательства, которое возникнет в будущем.

А3 – «дежурный» аргумент ДЭС, дающий общее толкование о юридических особенностях договора поручительства. С остальной частью аргументации ДЭС ПИ вплоть до экспертного заключения он связан как обязательная часть сложившейся юридической практики.

А4. Согласно п. 1 статьи 364 ГК РФ поручитель вправе выдвигать против требования кредитора возражения, которые мог бы представить должник, если иное не вытекает из договора поручительства. **А5.** Поручитель не теряет право на эти возражения даже в том случае, если должник от них отказался или признал свой долг. **А6.** Частью 5 статьи 364 ГК РФ установлено, что ограничение права поручителя на выдвигание возражений, которые мог бы представить должник, не допускается. **А7.** Как отмечено в пункте 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством», судам следует иметь в виду, что согласно ст. 364 ГК РФ поручитель вправе выдвигать против требования кредитора возражения, которые мог бы заявить против требования кредитора должник. **А8.** Ограничение договором поручительства возражений поручителя, связанных с отношениями кредитора и поручителя, не допускается (п. 2 ст. 9 ГК РФ, ч. 3 ст. 4 АПК РФ)».

А4 – А8, аргументы ДЭС ПИ, насыщенные отсылками к ценностям-законодательным актам ГК РФ и АПК РФ, за которыми легко просматривается стратегическая цель дискурса – указание на положение договора поручительства, противоречащее федеральным законам о запрете ограничений на возражения ДР2 действиям ДР1 (напомним, что именно с этого указания – но в виде инференции – начиналась аргументация ДР2). Если А5 – А7 экспли-

цируют и одновременно усиливают указание на нарушающий федеральные законы пункт договора поручительства, то А8 замыкает аргументативную рамку как промежуточное заключение ДЭС ПИ.

Завершающие аргументацию А9 и А10 трудно назвать релевантными в контексте А1, А2, указывающих на отсутствие даты подписания договора, и А4 – А8, изобличающих нарушение федерального закона одним из пунктов договора поручительства. Скорее всего, резолютивная часть судебного решения предоставляет место укоренившейся практике указания на законы, имеющие отдалённое отношение к рассматриваемому делу. Убедительности экспертному решению А9 и А10 не добавляют:

А9. Договор поручительства должен быть совершен в письменной форме. Несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора поручительства (ст. 362 ГК РФ). А10. Статьей 160 ГК РФ предусмотрено, что сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами. Заключение: Руководствуясь статьями 168, 362, 364 ГК РФ 110, 156, 167-170 АПК РФ суд решил: 1. Договор поручительства является недействительным. 2. Предусмотренная договором неустойка за нарушение сроков оплаты взысканию не подлежит. 3. Приостановить производство по делу до принятия окончательного судебного акта по этому делу.

Обратим внимание: в заключении ДЭС ПИ наряду со статьями, использованными по существу рассмотренного дела, указываются ст. 362 и 160 ГК РФ, имеющие бюрократическое назначение. Поэтому аргументы заключения ДЭС ПИ весьма близки *argumentum ad litteram* (см. подробности в п. 3.4.3).

В апелляционной жалобе носитель ДР1 просит определение суда отменить и направить дело в суд первой инстанции (ДЭС ПИ) для рассмотрения по существу, ссылаясь на неправильное применение норм процессуального и материального права. В судебном заседании носитель ДР2 поддержал доводы

апелляционной жалобы, и заявил встречный иск о признании договора поручительства ничтожным. Как видим, отмена договорных отношений поручительства остаётся приоритетом ДР2.

Рассмотрев и изучив обстоятельства решения ДЭС ПИ, носитель ДЭС АИ выдвинул следующие аргументы: **А1.** *Заключение договора поручительства одобрено решением единственного акционера носителя ДР2 от 11.10.2016.* **А2.** *Приостанавливая производство по настоящему делу, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что в случае, если судом по делу будет принято решение о признании решения акционера недействительным, то это будет иметь существенное и определяющее значение для оценки и установления признаков недействительности договора поручительства.*

ДЭС АИ уточняет мотивы принятия решения ДЭС ПИ. При этом А1 подчёркивает, что ДР2 принял решение о заключении договора единолично; А2 устанавливает связь между этим решением, с одной, и причиной приостановки производства по делу, с другой стороны. Следующие три аргумента выражают несогласие ДЭС АИ с этим решением и объясняют его неправомерность:

А3. *Апелляционная инстанция не может согласиться с обжалуемым судебным актом.* **А4.** *Приостанавливая производство по настоящему делу, суд не учел того, что вопрос о действительности договора поручительства от 12.10.2016 не зависит исключительно от факта его одобрения единственным акционером носителя ДР2.*

А5. *Суд, рассматривающий вопрос о действительности сделки, не лишен возможности рассмотреть вопрос по существу, дав надлежащую правовую оценку сделке, независимо от результата рассмотрения дела, в рамках которого оспаривается соответствующее решение акционеров.*

Фактически ДЭС АИ призывает оценить характер данного судебного спора с точки зрения *argumentum ad rem*, то есть с опорой на факты, непосредственно связанные с нарушением договора поручительства, изложенные в аргументации ДР1. Нельзя не заметить, что, если ДР1 излагает суть нару-

шения договорных обязательств, сопоставляя содержание релевантного положения договора с количественной оценкой его нарушения ДР2, последний, равно как и ДЭС ПИ, уходят от АВ в область, слабо связанную с противоправным нарушением сроков и договорных условий поручительства. Поэтому, несмотря на весьма лаконичные рассуждения ДЭС АИ, его вердикт представляется убедительным и справедливым:

*Аб. В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 143 АПК РФ и пунктом 9 статьи 49 Закона № 208-ФЗ вывод суда о невозможности разрешения настоящего дела до принятия окончательного судебного акта по делу является необоснованным, в связи с чем, обжалуемое определение подлежит отмене. **Заключение:** Руководствуясь статьей 272 АПК РФ, ДЭС АИ постановил: 1. Определение первой инстанции отменить. 2. В удовлетворении ходатайства носителя ДР2 о приостановлении производства по делу отказать.*

Решение ДЭС АИ убеждает в том, что обилие цитируемых статей закона не всегда является залогом убедительности, бесспорности решения ДЭС. В частности, уклонение при этом от опоры на *argumentum ad rem* делает стратегию ДЭС ПИ весьма уязвимой.

2.5. Ошибки аргументации, вызванные омонимичными референциями к локациям

Наш материал показывает, что в современной России широко распространены судебные споры между, с одной стороны, жильцами многоквартирных домов, с другой стороны, управляющими компаниями. При этом одна из «больных» тем – определение территориальной ответственности обслуживающей дом УК. Типичный пример такого спора рассмотрен выше (см. п. 2.2). Начнём настоящий раздел с анализа аналогичного спора, в который, в отличие от вышеупомянутого, вовлечены два юридических лица.

Пример 2.13. Контекст ситуации. Носитель ДР1 – (ООО «Район») заключил договор с носителем ДР2 (ГУПС «Водоканал») по части холодного

водоснабжения и водоотведения. Вскоре у сторон возникли разногласия в интерпретации следующего положения договора: *«границей балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по водоснабжению указанных домов является точка врезки в городской водопровод, границей балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по канализированию является:*

*- в отношении многоквартирного дома №2А по проспекту Победы – **обрез трубы выпуска в колодце на дворовой сети канализации;***

*- в отношении многоквартирных домов №21А, корпус 3 и корпус 4 по проспекту Победы – **водоотведение в сети ЖСК “Титон-Юг”;***

*- в отношении многоквартирных домов №44И и №44Ж по проспекту Победы – **водоотведение в сети ООО “Социальная инициатива”»** (см. Приложение 2, Постановление Центрального округа от 19 августа 2022 г. по делу № А84-4924/2021).*

Как мы видим, выделенные части положений содержат пространственную референцию, выполненную в терминах интерпретатора-носителя ДР2. Если профессиональные дескрипции «обрез трубы» и «водоотведение» ещё могут дать интерпретатору ДР1 представление о референтах, то указания на сети организаций, по определению подчинённых «Водоканалу», понятны только последнему. Таким образом, соответствующие референции обеспечивают носителю ДР2 своего рода дискурс власти. Поэтому носитель ДР1 обращается к внешнему эксперту-носителю ДЭС с предложением закрепить спорное положение в иной редакции и установить следующие референции к локациям:

*- **внешней (балансовой) границей сетей водоснабжения и границей эксплуатационной ответственности является внешняя граница стены многоквартирного дома;***

*- **внешней (балансовой) границей сетей водоснабжения является внешняя граница стены многоквартирного дома, границей эксплуатаци-***

онной ответственности является место подключения сети водоснабжения к прибору учета;

- заголовок столбца: «По канализированию» заменить на: «По водоотведению», внешней (балансовой) границей сетей водоотведения и границей эксплуатационной ответственности является внешняя граница стены многоквартирного дома.

Новое положение сформулировано в терминах, понятных обоим интерпретаторам. Освобождая новую референцию от прежней профессиональной замкнутости, интерпретатор ДР1 решает проблему оптимизации. «Внешняя граница стены» является конкретным референтом в условиях такого объекта, как водопроводные и канализационные сети, что исключает различия интерпретаций этой дескрипции.

Носитель ДЭС, исследовав и оценив представленные в материалы дела доказательства, удовлетворил иски, урегулировал разногласия, возникшие между сторонами, путем принятия редакции истца.

Также носитель ДЭС изложил условия в таблице «Реестр» в акте разграничения балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по объектам: многоквартирные дома, расположенные по адресам: г. Севастополь, пр. Победы, 2А; пр. Победы, д. 21А, корп. 3, корп. 4; пр. Победы, 44И; пр. Победы, 44Ж, - в следующей редакции:

- в столбце №3 пункты 1 - 5: «Внешней (балансовой) границей сетей водоснабжения и границей эксплуатационной ответственности является внешняя граница стены многоквартирного дома», в столбце №4:

- заголовок столбца «по канализированию» заменить на: «по водоотведению», пункты 1 - 5: «Внешней (балансовой) границей сетей водоотведения и границей эксплуатационной ответственности является внешняя граница стены многоквартирного дома».

Отметим, что в аналогичных случаях ДЭС, принимая редакцию стороны, не обладающей профессиональной компетенцией управляющей компании, решает важнейшую социально-лингвистическую задачу, а именно,

уравнивает ДР1 и ДР2 по возможностям властного влияния [Fairclough, 1998]. Лингвистические операции, стоящие за таким решением, требуют отдельного комментария.

В частности, Дж. Лакофф, рассматривая властный потенциал политического дискурса, отмечал, что победы Б. Клинтона на президентских выборах 1992 и 1996 годов были обеспечены «похищением языка» его оппонентов-республиканцев [Lakoff, 2006, p. 77]. Ещё более точное указание на суть «похищения» даёт Дж. Нунберг: «His [Clinton's] declaration ... that “the era of big government is over” signaled a new age of Democratic political rhetoric» [Nunberg 2006, p. 125]. «Конец эры большого правительства» – главный лозунг республиканцев эпохи Р. Рейгана и Дж. Буша, ст. Господствующая форма политической коммуникации в 1980-х гг. была установлена, в первую очередь Р. Рейганом и представляла собой миф-нарратив, смысловой центр которого держался на консервативных ценностях республиканцев, в первую очередь, «критике большого правительства». Б. Клинтон удачно использовал эту форму для продвижения новых нарративов *We need a change* (1992) и *We are on the right track* (1996). Таким образом, республиканцы утратили монополию на выигрышную риторическую модель.

Как бы далеко отстоящими друг от друга ни представлялись интересы, с одной стороны, высших политических сил страны, с другой, интересы управляющих компаний и клиентов, их дискурсивные стратегии в точках конфликта аналогичны: одни стараются сохранить властный ресурс, другие – его нейтрализовать. В целом, носители ДР соблюдают требования *argumentum ad rem*. Но профессионалы в Уголовном Кодексе (далее – УК) и в Гражданском Кодексе (далее – ГК) используют при этом язык, обеспечивающий конкретную референцию только в их контексте ситуации, а их клиенты строят ДС, в котором аналогичная референция конкретна для обоих участников дискурсивного взаимодействия. И решение ДЭС, поддерживающее сторону, противостоящую власти профессионального дискурса, с лингвистической точки зрения – образец правосудия.

Следующий пример несколько отличается от рассмотренных нами ранее. Конфликт завязан на праве сторон определять место судебного рассмотрения их претензий друг к другу.

Пример 2.14. *Контекст ситуации.* В Арбитражный суд Саратовской области обратился носитель ДР1 с исковым заявлением о взыскании с носителя ДР2 задолженности по договору на поставку электроэнергии. Носителем ДР2 было заявлено ходатайство о передаче дела на рассмотрение Арбитражного суда г. Москвы по месту нахождения ответчика. Определением Арбитражного суда Саратовской области (ДЭС ПИ) дело передано на рассмотрение Арбитражного суда города Москвы. Носитель ДР1 обратился в ДЭС АИ с апелляционной жалобой; просит состоявшийся по делу судебный акт отменить, в удовлетворении ходатайства о передаче дела по подсудности в Арбитражный суд города Москвы отказать. Сложность судебного дела в том, что первоначально место судебного рассмотрения было определено договорным положением: «...*спор подлежит разрешению в арбитражном суде Саратовской области*» (см. Приложение 2, Постановление двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 30 декабря 2019 г. по делу № А57-24249/2019). Однако положение изменено в преддоговорном споре и согласовано сторонами в следующей редакции: «*спор подлежит разрешению в арбитражном суде, в соответствии с требованиями законодательства РФ*». Причины, по которым стороны пошли на замену конкретной референции омонимичным вариантом, неясны. Важно, что именно в последней редакции носителями ДР1 и ДР2 согласовано правило предъявления иска в арбитражный суд; это положение стало **АВ** в ДЭС ПИ и ДЭС АИ.

Интерпретация и аргументы носителя ДР1: «Судом первой инстанции неправильно применены нормы материального и процессуального права». **А1.** *В пункте 2.1. договора указано, что местом исполнения договора является Саратовская область.* **А2.** *Следовательно, у носителя ДР1 имелось право выбора арбитражного суда, которому будет передан спор на рассмотрение.* **А3.** *В суде первой и апелляционной инстанции уже были рассмотрены по*

существо споров между данными сторонами по взысканию задолженности за более ранние периоды. **А4.** Статьей 36 АПК РФ предусмотрены случаи подсудности по выбору истца. **Заключение:** Спорное положение должно интерпретироваться так, что носитель ДР1 имеет право на выбор места арбитражного суда.

Интерпретация и контраргументы носителя ДР2: «Определение о переносе судебного рассмотрения в Москву справедливо». **А1.** По договору каждая из сторон исполняет свое обязательство (исполнитель – обеспечивает передачу электроэнергии, заказчик – производит оплату услуг Исполнителя). **А2.** В подписанном обеими сторонами договоре не указано место арбитражного суда для разрешения споров. **А3.** Договором территориальная подсудность споров не изменена. **А4.** В таком случае по закону рассмотрение должно по месту нахождения ответчика. **А5.** Местом нахождения ответчика является город Москва. **Заключение:** Носитель ДР2 имеет право выбрать Москву местом арбитражного разбирательства.

Изучив и рассмотрев все аргументы носителей ДР1 и ДР2, носитель ДЭС АИ не усматривает оснований для переоценки выводов суда по доводам апелляционной жалобы в силу следующих аргументов: **А1.** Был заключен договор двумя сторонами на условиях добровольности и равноправия. **А2.** Согласован сторонами пункт 10.4 договора: «Спор подлежит разрешению в арбитражном суде, в соответствии с требованиями законодательства РФ». **А3.** В силу статьи 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. **А4.** Статьей 36 АПК РФ предусмотрены случаи подсудности по выбору истца. **А5.** Носитель ДР1 может воспользоваться своим правом на предъявление иска, вытекающего из договора, по месту его исполнения лишь в том случае, когда в договоре прямо закреплено условие о месте его исполнения. **А6.** В договоре в качестве места его составления указан город Саратов, местом нахождения энергопринимающих устройств потребителя указана Саратовская область. **А7.**

Прямое указание на какое-либо место исполнения договора в договоре отсутствует.

Очевидно, что в первой части весьма подробной аргументации ДЭС указана основная ошибка носителей ДР, а именно, отсутствие в тексте договора указания на место его исполнения. Это – классический *argumentum ad rem*, выполненный экспертом. В двух последующих аргументах комментируется серьёзность последствий этого упущения:

А8. *При отсутствии в договоре условия о месте его исполнения ДЭС АИ не может самостоятельно помимо воли сторон приравнять место исполнения обязательства к месту исполнения договора и тем самым изменить подсудность.* **А9.** *Текст договора, на котором носитель ДР1 основывает свои исковые требования, условия о месте его исполнения не содержит.*

Пять заключительных аргументов ДЭС АИ выполнены в режиме правового обоснования принимаемого решения. Обратим внимание: носители ДР также пытались использовать аргументы к ценностям-статьям законам. Возможно, фрагментарный характер соответствующих апелляций побудил ДЭС АИ к оптимизации аргументов к соответствующим правовым положениям:

А10. *Согласно статье 37 АПК РФ подсудность, установленная статьями 35 и 36 настоящего Кодекса, может быть изменена по соглашению сторон до принятия арбитражным судом заявления к своему производству.*

А11. *По общему правилу о подсудности, установленному в статье 35 АПК РФ, иск предъявляется в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства ответчика.* **А12.** *Местом нахождения носителя ДР2 является город Москва.* **А13.** *При таких обстоятельствах ДЭС АИ пришел к выводу о том, что место исполнения обязательства по оказанию услуг по передаче электрической энергии, а также место нахождения точек присоединения к электрическим сетям (статья 316 ГК РФ) не является местом исполнения договора (в смысле части 4 статьи 36 АПК РФ).* **А14.** *Спор о взыскании денежного долга за пошивку*

должен быть передан на рассмотрение арбитражного суда по месту нахождения носителя ДР2 (должника) по общему правилу, установленному статьей 35 АПК РФ. **Заключение:** Настоящее дело правомерно передано на рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы; иск носителя ДР1 оставить без удовлетворения.

Кроме омонимичной референции к локации, следующий пример интересен конечным результатом: спор разрешён не силой авторитетного мнения ДЭС, а по доброй воле носителей ДР.

Пример 2.15. Контекст ситуации. Заключен договор между тремя компаниями: русской буровой компанией (носитель ДР1), китайской корпорацией (носитель ДР2) и лизинговой компанией (третье лицо; в судебных прениях не участвовало). Предмет – купля-продажа мобильной буровой установки ZJ30CZ. В договоре есть следующее условие признания обстоятельств непреодолимой силы: *«Надлежащим доказательством наличия указанных обстоятельств будет являться документ, выдаваемый Торгово-Промышленной Палатой РФ или другими местными компетентными органами»* (см. Приложение 3, договор купли-продажи №02-08/21 от 10 августа 2021 г.), которое стало **АВ** дискурса судебного спора. Задержка в поставке договорного оборудования на 2 месяца стала поводом обращения ДР1 в суд.

Интерпретация и аргументы носителя ДР1: *«Носитель ДР2 нарушил условия по поставке и должен выплатить неустойку»*. **А1.** *Был заключен договор купли-продажи между тремя сторонами.* **А2.** *Договор гласит, что носитель ДР2 осуществляет поставку в течение 85 (восемидесяти пяти) календарных дней с даты осуществления носителем ДР1 платежа.* **А3.** *Носитель ДР1 провел платеж в соответствии с настоящим договором.* **А4.** *Акт приема-передачи оборудования доказывает опоздание поставки на два месяца.* **А5.** *Согласно пункту 20 договора, «В случаях невыполнения либо ненадлежащего выполнения принятых на себя обязательств по поставке Иущества по настоящему договору, продавец выплачивает покупателю*

или лизингополучателю неустойку в размере 0,1 % стоимости имущества по настоящему договору за каждый день просрочки, но не более 10 % от стоимости имущества, вплоть до исполнения обязательств». **А6.** Пункт договора, определяющий задержку или неосуществление поставки обстоятельствами непреодолимой силы, гласит: «Надлежащим доказательством наличия указанных обстоятельств будет являться документ, выдаваемый Торгово-Промышленной Палатой РФ или другими местными компетентными органами». **А7.** «Местные компетентные органы» должны пониматься как российские. **А8.** Китайская международная торговая палата не является российским компетентным органом». **Заключение:** Носитель ДР2 обязан выплатить неустойку.

Интерпретация и контраргументы носителя ДР2: «Носитель ДР2 предоставил документ о действии обстоятельств непреодолимой силы в соответствии с договором». **А1.** Был заключен договор купли-продажи между тремя сторонами. **А2.** Пункт №24 договора гласит: «Стороны не несут ответственность за невыполнение обязательств, обусловленное обстоятельствами, возникшими помимо воли и желания сторон и которые нельзя предвидеть или избежать, включая объявленную или фактическую войну, гражданские волнения, эпидемии, блокаду, эмбарго, запретительные и/или ограничительные действия государственных органов (за исключением предписаний таможенных органов), землетрясения, наводнения, пожары и другие стихийные бедствия. О наличии форс-мажорных обстоятельств стороны предупреждают друг друга незамедлительно, но не позднее 10 (десяти) рабочих дней с момента их наступления и прекращения». **А3.** Предоставлен акт от Китайской международной торговой палаты о приостановке работы таможи Маньчжурии вследствие пандемии. **А4.** Пункт 24 договора гласит: «Надлежащим доказательством наличия указанных обстоятельств будет являться документ, выдаваемый Торгово-Промышленной Палатой РФ или другими местными компетентными органами». **А5.** Китайская международная торговая палата относится к

«другим местным компетентным органам». **А6.** Поставка с опозданием на два месяца была не по вине ДР2. **А7.** Носитель ДР2 не должен выплачивать неустойку.

В итоге носители ДР1 и ДР2 в ходе судебного разбирательства путем переговоров и взаимных уступок договорились о примирении на следующих условиях: 1. С целью укрепления будущего сотрудничества партнерства с носителем ДР2, носитель ДР1 предоставит партию запчастей стоимостью 50000 долларов США с условием последующей компенсации этой суммы носителем ДР2. 2. Носитель ДР1 в договорном порядке обязуется увеличить срок гарантии на запчасти с 18 месяцев до двух лет.

ДЭС принял примирение сторон, подчеркнув, что оно достигнуто на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности. Этот пример показывает, что в международном деловом сотрудничестве преодоление таких неудачных референций, как *«другие местные компетентные органы»* возможно на основе доброй воли одной или обеих сторон (в данном случае, российской стороны). Хотя достижение ДС таким способом достойно высокой оценки, признание равного статуса соответствующих институтов либо перечисление *«местных компетентных органов»* в тексте договора выполнило бы критерии конкретной референции и наверняка исключило бы необходимость обращения к суду.

Заключительный пример, рассматриваемый в этом разделе, хорошо иллюстрирует последствия нечёткого закрепления локаций в договорах. В частности, это касается устных договорённостей, расходящихся с тем, что зафиксировано в тексте договора.

Пример 2.16. *Контекст ситуации.* Сторонами договора оспаривается интерпретация следующего положения: «如发生争议，双方应友好协商，未能协商一致的，任何一方应当向本合同签署地（四川省成都市武侯区）有管辖权的人民法院提起诉讼» ‘В случае возникновения разногласий и споров обе стороны должны принять все меры к разрешению их путем переговоров.

В случае невозможности разрешения возникших разногласий и споров путем переговоров, они должны рассматриваться в народном арбитражном суде, юрисдикция которого действует в месте подписания настоящего контракта (район Ухоу г. Чэнду п. Сычуань)’ (см. Приложение 2, от 2018 г. №309). В конце договора отмечено: «签订地点：四川省成都市武侯区»’Место заключения договора: район Ухоу г. Чэнду п. Сычуань’.

Однако фактическое место заключения договора – провинция Чжэцзян. **АВ** судебного спора возникает как противоречие между местом подписания, с одной, и фактическим местом заключения договора, с другой стороны.

Интерпретация и аргументы носителя ДР1: «Не считать спорный пункт действительным»: **А1.** Указанное место подписания – провинция Сычуань. **А2.** Фактическое место заключения договора – провинция Чжэцзян. **А3.** Указанное место подписания договора отличается от фактического. **А4.** В соответствии со статьей 2.4 толкования по ряду вопросов применения договорного права КНР, «в случае, если место оговоренного подписания договора не совпадает с местом фактического подписания или скрепления печатью, народный суд признает место подписания договора несогласованным». **Заключение:** Данный пункт договора является недействительным.

Интерпретация и аргументы носителя ДР2: «**А1.** Обе стороны признают, что фактическим местом заключения договора является провинция Чжэцзян. **А2.** Обе стороны также признают, что предложение в конце текста договора «Место заключения договора: район Ухоу г. Чэнду п. Сычуань» – отражает результат предварительной договорённости сторон, а не фактическое место заключения договора. **А3.** Ссылка носителя ДР1 на статью 2.4 толкования по ряду вопросов применения договорного права КНР неполная. **А4.** Статья 2.4 гласит: «В случае, если место оговоренного подписания договора, не совпадает с местом фактического подписания или скрепления печатью, народный суд признает место подписания договора несогласованным, если стороны не договорились об ином». **А5.** Стороны до-

говорились считать местом подсудности провинцию Сычуань. Заключение: Аргументы носителя ДР1 неверные.

Интерпретация и аргументы носителя ДЭС: «**А1.** Фактическое место заключения договора не совпадает с указанным в договоре. **А2.** В соответствии со статьей 34 ГПК КНР, обе стороны договора имеют право по письменному соглашению выбрать подсудность по месту жительства ответчика, место подписания договора и другие места, которые фактически связаны со спором, при условии, что стороны договора не нарушают положения юрисдикции уровня и исключительной юрисдикции. **А3.** В договоре однозначно утверждено обеими сторонами место подсудности. **Заключение:** Аргументы носителя ДР1 признать неверными.

Нам неизвестно, по какой причине носители ДР условились указать в договоре место подписания, не совпадающее с фактическим. Но именно это расхождение создало проблемы обеим сторонам. Отметим, что носитель ДР1, выстраивая линию аргументации, допустил неполное цитирование статьи закона, что могло склонить экспертное решение в его пользу. Однако носитель ДР2 разоблачает подвох, а ДЭС использует статью ГПК КНР как не только аргумент к ценностям, но и как *argumentum ad rem*, однозначно определяющий, на чьей стороне закон.

Выводы по второй главе:

Семантические причины ошибок аргументации в судебных спорах коренятся в конфликтных интерпретациях архивного высказывания носителями ДР. В свою очередь, расхождение интерпретаций вызвано тем, что архивное высказывание представлено омонимичной референцией. Исследованный эмпирический материал убеждает в том, что и в китайских, и в российских деловых договорах омонимичные референции могут обнаруживаться в трёх контекстах, а именно, в формулировках предмета договора, временных параметров исполнения обязательств, а также локаций (места подписания и исполнения договора, места доставки грузов и т.п.).

Как правило, омонимичные референции к предмету договора разрешаются ДЭС в пользу одного из носителей ДР. Такой исход спора характерен, в первую очередь, при наличии однозначных количественных параметров договорного предмета или его обозначения с помощью официально принятых стандартов и систем кодификации. ДР, настаивающий на точном соответствии предмета договора принятым сторонами параметрам, аргументирует в соответствии с требованиями *argumentum ad rem* и получает поддержку ДЭС.

Сложнее оказывается проблема принятия решения в пользу одного из ДР, если омонимичными оказываются референции к времени и локациям. Лишь небольшая часть таких споров завершается решением ДЭС в пользу одного из ДР. Большинство рассмотрений приходят либо к частичному удовлетворению претензий носителей ДР, либо к признанию соответствующего договора ничтожным.

Важно подчеркнуть, что омонимичные референции, стоящие за архивными высказываниями дискурса судебного спора, провоцируют ошибки аргументации носителей ДР в виде уклонения от *argumentum ad rem*. Распространены *tu quoque* («ты тоже»), переводящие фокус дискурса с условий договора на личность антагониста. В некоторых случаях носитель ДР прибегает к *argumentum ad populum*, широкому по объёму, но ограниченному по содержанию, следовательно, омонимичному аргументу. Есть случаи использова-

ния *argumentum ad verecundiam*, аргумента к авторитету (головной организации, влиятельного государственного учреждения и т.п.) в попытках воздействовать на мнение ДЭС.

Очевидно, что только устранение омонимичных референций в тексте договора в ходе его разработки предупреждает нежелательные расхождений интерпретаций его положений участниками речевого взаимодействия. Эффективным лингвистическим средством устранения омонимичности является конкретная дескрипция.

ГЛАВА 3. ОШИБКИ АРГУМЕНТАЦИИ В СУДЕБНЫХ СПОРАХ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИНГВОПРАГМАТИКИ

3.1. От семантики знака к его прагматике и от неё к теории речевых актов

Вопрос, лежащий в основе заголовка, возникает уже при беглом знакомстве с текстом делового договора. В первом приближении смыслы высказываний представляются свободными от каких-либо неясностей и двусмысленностей. Это впечатление обязано собой тому обстоятельству, что универсальная форма, равно как стандартное содержание делового договора, отработаны на английском языке в контексте англо-американской деловой дискурсивной практики. Главное требование к тексту формулируется кратко и просто: I say what I mean and I mean what I say [Searle, 1979, p. 74]. Каждое предложение представляет собой прямой речевой акт, безличные предложения почти отсутствуют, как отсутствует субъективная модальность.

Однако, анализируя ошибки аргументации в судебных спорах, стоит прислушаться к выводу Д. Каплана: «Когда различные говорящие представляют один и тот же объект по-своему, одно и то же референциальное выражение может иметь разные смыслы для говорящего и слушающего. На самом деле в этом случае смысл комбинирует два компонента значения: признаки (лингвистическое значение либо когнитивное содержание) и содержание (то, что выражается в определенном контексте)» [Kaplan, 1989, p. 482]. В предыдущей главе исследования мы неоднократно убеждались в том, что погруженность в контекст интерпретации – неизбежный фактор, обуславливающий прагматическую ориентированность вербального поведения участников судебного спора [Новое в зарубежной лингвистике, 1985]. Ещё более предметно, акцентируя коммуникативную природу судебного решения, высказывается Хэ Цзинцю: «Судебное решение является не статическим «односторонним» текстом, а представляет собой «двусторонний» дискурс между сторонами Истец и Ответчик [Хэ Цзинцю, 2016]».

В предыдущей главе исследования установлено, что семантические причины ошибок аргументации в договорных спорах коренятся, главным образом, в омонимичных референциях, которые допускаются носителями ДР на этапе формирования текста договора. Но целесообразно уточнить место семантического аспекта в целом семиозиса. Перспективным представляется подход Й.Д. Йогансена, применившего понятие пирсовой интерпретанты к характеристике эволюции знака. Так, описывая формирование прагматического аспекта знака, Й.Д. Йогансен настаивает на последовательности «*непосредственный результат интерпретации* (чисто чувственное восприятие знака)» > «*актуальный результат интерпретации* (непосредственное воздействие знака на интерпретатора)» > «*воздействие на сознание интерпретатора после достаточно глубокого развития соответствующей мысли*» > «*конечный логический результат*» > «*изменение языковой привычки, которое повлечёт за собой понимание языкового знака*» [Johansen, 1986, p. 96]. А.М. Каплуненко справедливо замечает, что два первых этапа эволюции с необходимостью опираются на семантику и синтактику знака, которые и обеспечивают первичное его восприятие [Каплуненко, 1991, с. 69]. Иначе говоря, непосредственный и актуальный результаты интерпретации связаны, соответственно, с восприятием формы и конвенционального значения знака. И только принимая во внимание особенности контекста интерпретации, адресат постигает конкретный смысл знака, включающий интенцию адресанта, соответствие его социолингвистического статуса выражаемой интенции и другие критерии, образующие в их сумме прагматический аспект знака.

Дж. Остин, заложивший основы теории речевых актов (далее ТРА), опирался на особенности высказываний, интерпретируемые Й.Д. Йогансеном как три фазы эволюции знака, формирующие его прагматический аспект. Отсюда ключевая характеристика речевого акта определена Дж. Остиным как условия его успешности [Остин, 1986].

3.2. Первое приближение к анализу РА в жанрах

«договор» и «судебное решение»

Современная теория речевых актов (далее ТРА) сформировалась в результате критики первоначального проекта Дж. Остина, опубликовавшего в 1962 г. курс лекций под общим названием «How to make things with words», Дж. Серлем в монографии «Speech Acts» [Searle, 1969]. Классификация РА выполнена с опорой на их ключевой параметр, а именно, условия успешности: «1. Репрезентативы (или ассертивы), цель которых зафиксировать ответственность говорящего за сообщение о некотором положении дел, за истинность выражаемого суждения («слова» – «реальность»). 2. Директивы. Иллокутивная направленность их состоит в том, что они представляют собой попытки со стороны говорящего добиться того, чтобы слушающий нечто совершил («реальность» – «слова», условие искренности – желание (потребность)). 3. Комиссивы. Цель данных иллокутивных актов в том, чтобы возложить на говорящего обязательство совершить некое будущее действие или следовать определённой линии поведения («реальность» – «слова», условие искренности – намерение). 4. Декларативы. Успешное осуществление речевого акта гарантирует действительное соответствие пропозиционального содержания реальности («реальность» – «слова» / «слова» – «реальность»»» [Серль, 1986, с. 181-188]. Мы не упоминаем класс экспрессивов, потому что они по понятным причинам отсутствуют как в договорах, так и в решениях ДЭС по судебным спорам. Также отсутствуют в договорах и судебных решениях прямые директивы. Тем не менее, целесообразно подчеркнуть, что, например, вердикты ДЭС, завершающие тексты судебных решений директивны по отношению к действиям носителей ДР после завершения судебного разбирательства. Даже обращение к ДЭС АИ не освобождает стороны от выполнения решения ДЭС ПИ до вынесения вердикта апелляционной инстанцией [Арутюнова, 1982; Падучева, 2010].

Далее собственный вариант ТРА Дж. Серль развивал в соавторстве с Д. Вандервекенем. Очевидно, их совместная работа «Foundations of Illocu-

tionary Logic» [Searle, 1985] заставила Дж. Серля смягчить радикальную критику идей Дж. Остина и признать значимость глаголов, прототипически выражающих определённые иллокутивные цели. Глубоко вник в суть вопроса о связи глагола с определённым типом РА Д. Вандервекен, издавший двухтомник *Meaning and Speech Acts* [Vanderveken, 1990]. Первый том *Principles of Language Use* охватывает самые общие вопросы связи причинности, мысли, значения и речевых актов в семантической структуре языка. Во втором томе *Formal Semantics of Success and Satisfaction* Д. Вандервекен на метаматематическом уровне показывает, каким образом речевые акты могут гарантировать успешное достижение иллокутивной цели. Тексты деловых договоров наиболее полно соответствуют логике, работающей по законам «новой» формальной семантики.

Выделяя чисто интенциональную сущность делового договора, можно утверждать, что это – макроречевой акт, в котором стороны берут на себя обязательства быть достойными партнёрами (отсюда неизменные ссылки ДЭС на добровольный, равноправный характер сотрудничества сторон в случае судебных споров). При этом перформативные глаголы, определяющие характер обязательств носителей ДР, открыты интерпретации ДЭС как арбитражной стороне в случае судебного спора. Например, комиссив «*Подрядчик обязан предоставить товар до 15 июня 2020 года*» даёт возможность экспертной оценки выполнения соответствующего обязательства любым ДЭС независимо от места и времени судебного разбирательства. Ключевой ассертив договора «*Предметом договора является N*», где N – описание конкретного изделия / услуги / работы и т.д., также верифицируется ДЭС безотносительно к локально-временным обстоятельствам судебного рассмотрения. Наконец, аналогичной устойчивостью интерпретации обладает заключительный декларатив судебного решения «*Признать / отклонить судебные требования истца...*». Практически все речевые акты в тексте договора характеризуются своего рода «нулевым» хронотопом интерпретации, что в перспек-

тиве создаёт систему оценки качества текста по правилам формальной семантики Д. Вандервекена.

Очевидным образом перекликаются с идеями формальной семантики выводы В.В. Дементьева о системе коммуникативных единиц и правил их организации, которая поддаётся исчислению, причем понимается как определённый код. В результате наблюдаются два основных класса единиц и правил, которые автор именуется, соответственно, прямой и непрямой коммуникацией [Дементьев, 2006]. В представлении В.В. Дементьева «прямая коммуникация осуществляется средствами коммуникативных систем семиотического типа или формализованных систем, т.е. организуется “аттракторами”, поэтому для её описания достаточно информационно-кодовой модели информации» [Там же. С. 5]. Именно здесь оказывается «точка встречи» формальной семантики Д.Вандервекена с выводами В.В. Дементьева.

Мы вернёмся к оценке перспектив формальной семантики – уже в анализе судебных споров – в п. 3.3. Сейчас целесообразно обратить внимание на пропозициональные условия прямых речевых актов договора; в первую очередь, на значимость перформативных глаголов и предикатов.

3.2.1. Общая характеристика глаголов и предикатов, обеспечивающих пропозициональные условия РА в договоре

Анализируя тексты договоров, необходимо отметить, что, согласно с отмеченной выше интенциональностью, в них количественно преобладают комиссивные глаголы и предикаты (114 ЛЕ), на втором месте декларативные глаголы и предикаты (72 ЛЕ), на последнем месте стоят ассертивные глаголы и предикаты (23 ЛЕ), директивные и эмотивные глаголы и предикаты отсутствуют. Представляется, что для целей дальнейшего анализа достаточно общей лингвистической характеристики целевых единиц.

Ю.С. Маслов, рассматривая глагол как словарную единицу, даёт следующее определение: «часть речи, выражающая грамматическое значение действия» [Маслов. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les>]. При этом

лингвист отмечает, что глагол является специфически предикативным словом, которое противопоставляется имени существительному. С этой точки зрения в речевом жанре ДОГОВОР выполняют основную роль при классификации речевых актов такие словарные единицы, как 1) собственно глаголы, так и 2) вербоиды. Важно отметить, что большая часть глаголов представлена **собственно глаголами**, т.е. обозначающими «действие не отвлечённо, а во время его возникновения от действующего лица» [Потебня, 1977]. Например, *готовятся, допускается, имеются, осуществляется, подписывают, считается, явилось* и т.д. Вербоиды представлены не только модальными словами, инфинитивами (например, *не будет иметь права требовать, должна обеспечивать, должна уведомить, должна удостоверяться* и т.д.), но имеют форму причастий и деепричастий [Ван Хайцзяо, 2022в]. Последнее не является задачей нашей работы, поэтому рассматриваться в рамках данного исследования не будет.

В речевом жанре ДОГОВОР собственно глаголы и вербоиды могут быть классифицированы и по семантической базе, т. е. по виду глагола. Ю. С. Маслов считает, что «совершенный вид глагола (далее – СВ) сигнализирует достижение предела и, в силу этого, представляет действие в его неделимой целостности, а несовершенный вид (далее – НСВ) нейтрален к признаку достижения предела и к признаку целостности; во многих случаях он указывает на действие, лишь в перспективе направленное к пределу или вообще не предусматривающее предела (у непредельных глаголов)» [Маслов. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les>]. Рассматривая речевой жанр ДОГОВОР можно отметить, что нами были выявлены: 1) собственно глаголы – 134 лексических единицы (далее – ЛЕ), т.е. 64 % от общего количества ЛЕ; НСВ – 98 ЛЕ, т. е. 46,8 %, СВ – 36 ЛЕ, т.е. 17,2 %; 2) вербоиды НСВ – 75 ЛЕ, т. е. 36%, из них НСВ – 17 ЛЕ, т.е. 8 %, СВ – 58 ЛЕ, т.е. 28 %.

В речевом жанре ДОГОВОР большая часть глаголов – это собственно глаголы НСВ (46,8 %), т. е. указывающие на действие, в перспективе направленное к пределу. Следовательно, глаголы как словарные единицы языка в

тексте договора обозначают действие не отвлечённо, а во время его возникновения и только направлены на его предел. При этом меньшую долю в процентном соотношении составляют собственно глаголы СВ, сигнализирующие о достижении предела.

Важно отметить, что собственно глаголы могут классифицироваться как ассертивы (*имеются, явилось, доводится*), декларативы (*признаёт, указывается, фиксируется*) и комиссивы (*готовятся, нумеруются, согласовать* и т.д.), табл. 3.1. Вербойды также присутствуют в текстах договорах, но как ассертивы они отсутствуют, могут быть классифицированы как комиссивы (например, *обязуется предоставлять, обязуется приобретать, обязуется оказывать* и т.д.) или декларативы (*должна быть подписана, должны быть оформлены, должны быть подкреплены* и т.д.).

Таблица 3.1

**Классификация словарных единиц в общем корпусе
проанализированных глаголов в речевом жанре ДОГОВОР**

Категория глагола	Ассертивы, ЛЕ		Комиссивы, ЛЕ		Декларативы, ЛЕ	
	НСВ	СВ	НСВ	СВ	НСВ	СВ
Собственно глаголы	23	0	40	11	35	25
Вербойды	0	0	16	47	1	11
Итого	23	0	56	58	36	36
		23		114		72
Всего						209

Исходя из данных табл. 3.1, можно сделать вывод, что при классификации глаголов большую часть во вторичном речевом жанре ДОГОВОР составляют комиссивы – 114 ЛЕ, в процентном соотношении в общем корпусе проанализированных составляет 55 %, на втором месте декларативы – 72 ЛЕ (34 %) при этом общее количество ЛЕ, которые входят в группу ассертивов – 23 ЛЕ, т.е. 11 %.

По мнению Ю.С. Маслова, «по признаку семантически обусловленной способности открывать вакансии для актантов все глаголы делятся на ряд валентностных классов: одновалентные (спит), двухвалентные (читает), трёхвалентные (даёт)» [Маслов. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/>]. Во вторичном речевом жанре ДОГОВОР представлены двухвалентные (*имеются + кем?*; *подписывают + что?* и т.д.) и трёхвалентные глаголы (*явилось + чем? + кому?/ чему?*. *готовятся + к кому?/чему? + кем?*, *обязан + кому?/чему? + чем?* и т.д.).

Глаголы, открывающие вакансии для актантов, а также во вторичном речевом жанре ДОГОВОР глаголы, находящиеся в предикативном отношении, например, *несёт ответственность*, *убытки несёт виновная сторона*, *заявляет и гарантирует другой Стороне*, *спор передается на рассмотрение в Арбитражный суд* и т. д., выступают не как отдельные словарные единицы, а единицы речи.

Вслед за Н. Д. Арутюновой понимаем под предикатом «конститутивный член суждения о субъекте, указывающий на признак предмета, его состояние и отношение к другим предметам» [Арутюнова. Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/412c.html>]. В договоре широко представлены различные предикаты, которые имеют такую основную черту речевого акта, как конвенциональность: *заказчик обязан оплатить неустойку*. При этом не просто «традиционность его употребление каким-либо коллективом (социумом)» [Словарь лингвистических терминов, 2010. https://lingvistics_dictionary.academic.ru], а использование данного предиката неоднократно, в том числе и в тексте одного и того же договора. Предикаты в рамках прямого речевого акта во вторичном речевом жанре ДОГОВОР представлены ассертивами, декларативами и комиссивами (табл. 3.2).

**Классификация речевых единиц в общем корпусе
проанализированных предикатов в текстах договоров**

Единица речи	Ассертивы		Комиссивы		Декларативы	
	НСВ	СВ	НСВ	СВ	НСВ	СВ
Предикаты	32	2	91	32	52	8
Итого		34		123		60
Всего						217

Исходя из данных табл. 3.2, можно сделать вывод, что при классификации предикатов, большую часть составляют комиссивы НСВ – 91 предикат (41,9 %), на втором месте декларативы НСВ – 52 предиката (24 %), затем ассертивы НСВ и комиссивы СВ по 32 предиката (по 14,8 %), на четвёртом месте декларативы СВ – 8 предикатов (3,6 %) и на последнем месте – ассертивы СВ – 2 предиката (0,9 %). Следовательно, сравнивая количество глаголов и предикатов, можно сделать вывод, что на первое место в речевом жанре выходят единицы речи – 217 предикатов, а на втором глаголы – 209 ЛЕ. Как и у предикатов, так и у глаголов на первое место выходят комиссивы, на втором декларативы и на последнем ассертивы. Таким образом, во вторичном речевом жанре ДОГОВОР в рамках договорных споров имеют огромное значение предикаты и глаголы, возлагающие на говорящего обязательство совершить некое будущее действие или следовать определённой линии поведения («реальность» – «слова», соблюдая условие искренности – намерение), т.е. комиссивы. Важно отметить, что превалируют именно комиссивы НСВ, т.е. нейтральные к признаку достижения предела и к признаку целостности.

3.3. Краткий обзор релевантных исследований прагматического аспекта референции

Начиная с примеров, рассмотренных в главе 1, нельзя не заметить, что прагматические аспекты деловой коммуникации функционируют во всех регламентирующих её жанрах. Так, они очевидны в законодательных положениях, **обязывающих** стороны взаимодействовать в установленном порядке (ср. примеры 1.1 – 1.3), равно как в договорных пунктах, **устанавливающих порядок** взаимодействия в конкретных ситуациях (примеры 1.4 – 1.6). Немалую роль в возникновении и ходе судебных споров играет **личный опыт** деловой активности носителей ДР. На основании опыта предыдущей деятельности в аналогичном контексте ситуации, один из носителей ДР **обвиняет** другого в нарушении установленной юридической практики (ср. примеры 1.17, 1.19), а контраргументы ответчика **переводят фокус ответственности** на третье лицо (пример 1.18). Наконец, наряду с тем, что носители ДР проявляют различия в юридической компетенции (пример 1.21), носители ДЭС АИ **соглашаются / не соглашаются** не только с аргументами носителей ДР, но также с решениями ДЭС ПИ. Выделяя ключевые предикаты высказываний, мы намеренно воспользовались здесь манерой Л. Витгенштейна, описывающего суть языковых игр в «Философских исследованиях» [Витгенштейн, 1994, с. 90]. Как представляется это описание – одно из наиболее ярких манифестаций языковой прагматики.

Исходя из особенностей эмпирического материала нашего исследования, начнём с характеристики достижений Л. Линского, одним из первых обратившего внимание на прагматические истоки референции. Соотнесение акта референции с говорящим субъектом однозначно выражено в следующем его утверждении: «Референция характеризует употребление языка говорящим, а не является свойством самих выражений» [Дюко, 1982, с. 268]. Л. Линским выдвинуто понятие референции говорящего, опорой которого является его (говорящего) интенция, намерение [Там же]. Но если намерение говорящего определяет характер его референта, результатом коммуникативно-

го взаимодействия далеко не всегда будет ДС. В предыдущей главе исследования приведено немало примеров, за контекстом ситуации которых стоят неоднозначные деловые отношения носителей ДР. Из того, что стороны договора активно участвуют в обсуждении (и уточнении) положений, следуют их попеременные речевые действия в качестве говорящего. Разумеется, их интенции разнятся уже потому, что каждый, несмотря на стандартное заявление о «добровольном и равноправном сотрудничестве», стремится к оптимизации выгоды его стороны. Носители ДР могут достичь уровня ДС в ситуации заключения договора, но обнаружить разногласия в ходе его выполнения, когда либо один, либо оба участника приходят к выводу, что результаты сотрудничества не соответствуют их планам. Выясняется, что, либо референция к предмету договора омонимична (ср. примеры 2.5 – 2.8), либо аналогичные ошибки допущены в референциях к времени или локациям (ср. примеры 2.9 – 2.12; 2.13 – 2.16).

Окончательно закреплён статус референции говорящего в работе Дж. Сёрля, в которой речевой акт и референция рассматриваются в неразрывной связи, начиная с названия статьи [Сёрль, 1982]. Стержнем теории Дж. Сёрля является принцип идентификации. По последнему, конкретная референция говорящего возможна в трёх случаях: 1) высказывание содержит предикаты, истинные для слушающего, 2) высказывание содержит презентацию только одного объекта, 3) высказывание соединяет дейктики и дескрипции, достаточные для идентификации только одного объекта. Автор постулирует очень важное различие между успешной, с одной, и полностью завершённой референцией, с другой стороны. Успешная референция – несколько обманчивый термин. Так может определяться наименование, интерпретируемое адресатом *только по его форме* как имя предмета, находящегося в коммуникативном фокусе участников. Показательные примеры 2.4 и 2.13, в которых экспертная референция воспринимается не входящим в ДЭС адресатом как наименование фокусного предмета исключительно с позиции контекста интерпретации адресанта. При этом прямой речевой акт отнюдь не гарантирует взаимопо-

нимание. Адресат требует использовать лингвистическое средство, способное дать полностью завершённую референцию, однозначную для всех участников коммуникации. Очевидно, что акт референции в этом случае носит чисто прагматический характер, так как происходит настройка знака под восприятие адресата.

Идеи Дж. Сёрля критикуются, его положения уточняются в современных исследованиях. В частности, Д. Борсема солидаризуется с положениями референции говорящего, но критически оценивает кластерную теорию имени собственного [Boersema, 2009]. Критику также поддерживает Р. Мадзия [Madzia, 2011]. Кратко: критики не согласны с тем, что ИС является сокращением не одной дескрипции (известная точка зрения Б. Рассела), а, по утверждению Дж. Сёрля, кластера дескрипций. Но, в таком случае, мы вынуждены утверждать, что, например, имя «Владимир» восходит к одной и той же дескрипции в любое время культуры, будь то Владимир-креститель Руси, Владимир Мономах, Владимир Ленин или Владимир Путин. Безусловно, Дж. Сёрль правомерно полагает, что в аналогичных случаях адекватная дескрипция выбирается говорящим сообразно причинно-историческому подходу из кластера дескрипций. С этой позицией согласен известный исследователь прагматических аспектов референции Ц. Элгин [Elgin, 1984].

Продолжим комментарием вклада в разработку проблемы Д. Вандервекеном. К тому, что уже сказано о нём выше (см. п. 3.2) добавим, что двухтомный труд Д. Вандервекена выполнен в русле метаматематической идеологии [Vanderveken, 1990]. Исследователь предлагает объединить разработанную им иллюкутивную логику, суммирующую идеи теории речевых актов, с интенциональной логикой, основанной на полвека раньше Р. Карнапом [Carnap, 1947] и А. Чёрчем [Church, 1951, 1959] и развитой в трудах Р. Монтегю [Монтегю, 1981] и Д. Каплана [Kaplan, 1989] под эгидой семантики. Наши рассуждения об ошибках референции, изложенные в предыдущих разделах работы, идеологически близки принципам интенциональной логики и, таким образом, попадают в новую область науки, замысленную

Д. Вандервекеном. Однако природа референции как знака говорящего содержит немало особенностей, раскрытие которых в контексте новой области, как представляется, требует отдельного фундаментального исследования. Несмотря на нашу высокую оценку проекта Д. Вандервекена, мы предпочитаем придерживаться в настоящей диссертации традиционного разграничения подходов и инструментов семантики, с одной, и прагматики, с другой стороны.

В частности, принцип идентификации, конкретизированный Дж. Сёрлем в понятиях успешной и полностью завершённой референции (см. выше), позволяет внести важное уточнение в дискурсивную динамику отношений между носителями ДР и ДЭС в ходе судебного разбирательства. На этапе составления договора носители ДР добиваются успешной референции, и этот успех выражен в тексте договора как представителе ДС. Но поскольку успешная референция знаменует промежуточный этап речевого взаимодействия, возникают ситуации, требующие уточнения референта. Соответственно, дальнейшее взаимодействие происходит с участием ДЭС как посредника, указывающего на неполноту – и даже противоречие – знаковой ситуации в условиях успешной референции. Лишь экспертное решение ДЭС даёт полностью завершённую референцию. Как показывают практически все примеры, проанализированные в главе 2, решение ДЭС не просто «восстанавливает справедливость», но с необходимостью меняет, в терминах ТРА, положение дел в мире, или, в конечном счёте, характер дальнейшего взаимодействия носителей ДР. Последние могут либо сотрудничать в рамках нового ДС после корректировки текста договора, либо вернуться к ДР в случае прекращения договорных отношений.

3.4. Принцип Кооперации в исследовании прагматических аспектов юридического дискурса

Одна из основных причин разночтений прямых речевых актов с глаголами, обеспечивающими адекватные пропозициональные условия, устанавли-

ливается при обращении к положениям Принципа Кооперации (ПК), сформулированного П. Грайсом [Грайс, 1985]. Известно, что ПК реализуется вследствие соблюдения четырёх максим общения: количества, качества, отношения и манеры, каждая из которых выражается декларативом-требованием к соответствующим параметрам *речи адресанта*. Отсюда, в частности, понятно наше внимание к референции говорящего.

Ценный опыт применения ПК в анализе юридического дискурса представлен в масштабном проекте факультета права университета Индианы, результаты которого обобщены в статье с говорящим названием: «Язык права: роль прагматики в интерпретации законодательных актов» [Sinclair, 1985]. Законодательные акты принадлежат иному жанру, отличному от рассматриваемых в нашей работе, хотя деловые договоры к ним весьма близки. Судебные решения также показывают определённую жанровую близость к законодательным актам, особенно в резолютивной части аргументации ДЭС. Неслучайно одна из разработок проекта посвящена особенностям составления апелляционных судебных решений [Llewellyn, 1960].

М. Синклер подробно описывает порядок применения максим Грайса в ходе анализа прагматического компонента законодательных актов. Характерны его уточнения формулировок отдельных максим. Так, в супермаксиме количества акцентируется её вторая максима **«не говори слишком много»**. М. Синклер предупреждает: «[В этом случае] адресат может заподозрить, что, если ему слишком много сказано, в этом кроется какой-то смысл. В формулировке законодательных высказываний это следует учитывать в первую очередь» [Sinclair, 1985, p. 378]. Две максимы качества уточнены автором следующим образом: 1) нельзя внедрять законодательное положение, если кто-то может доказать, что оно не обеспечивает продвижение к конечной цели закона, 2) нельзя внедрять положение, если нет достаточных свидетельств его способности продвинуть закон к его конечной цели [Ibid. P. 397].

В целом признавая относительную лёгкость соблюдения максим количества и релевантности в формировании законодательных высказываний, М.

Синклер отмечает, что требования максимум качества и манеры выполнять гораздо труднее. Правда, по поводу манеры автор делает существенную оговорку. Супермаксима манеры – «Выражай мысли ясно» – имеет три максимы: 1) избегай неясных выражений, 2) избегай двусмысленности, неоднозначности, 3) избегай многословия [Ibid. P. 379]. Как полагает М. Синклер, «несоблюдение любой из этих максимум может вызвать раздражение адресата, вынужденного выяснять, уточнять смысл высказывания, но не приведёт к нарушению Принципа Кооперации, если остальные максимумы соблюдаются» [Ibid. P. 379-380].

Оценивая в терминах ПК прагматику судебных споров, отметим, что в них преобладают нарушения максимум количества и качества. Особое внимание также необходимо уделить нарушениям максимы релевантности (см. п. 3.4.3) Заметим, что нарушение максимы количества, которую М. Синклер считает «благополучной» в контексте законодательных высказываний, показывает, что прагматика текстов в жанре «законодательное положение», с одной, и в поджанре «судебный спор», с другой стороны, обнаруживает существенные различия. Что касается максимы манеры, реконструкция судебного спора на основе судебного решения не позволяет выявить соответствующие особенности; а priori согласимся с утверждением М. Синклера о том, что её несоблюдение не влечёт за собой нарушений Принципа Кооперации.

3.4.1. Нарушение максимы количества как причина ошибок аргументации

Формулировка супермаксимы количества П. Грайсом весьма проста: «Сообщай столько информации, сколько необходимо для понимания и взаимодействия» [Грайс, 1985, с. 233]. Из двух максимум количества обычно нарушается первая, предупреждающая против недостатка информации. Рассмотрим несколько судебных споров, в ходе которых обнаруживаются ошибки аргументации носителей ДР, спровоцированные нарушением этой максимы.

Пример 3.1. Контекст ситуации. Носитель ДР1, дистрибьютор листового металла на оптовом рынке в Пекине, заключил торговую сделку с носителем ДР2. Вскоре ДР2 оказался должником по оплате поставок. Обе стороны подтвердили, что долг составляет 33000 юаней. ДР1 констатирует, что после неоднократных истребований ДР2 оплатил 16000 юаней; таким образом, непогашенный долг остаётся в размере 17000 юаней.

ДР1 подал иск в Народный суд района Фэнтай Пекина с требованием к ДР2 выплатить 17000 юаней, предоставив 3 документа: 1) долговую расписку носителя ДР2 следующего содержания: «欠条，人民币板材款叁万叁千元整。闫某某，08.8.28». ‘Долговая расписка, 33000 юаней к оплате. (подпись). 08.8.28’, 2) подтверждение частичной оплаты: «2008年9月28日还12000.00元；如有争议在昌平法院诉讼；2009.5.13还欠款4000元，张某某». ‘28 сентября 2008-го года оплатил деньги в размере 12000 юаней; если возникнет спор, то будет рассматриваться в районном суде Чанпин’ и 3) подтверждение последней оплаты, в котором обнаруживается архивное высказывание будущего спора: «2009.5.13还欠款4000元，张某某» ‘13-го мая 2009-го года также “还” ‘hái’ / ‘huán’ 4000 юаней (подпись)’ [URL: <http://www.chinacourt.org/html/article/200912/03/383904.shtml>].

У носителей ДР нет разногласий в оценке объёма продаж ДР1 и начальной суммы долга ДР2. Однако у них расходящиеся интерпретации иероглифа “还”, характеризующего ‘задолженность в 4000 юаней’ в последнем документе: «huán» ‘хуань’ или «hái» ‘хай’. Носитель ДР1 настаивает, что “还” значит ‘хуань = возвращение’, т. е. частичное погашение задолженности в размере 4000 юаней, в то время как носитель ДР2 считает, что “还” значит ‘хай = остаётся’, т. е. ему остаётся выплатить только 4000 юаней для полного погашения долга [URL: <http://www.chinacourt.org/html/article/200912/03/383904.shtml> 2009].

Прагматические мотивы авторов расходящихся интерпретаций понятны, объяснений не требуют. Однако им наверняка были известны расхожде-

ния между единством знака письменной коммуникации “还” и его вариативностью в устной коммуникации, закреплённой в различии произношения. Нарушение максимы количества в этой коммуникативной ситуации очевидно: одного письменного знака “还” в коммуникативно неполном высказывании явно недостаточно, необходима дополнительная, уточняющая информация. Мы уже отмечали ранее, что подготовка текста договоров, равно как и текущих документов, фиксирующих деловые отношения сторон, нередко протекает в условиях ограниченного времени, вынуждающего адресанта стремиться к максимальной краткости. Неудивительно, что нарушения максимы количества – пожалуй, самая распространённая ошибка прагматического характера, препятствующая соблюдению Принципа Кооперации.

Носителем ДЭС установлено, что, исходя из сложившейся практики, после погашения кредита заемщик требует либо возврата или уничтожения долговой расписки, либо выдачи документа, подтверждающего погашение долгового обязательства. В данном же случае носитель ДР2 не предоставил документов, свидетельствующих о погашении задолженности в размере 17000 юаней в полном объеме, что противоречит общепринятым нормам. Вердикт ДЭС весьма краток и однозначен (приводим заключительные аргументы): **A11.** *В соответствии со ст. 05 Положения Верховного народного суда о доказательствах в гражданском судопроизводстве, в случае возникновения споров и разногласий, связанных с исполнением условий заключенного договора, Сторона, ответственная за исполнение оспариваемых обязательств, предоставляет соответствующие подтверждающие документы.* **A12.** *В виду того, что ДР2, обязанность которого вернуть долг в размере 17000 юаней, не может предоставить доказательства, подтверждающие оплату данной суммы, доводы ДР2 недопустимы. Заключение: удовлетворить иски требования ДР1 в полном объёме.*

Характер ошибки аргументации в данном случае напоминает пример 2.6, иллюстрирующий омонимичную референцию дейктика «该» ‘гай это’ в

определении предмета договора. Напомним, что маленькое служебное слово породило большую проблему, потребовавшую двух разбирательств ДЭС, которые, в свою очередь, вынесли противоположные решения. Можно переопределить характер «большой проблемы» как нарушение максимы количества ПК: недостаток информации в ключевом пункте договора ввёл в заблуждение не только его авторов-носителей ДР, но также носителей ДЭС ПИ и ДЭС АИ.

Аналогичное нарушение максимы количества наблюдаем в следующем примере.

Пример 3.2. Контекст ситуации. Автор подписал с издательством договор на публикацию и договор купли-продажи учебника «Объяснения классических китайских служебных слов». Розничная цена учебника 12 юаней. Затем автор передал 1360 книг в среднюю школу, подтвердившую получение распиской: “今收到刘某送书《文言虚词解释》1360册，每册定价12元，总价值16320元整，再次表示感谢” «Получено 1360 экземпляров учебника «Объяснения классических китайских служебных слов», которые автор **送** ‘сун’ (привез / подарил); розничная цена составляет 12 юаней, общая стоимость 16320 юаней. Ещё раз выражаем сердечную благодарность». Однако автор (ДР1) запросил оплату книг. В ответ руководство школы (ДР2) заявило, что книга была передана безвозмездно. Возник спор, который пришлось разрешать в суде [URL: <http://china.findlaw.cn/hetongfa/hetongjiufen/htzp/34514.html>].

Ясно, что, как и в предыдущем случае, судебный спор инспирирован расходящимися интерпретациями АВ; здесь – «送» ‘сун’. Лексема «送» ‘сун’ имеет несколько лексико-семантических вариантов: а) ‘Перевезти / перенести / доставить (вещи из одного места в другое)’; б) ‘Отдать, подарить’; в) ‘Сопровождать (кого-нибудь в определенное место)’, например: 我送你去车站» ‘Я провожу тебя на станцию’. АВ «送» ‘сун’ в предложении 今收到刘某送书 ‘получили книгу от Ли сегодня’ может интерпретироваться в лекси-

ко-семантическом варианте ‘подарить’, из чего следует, что школа освобождается от платы за книги. Однако с равной вероятностью возможна интерпретация на основе лексико-семантического варианта ‘переносить / перевозить’. Прагматическая неопределённость ситуации усиливается на фоне чрезмерно краткого содержания записи в квитанции. С одной стороны, указание цены – и розничной, и совокупной – стимулирует носителя ДР1 считать его аргументом в пользу судебного иска. С другой стороны, высказывание 再次表示感谢 ‘Ещё раз выражаем сердечную благодарность’ говорит, скорее, в пользу ДР2: очевидно, в первом – устном либо письменном – предложении ДР1 送 ‘передать / доставить’ книги вопрос оплаты не ставился. Таким образом, налицо нарушение максимы количества.

Носитель ДЭС начинает процесс экспертной аргументации с апелляции к ценностям – правовым положениям, регулирующим социально-этические нормы дарения и продажи: **A1.** *Договор дарения – это договор, по которому даритель безвозмездно передает свое имущество одаряемому, а одаряемый выражает свое согласие с дарением.* **A2.** *Учебник «文言虚词解释» ‘Объяснения классических китайских служебных слов’ имеет право на публикацию и продажу, защищённое законодательно.*

Правомерно, что A1 и A2 утверждают своего рода правовые полярности, определяющие прагматические рамки деятельности ДР1 и ДР2 в создавшейся ситуации. Поскольку интерпретации носителей ДР тяготеют к противоположностям, ДЭС переходит к утверждению оснований, способных разрешить судебный спор:

A3. *В процессе разбирательства носитель ДР1 не предоставил доказательства, подтверждающие отношения купли-продажи учебника.* **A4.** *При передаче учебников носитель ДР1 принял документ («文言虚词解释»图书赠送收据) ‘расписка в получении подарочных книг’ от носителя ДР2.* **A5.** *Расписка доказывает, что право собственности книг уже не принадлежало*

носителю ДР1. **Заключение:** В удовлетворении исковых требований ДР1 отказать.

Мы не обнаружили в тексте судебного решения семантических либо прагматических признаков апелляции ДЭС к ценности «социальная справедливость». Тем не менее, есть основания полагать, что носитель ДЭС опирался на эту ценность «по умолчанию». Учитывая традиционное уважение к институтам образования в Китае, безвозмездная помощь школе определяется как акт, сообразный с ценностью «социальная справедливость». Таким образом, исправление ошибки носителей ДР, допустивших обоюдное нарушение максимы количества в речевом взаимодействии, потребовало от ДЭС как эксплицитных аргументов, так и инференций в пользу справедливого решения.

Пример 3.3. Контекст ситуации. Два контрагента представлены частным университетом (ДР1) в черте города и колледжем образования для взрослых в государственном университете, находящемся за городом (ДР2). Согласно контракту, ДР2 делегирует своих преподавателей на проведение занятий в учреждении ДР1. Договорной пункт о зарплате гласит:

1. 包伙食费, 住宿费, 甲方付给乙方授课教师每人每天贰佰元工资。

(Оплачиваются расходы на проживание, питание и зарплата преподавателям из расчета 200 юаней на человека в сутки).

При окончательном расчёте ДР1 заплатил ДР2 75000 юаней, в то время как ДР2 считает, что итоговая сумма должна составлять 100000 юаней. Архивное высказывание спора – 包 ‘Бао’, открывающее вышеприведённый пункт договора. Интерпретация и аргументы ДР1: «ДР1 соблюдает положение договора о зарплате»: **A1.** В соответствии с договором, сумма 200 юаней в день включает затраты на питание и проживание. **A2.** 50 юаней в день правомерно вычтены из суммы 200 юаней в счёт затрат ДР1 на питание и проживание преподавателей ДР2. **A3.** Чистая повседневная зарплата преподавателя составляет 150 юаней. **Заключение.** Общая сумма оплаты за услуги ДР2 составляет 75000 юаней.

Примечательно, что интерпретация и аргументы ДР2 по форме зеркально отражают приведённые суждения ДР1; единственное отличие в отрицании доводов ДР1: «ДР1 не соблюдает положение договора о зарплате»: **А1.** *В соответствии с договором, сумма 200 юаней определяет только повседневную зарплату каждого преподавателя.* **А2.** *Производя вычет суммы 50 юаней, ДР1 нарушает условие договора.* **А3.** *Чистая повседневная зарплата преподавателя должна составлять 200 юаней.* **Заключение.** *Общая сумма к оплате за услуги ДР2 должна составлять 100000 юаней.* [Ю Цинсюе, 1998, с. 48].

Обоим носителям ДР нечего добавить к их весьма кратким и односложным аргументам. Тупиковая ситуация сложилась по причине полярных расхождений сторон в интерпретации АВ «包 Бао», лексемы, объединяющей два лексико-семантических варианта, интенциональность которых почти противоположна: 1) *включать все обязательства кого-либо*, 2) *принимать полную ответственность за что-либо*. По понятным причинам, первый ЛСВ «包» ‘Бао’ принимается за основу интерпретации АВ носителем ДР1, считающим правомерным вычет 50 юаней в день за предоставление услуг по проживанию и питанию. Второй ЛСВ «包» ‘Бао’ в интересах ДР2, полагающего, что «полная ответственность» за преподавателей включает расходы ДР1 на их проживание и питание, но не затрагивает сумму 200 юаней в день, причитающуюся каждому преподавателю.

Очевидно, что в судебном споре носители ДР интерпретируют ситуацию – каждый в собственных интересах – исходя из неоднозначного смысла АВ. Невозможно сказать, умышленно или по невнимательности допущена эта неоднозначность. В любом случае, у ДЭС нет весомых аргументов в пользу одного из ДР.

Аргументация ДЭС с необходимостью опирается на более подробное изложение сути спора и его правового исхода: **А1.** *Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора.* **А2.** *Слово «包 Бао» в этом положении*

договора обладает двумя значениями: 1) включать все обязательства кого-либо, 2) принимать полную ответственность за что-либо **A3**. Интерпретация на основе каждого из этих значений приемлема и справедлива. **A4**. В связи с этим установлено, что оба ДР несут равную ответственность. **A5**. Разделяя общую спорную сумму за проживание и питание, ответственность ДР1 и ДР2 оценивается в размере 12500 юаней с каждого.

Примечательно, что первые пять аргументов ДЭС апеллируют к чисто бытийной логике, продиктованной ситуацией равной ответственности. Заключительные экспертные аргументы соединяют эту логику с правовыми требованиями:

A6. В соответствии со ст. 120 договорного права КНР сторона обязана нести соразмерную ответственность за нарушение договора. **A7**. В соответствии со ст. 592 ГК КНР сторона обязана нести ответственность за нарушение договора. **A8**. Если нарушение договора одной стороной приводит к убыткам другой стороны, которая также виновата в возникновении убытков, сумма компенсации за убытки может быть соразмерно уменьшена. **Заключение:** ДР1 и ДР2 уплачивают свои расходы по госпошлине; носитель ДР2 обязан одновременно выплатить носителю ДР1 сумму в размере 87500 юаней.

Нетрудно видеть, что нарушение максимы количества сродни допущению омонимичных референций, если сравнивать такие ошибки по способу их исправления. Дополнительное условие об интерпретации АВ «包» ‘Бао’, включённое в договор, избавило бы носителей ДР от необходимости судебного спора.

3.4.2. Особенности нарушения максимы качества в судебных спорах

По П. Грайсу, категория качества определяется супермаксимой «Стремись к тому, чтобы твоё сообщение было истинным» и двумя максимами: 1) «Не говори того, что считаешь ложным, 2) Не говори того, относительно чего у тебя нет достаточных сведений» [Grice, 1971; 1975; Грайс, 1985].

М. Синклер интерпретирует обе максимы применительно к законодательному творчеству: 1) «Нельзя включать отдельное положение в закон, если кто-то сможет доказать, что оно не способствует реализации конечной цели закона» [Sinclair, 1985, p. 397], 2) «Нельзя включать отдельное положение в закон, если нет достаточных свидетельств его [положения] способности продвинуть закон к его конечной цели» [Ibid. P. 398]. При кажущейся содержательной близости, (если не тавтологичности) максим, первая из них апеллирует к субъективному, а вторая к объективному фактору соответствующей коммуникативной ситуации. Очевидно, что для нашего исследования релевантна первая максима: ведь на фоне окончательного решения ДЭС мы анализируем ошибки аргументации носителей ДР с лингвотеоретических позиций, которые выбираем сообразно с собственным уровнем исследовательских компетенций.

Пример 3.4. Контекст ситуации. Заключён договор об изготовлении мебели по чертежам заказчика (ДР1) из материала «美国红橡» ‘американский северный красный дуб; АВ будущего судебного спора’ (см. Приложение 4, от 2019 г. №01-3879). На всех подписанных заказчиком чертежах имеется соответствующая маркировка материала. Подрядчик (ДР2) гарантирует подлинность материала. В случае нарушения гарантии обязуется вернуть полученные денежные средства.

В ходе приёмки продукции возникли споры о качестве материала, вынудившие носителей ДР обратиться к ДЭС.

Интерпретация и аргументы ДР1: «ДР2 нарушил условия договора»: **А1.** *Две стороны добровольно заключили договор.* **А2.** *Согласно договору, ДР2 гарантирует подлинность красного дуба.* **А3.** *Во время приемки были обнаружены дефекты досок, такие как наличие плесени, трещин, отверстий и следов насекомых, доказывающие, что материал не соответствует договору.* **А4.** *Документально подтверждается, что мебель изготовлена в маленьком цехе третьей стороны, а не на собственном заводе носителя ДР2.* **А5.** *По договору, носитель ДР2 обещает нести полную ответственность за*

использование неподлинного материала. **Заключение:** Качество красного дуба не соответствует требованиям договора, носитель ДР2 должен нести ответственность.

В ходе судебного разбирательства носитель ДР2 настаивает на противоположной интерпретации, поддержанной соответствующими аргументами: «ДР2 выполнил все условия договора»: **А1.** Был заключен договор на основе добровольности и справедливости. **А2.** Особенности материала, обнаруженные в ходе приемки, не являются дефектами. **А3.** По оценкам экспертов, отверстия не являются червоточинами. **А4.** Отверстия и неровности цвета - естественные характеристики красного дуба. **А5.** В договоре есть условие об использовании досок сорта А при сохранении целостности и плоской поверхности только одной стороны доски. **А6.** Что касается завода изготовления, в соответствующем пункте договора имеется в виду именно завод третьей стороны. **А7.** В договоре нет указания на то, что у ДР2 есть собственный завод. **Заключение:** Материал и завод производства соответствуют предмету и условиям договора.

Обратим внимание на аргументы А3 и А4. Ссылаясь на мнение экспертов об особенных признаках красного дуба, носитель ДР2 не предъявляет и не цитирует соответствующих документов. Аналогично уклоняется ДР2 от цитирования пункта, определяющего завод-изготовитель мебели (см. А6). Наконец, в А7 сделано утверждение, граничащее с нарушением максимы релевантности: это оправдание действий ДР2 за пределами условий договора. В целом же, по совокупности А3 – А6, выдвинутых ДР2, налицо нарушение максимы качества.

В результате проведенной проверки носитель ДЭС вынес судебное решение, суммирующее следующую аргументацию: **А1.** Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора. **А2.** Утверждено, что данный договор и чертежи изделия отражают истинные намерения обеих сторон. **А3.** Содержание намерений сторон не нарушает положения законодательства и административных правил.

Как и в большинстве судебных решений, 3 первых аргумента ДЭС утверждают законный характер деловых отношений носителей ДР. Далее экспертный анализ сосредоточен на сущности АВ:

А4. Договор гласит: «материал изготовления: доска сорта А» из «*美国红橡 A 级*» ‘американского северного красного дуба сорта А’. **А5.** Американский красный дуб – порода деревьев в Северной Америке, древесина которых оценивается как первый, второй, третий сорта. **А6.** Без профессиональных знаний сорта не распознаются визуально. **А7.** Носитель ДР2 не может предоставить паспорта и сертификаты, свидетельствующие о сорте использованного дуба. **А8.** Носитель ДР2 признал, что производство выполнено в цехе третьей стороны.

ДЭС последовательно уличает ДР2 в предоставлении неверной информации, равно как и в неспособности предъявить документальные подтверждения выдвинутых ДР2 интерпретации АВ и поддерживающих её аргументов. Завершается вердикт ДЭС правовой оценкой действий ДР2 в ходе судебного спора:

А9. Согласно ст. 6 Правил наказания за действия, ущемляющие права и интересы потребителей, предоставляемая потребителям информация о товарах или услугах должна быть истинной, всеобъемлющей и точной, не допускающей ложных или вводящих в заблуждение пропагандистских приёмов. **А10.** В соответствии со ст. 68 ГК КНР, действия стороны, намеренно сообщаемой другой стороне ложную информацию или скрывающей истинную информацию с целью побудить другую сторону к совершению поступков в интересах первой стороны, может рассматриваться как мошенническое действие. **А11.** В соответствии со ст. 107 договорного права КНР, сторона должна продолжить выполнение обязательств, принять меры по исправлению либо компенсировать убытки при условиях невыполнения или не надлежащего выполнения обязательств договора. **Заключение:** Аргументы носителя ДР1 признать верными, а его требования подлежащими удовлетворению в полном объёме.

Напомним о назначении заключительного А11. Последний обязывает ДР2 продолжать договорные отношения с ДР1, какими бы убытками для первого они не обернулись (ср. п. 2.9, А.8; 2.10, А.8).

Пример 3.5. Носители ДР заключили договор о передаче уникальной технологии на сумму 200000 юаней. Стороны договорились о том, что ДР2 покупает у ДР1 уникальную методику по улучшению зрения молодежи. Аванс составляет 30000 юаней и должен быть оплачен после подписания договора, остальные 170000 юаней должны быть перечислены в течение года после вступления договора в силу. Пункты 3.4 и 3.6 договора гласят: «该方法具有有效帮助青少年降度，帮助青少年摘除眼镜的效果» ‘Данная методика является эффективной коррекцией близорукости у молодежи, помогает пациентам избавиться от ношения очков’. «如因技术秘密产品失败，乙方有权解除合同，甲方应退还使用费和退出乙方项目，并赔偿乙方损失» ‘В случае неэффективности методики ДР2 имеет право расторгнуть договор; в таком случае ДР1 должен вернуть все полученные от ДР2 денежные средства и компенсировать накладные расходы’ (см. Приложение 4, от 2021 г. №02-19).

При использовании технологии только у нескольких детей наблюдалось улучшение зрения. По мнению ДР2, достигнутые показатели не соответствуют договоренностям, в связи с чем последовал отказ от дальнейшей оплаты. В свою очередь, ДР1 утверждает, что эффективность индивидуальна, улучшение зрения нескольких детей уже является хорошим показателем, и отказ ДР2 от оплаты нарушает условия договора.

Судом установлено, что лицо, передающее уникальную технологию, должно обеспечить ее эффективность. В качестве предмета договора технология должна быть испытанной, применимой на практике, проверенной достаточным количеством исследований и иметь возможность коммерциализации. В данной ситуации уникальная технология ДР1 не подтверждена научными исследованиями, и утверждение «该方法具有有效帮助青少年降度，帮助青少年摘除眼镜的效果» ‘Данная методика обеспечивает эффективную

коррекцию близорукости у молодежи, помогает пациентам избавиться от ношения очков' безосновательно. Заключенный между двумя сторонами договор признается Судом недействительным.

Пример 3.6. ДР1 заключил с ДР2 договор о предварительной продаже квартиры, включающий следующую формулировку: «出卖人承诺向买受人赠送精装修» (при покупке квартиры агентство недвижимости обязана («обещает» при дословном переводе с китайского языка) подарить покупателю дизайнерский ремонт) (см. Приложение 4, от 2022 г. №0902-1055).

В ноябре 2020 года во время приемки квартиры обнаружилось, что часть ремонта испорчена многократными утечками воды, вызванными несоблюдением технологии при выполнении ремонтных работ. Также, по мнению ДР1, выполнен обычный косметический ремонт, не отвечающий требованиям к дизайнерскому ремонту. В связи с этим ДР1 обратился в суд с иском о несоблюдении ДР2 условий заключенного договора и требованием компенсации ущерба в размере 110 000 юаней.

В свою очередь ДР2 не согласен с мнением Истца и настаивает на отсутствии нарушений со своей стороны, приводя аргументы, сводимые к двум основным утверждениям. Во-первых, дизайнерский ремонт является подарочным. Во-вторых, дефекты ремонта, на которые указывал ДР1, полностью исправлены. Наконец, в-третьих, ремонт выполнен в соответствии с проектом дизайнерской компании, специализирующейся на ремонте квартир в этом микрорайоне.

Судом установлено: ремонт квартиры в тексте договора именовался как «подарочный», что, в свою очередь, явилось для ДР1 одним из оснований для заключения договора о предварительной продаже. В рамках обязательства все расходы по устранению дефектов ремонта должен нести ДР2. Работа по устранению дефектов была выполнена с опозданием, что задержало заселение ДР1 в новую квартиру. Следовательно, ДР2 обязан компенсировать ДР1 ущерб в размере 27000 юаней. Что касается претензий ДР1 к несоответствию выполненного ремонта условиям дизайнерского ремонта, конкретные пара-

метры последнего в договоре не определены. Суд отказывает ДР1 в удовлетворении претензий к «дизайнерскому» ремонту.

3.4.3. Нарушения максимы релевантности: *argumentum ad litteram vs. argumentum ad rem*

В заключительном разделе главы 3 рассмотрим несколько примеров ошибок аргументации, которые уместно определить как *argumentum ad litteram*, т. е. аргументы к **букве** закона/ нормы /положения / правила / инструкции / рекомендации. С отступлением от принятых в теории правил именования аргументов с помощью латыни, также возможно определение «бюрократический аргумент». Прагматический характер ошибок следует отнести к нарушениям максимы релевантности, а именно, предоставление информации (аргументов, в нашем случае), которая не может быть определена как *argumentum ad rem*. По аналогии с уточнениями, внесёнными М. Синклером в формулировки максим, применяемых в условиях лингвистического обеспечения законотворчества, предлагаем следующий вариант максимы релевантности в судебных спорах: «*Не нарушай argumentum ad rem*» [Sinclair, 1985.]. Необходимые пояснения сделаем в ходе анализа нижеследующего типичного примера.

Пример 3.7. Контекст ситуации. ДР1 и ДР2 заключили договор о капитальном ремонте фасада здания. После выполнения договора носитель ДР1 обратился в арбитражный суд с исковым заявлением. Архивным высказыванием, явившимся основанием судебного спора, стало следующее договорное положение: *Подрядчик гарантирует соответствие результатов выполненных работ требованиям проектной документации, условиям контракта, техническому заданию..., техническим и строительным нормам и правилам, в соответствии с приложением № 2 к контракту и несёт ответственность за отступление от их условий и требований в течение гарантийного срока...* (см. Приложение 2, Постановление пятого арбитражного апелляционного суда от 24 августа 2022 г. по делу № А51-

5287/2022). Соответственно, претензии ДР1 организованы вокруг следующей интерпретации **АВ**: «Носитель ДР2 нарушил условия договора в части выполнения работ с соблюдением требований пожарной безопасности»: **А1**. Две стороны заключили договор по капитальному ремонту. **А2**. Согласно пункту 3.4 договора носитель ДР2 обязался выполнить работы в соответствии с требованиями СНиП, ГОСТ, ПОТ РМ, Правил производства и приемки работ, норм и правил, утвержденных действующим законодательством для работ, предусмотренных договором. **А3**. Пунктами 6.1-6.4 предусматривается выполнение договорных работ в соответствии с техническим заданием..., а также требованиями нормативно-технических документов, обязательных при выполнении таких работ, техническими и строительными нормами и правилами СНиП, СанПИН. **А4**. Носитель ДР2 гарантирует соответствие результатов выполненных работ требованиям проектной документации, условиям договора, техническому заданию..., техническим и строительным нормами и правилами, в соответствии с приложением № 2 к контракту и несёт ответственность за отступление от их условий и требований в течение гарантийного срока – 5 лет с даты приемки объекта в эксплуатацию.

А5. При проведении плановой проверки от 24.03.2021 Главным управлением МЧС выявлены нарушения обязательных требований пожарной безопасности, а именно: **А6**. На навесную фасадную систему, смонтированную на наружных стенах здания, отсутствует документация, подтверждающая класс пожарной опасности. **А7**. Нет документального подтверждения о безопасности и распространении горения фасадной системы. **Заключение**: Носитель ДР2 не выполнил условия контракта в полном объеме.

Контраргументация носителя ДР2 строится на основе антонимичной интерпретации: «Носитель ДР2 выполнил условия контракта в полном объеме»: **А1**. Двумя сторонами был заключен договор по капитальному ремонту. **А2**. Согласно пункту 4.4 для проверки качества работ заказчик проводит экспертизу. **А3**. Результаты такой экспертизы были оформлены в виде за-

ключения. **A4.** Заключение подписано носителем ДР1. **A5.** В соответствии с пунктом 9 технического задания, объект должен быть передан в эксплуатацию в состоянии, пригодном для эксплуатации. **A6.** Сдача работ подрядчиком и приемка заказчиком произведена после предоставления подрядчиком протокола испытаний и оформлена актом сдачи-приемки работ, подписанным сторонами. **A7.** На все материалы предоставлены сертификат соответствия и сертификат пожарной безопасности; в противном случае работы были бы не приняты, а акты выполненных работ не подписаны. **A8.** Согласно протоколу испытаний №ПИ-001/01-2020, плита теплоизоляционная из базальтового волокна БАЗАЛИТ марки Базалит Л-50, выпускаемая по техническим условиям ТУ 5769-020-00287220, подвергалась испытанию. **A9.** По результатам установлено, что испытываемые образцы плиты относятся к негорючим материалам. **Заключение:** Носитель ДР2 выполнил условия спорного контракта в полном объеме.

Прокомментируем содержание аргументов носителей ДР до рассмотрения их оценки ДЭС. Начнём с констатации идентичности аргументов А1: протагонист и антагонист согласны с тем, что действуют в рамках договора. Однако, начиная со следующих аргументов, выявляются расхождения стратегического характера. Носитель ДР1 акцентирует обязательства носителя ДР2 по выполнению нормативно-технических требований и правил, указывает на соответствующие нормативные документы, но не выдвигает конкретную референцию, указывающую на объект – «нарушитель» этих требований и правил (ср. А2, А3, А4). Таким образом, данные аргументы классифицируются как примеры *argumentum ad litteram*. Избранная носителем ДР1 стратегия продолжена в аргументах А5, А6, А7, в которых подчёркиваются претензии контролирующей организации к отсутствию некоторых документов, но не к качеству конкретного объекта в рамках выполненных работ.

В противовес бюрократическим аргументам ДР1 носитель ДР2 избирает стратегию *argumentum ad rem*, аргументацию к сути дела. Так, А2, А3, А4 указывают на экспертизу качества спорного объекта, положительные резуль-

таты которой подтверждены подписью представителя ДР1. А5, А6, А7, на первый взгляд, склоняются к *argumentum ad litteram*, но при повторном приближении оказываются *ad rem*: ведь в них подчёркнуты активное участие носителя ДР1 в процессе сдачи-приёмки спорного объекта и наличие обязательных документов, гарантирующих качество последнего. Наконец, А8, А9 обеспечивают пропозициональные условия заключительных аргументов к сути дела указанием на результаты испытания спорного объекта, доказавшие беспочвенность претензий к его качеству.

Характерно, что контраргументация носителя ДР2 принимается носителем ДЭС с дополнительной детализацией сути дела, повлекшей за собой апелляции к иным релевантным правовым источникам: **А1.** *Носители ДР1 и ДР2 признают факт заключения договора. А2.* *Во исполнение условий договора носитель ДР2 выполнил предусмотренные работы, а носитель ДР1 принял их. А3.* *Отсутствие претензий носителя ДР1 подтверждается подписанным без оговорок и замечаний актом выполненных работ от 25.11.2019 №1 и справкой о стоимости выполненных работ и затрат от 25.11.2019 №1. А4.* *Во исполнение условий контракта выполненные работы оплачены носителем ДР1 в полном объеме. А5.* *По результатам переписки сторон в ответ на претензию носитель ДР2 письмом от №27 указал, что работы по контракту выполнялись согласно техническому заданию, а именно: А6.* *Согласно пунктам 51 и 53, фасадная система выполнена из фасадной панели из оцинкованной стали с покрытием полиэстер и профиля направляющего ПН-4-75/40/06, что соответствует информации, указанной в акте выполненных работ №1. А7.* *На данные материалы носителем ДР2 были предоставлены сертификат соответствия и сертификат пожарной безопасности. А8.* *Из пункта 2.6 следует, что оплата за фактически выполненные строительно-монтажные работы производится заказчиком после предоставления соответствующих сертификатов соответствия и других документов, удостоверяющих качество материалов, комплектующих изделий. А9.* *Как подтверждается предоставленным носителю ДЭС сертифи-*

катом соответствия, при выполнении капитального ремонта фасада здания носителем ДР2 применялся материал, соответствующий предусмотренным в договоре нормам и правилам.

Заключительные аргументы носителя ДЭС выполнены сообразно с его правом апелляции к высшим ценностям «ответственность» и «прозрачность» в современной практике договорных отношений.

Рассмотренный судебный спор – хрестоматийный пример превосходства *argumentum ad rem* над *argumentum ad litteram*, если носитель ДЭС не ограничивается формальным анализом предоставленных документов, а углубляется в детали их соответствия реальному положению дел. Заметим, что в нашем материале немало случаев, когда апелляционный арбитражный суд возвращает дело на повторное рассмотрение судом первой инстанции именно по причине недооценки последним ключевой роли такого соответствия для подготовки справедливого решения.

Пример 3.8. *Контекст ситуации.* Между ДР1 и ДР2 заключен договор об организации услуг по инженерно-технологическому и техническому сопровождению ремонтных работ на объектах ДР1. В ходе осмотра кабины автомобиля, принадлежащего носителю ДР2, у водителя обнаружена и изъята 1 бутылка из полимерного материала объемом 1.5 литра, заполненная прозрачной спиртосодержащей жидкостью крепостью 70 градусов, что зафиксировано в Акте. ДР1 считает, что ДР2 нарушил договор и Стандарт и обязан нести ответственность в виде штрафа. Носитель ДР2 не согласился с этим мнением и обратился в арбитражный суд (см. Приложение 2, претензия ООО «ИНК-текущий и капитальный ремонт скважин» от 19 января 2022 г. №0019-ТКРС).

Аргументы ДР1: **А1.** *Двумя сторонами подписаны Договор и Стандарт СТ.04.10. «Требования Заказчика в области производственной, экологической безопасности и охраны здоровья» (далее Стандарт).* **А2.** *Действие п.1.1.2. Стандарта распространяется на все договоры, заключенные между заказчиком и подрядчиком, исполнение которых подразумевает нахождение персонала подрядчика на территории заказчика, является их неотъемлемой*

частью и действует до окончания срока действия этих договоров, а также в период мобилизации и демобилизации подрядчика.

Третий аргумент ДР1 представляет собой цитату из договора, которая вербализует юридическую пресуппозицию АВ: **А3.** *Согласно п. 10.8 Стандарта, в случаях выявления фактов употребления, нахождения персонала ДР2 на Территории ДР1 в состоянии алкогольного, наркотического, токсического либо иных видов опьянения, а равно и при обнаружении фактов проноса (провоза), в том числе попыток такого проноса (провоза) этилового спирта, пищевой или непищевой продукции с содержанием этилового спирта более 1.5 процента объема готовой продукции, наркотических средств и психотропных веществ, оружия и иных предметов, ограниченных в обороте на территории РФ, на Территорию ДР1 и в ее пределах, ДР2 на основании соответствующего письменного требования ДР1 уплачивает штраф за каждого сотрудника, выявленного в состоянии алкогольного, наркотического либо иных видов опьянения, а также за каждый выявленный случай употребления, проноса (провоза), в том числе попыток такого проноса (провоза).*

АВ судебного спора развёрнуто в следующих двух аргументах ДР1: **А4.** *Обнаружена и изъята 1 бутылка из полимерного материала объемом 1.5 литра, заполненная прозрачной спиртосодержащей жидкостью, крепостью 70 градусов, что зафиксировано в Акте. А5.* *Подтверждено, что жидкость в 1.5 литровой бутылке из-под питьевой воды является этиловым спиртом 70 градусов.*

Заключительные А6 и А7 работают на «упреждение», по сути являясь контраргументами против доводов ДР2 в свою защиту: **А6.** *Доводы носителя ДР2 о том, что данная жидкость является дезинфицирующим средством «Дезомакс-Антисепт» не убедительны, поскольку спорная жидкость была размещена в 1.5 литровой бутылке из-под питьевой воды, а не в заводской упаковке «Дезомакс-Антисепт». А7.* *Средство «Дезомакс-Антисепт» состоит из изопропилового спирта, а не из этилового спирта, который был в*

бутылке. **Заключение:** Согласно п. 10.6 Стандарта, носитель ДР2 несет ответственность за нарушение требований Стандарта в виде штрафа в размере 300000 рублей.

Антонимичная интерпретация носителя ДР2 поддерживается следующими аргументами: **А1.** Представитель от носителя ДР2 предоставил пояснения, что указанная жидкость предназначалась для использования в качестве антисептика для обработки поверхностей внутри автотранспортного средства, что полностью соответствует мерам по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, предпринимаемым Отделом по транспортной безопасности ДР1. **А2.** Претензия ДР1 не является обоснованной. **А3.** ДР2 с целью обеспечения мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции обеспечил всех своих сотрудников антисептиком марки «Дезомакс-Антисепт», который представляет собой готовый к применению прозрачный бесцветный раствор со слабым запахом изопропилового спирта. **А4.** Указанное средство антисептика содержит спирт изопропиловый 65 % и алкилдиметилбензиламмоний хлорид 0,25 % в качестве действующих веществ.

Следующий аргумент ДР2 – типичный *argumentum ad litteram*, попытка опровергнуть А5, выдвинутый ДР1: **А5.** Носителем ДР1 не указан вид спирта, метод определения, отсутствует какая-либо информация о применяемом для проверки спиртометре (марка, номер, паспорт). Настаивая на собственной линии аргументации, ДР2 продолжает, апеллируя к здравому смыслу и по-прежнему игнорируя утверждение ДР1 о составе обнаруженного спирта: **А6.** Содержащийся в антисептике изопропиловый спирт нельзя употреблять внутрь. **А7.** Антисептик не является алкогольной продукцией. Заключительный аргумент ДР2 – ещё один *argumentum ad litteram*, попытка усилить контраргументацию ссылкой на отсутствие регулятивного договорного положения: **А8.** Касаясь самой емкости, в которой находился антисептик, необходимо отметить, что в нормативных документах Объекта

нет запрета на провоз технических жидкостей в иной таре. Заключение: Доводы носителя ДР1 не обоснованы.

В ходе разбирательства носитель ДР2 решил отозвать иск и заплатил носителю ДР1 штраф в размере 300000 рублей. По заявлению ДР2, решение было принято из тех соображений, что судиться с заказчиком по выгодному для подрядчика контракту неразумно. Однако нельзя исключить вероятность того, что «домашний анализ» собственной аргументации ДР2 убедил последнего в её слабостях. Попытка уйти от ответа на А5 ДР1 за счёт *argumentum ad litteram*, равно как аналогичный риторический манёвр по поводу ёмкости, в которой обнаружен спирт, не сулят ДР2 выигрышной позиции в случае продолжения судебного спора.

В заключение нельзя не отметить, что порой *argumentum ad litteram* становится причиной возражений ДЭС АИ против решений ДЭС ПИ. Так, в примере **2.6** несогласие апелляционного суда с решением суда первой инстанции вызвано тем, что ДЭС ПИ использует стандартную, «бюрократически закреплённую» схему рассуждений на основе устоявшейся деловой практики, в то время как предмет судебного спора требует *argumentum ad rem*, анализа сути не совсем обычного дела. В примере **2.11** решение ДЭС АИ указывает на аналогичный подход ДЭС ПИ к судебному спору, в котором первостепенную роль играет учёт «стандартных условий договора». Типичный *argumentum ad litteram* использован ДЭС ПИ в примере **2.12**, где ссылки на статьи 362 и 160 ГК РФ имеют очень слабое отношение к сути дела. Вывод по итогам анализа этих, равно как аналогичных им, примеров однозначен: возражения и сомнения участников судебных споров снимаются тогда, когда экспертное сообщество руководствуется *argumentum ad rem*, аргументами к сути дела.

Выводы по третьей главе:

Важное прагматическое уточнение теории референции заключается в признании принципа идентификации или референции с точки зрения говорящего. Принцип идентификации утверждает диалектику успешной и полностью завершённой референции. Успешную референцию, достигнутую на этапе подготовки текста договора носителями ДР, заменяет полностью завершённая референция, сформулированная благодаря экспертному вмешательству ДЭС.

Прагматические ошибки аргументации в судебных спорах проявляются как нарушения Принципа Кооперации. Установлены нарушения супермаксим количества (максимы, предупреждающей против недостатка информации), качества (максимы «не говори того, что считаешь ложным») и максимы релевантности. Ошибки в результате нарушения максимы количества по их последствиям для исхода судебного спора близки ошибкам, возникающим в результате разночтения омонимичных референций. Нарушая максимум качества, носители ДР обычно пытаются подменить параметры предмета договора. Разоблачению возникающих ошибок аргументации иногда препятствует отсутствие лексикографического описания предмета.

Максима релевантности нарушается в результате подмены *argumentum ad rem* «бюрократическим» аргументом, *argumentum ad litteram*. Вместо рассмотрения означаемого архивного высказывания по существу ДР-нарушитель, пытается навязать обсуждение документов, часто имеющих весьма отдалённое отношение к сути дела. Власть *Argumentum ad litteram* иногда уступает даже ДЭС.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прагма-семантические причины судебного делового спора возникают ещё на этапе составления договора. Субъективные обстоятельства этого важного этапа сотрудничества – стремление к скорейшему началу действия договора и трудность оценки возможных изменений будущих обстоятельств – приводят к тому, что в тексте допускаются положения, которые могут в дальнейшем привести к разногласиям сторон или к расходящимся интерпретациям. Если попытки сторон договора решить проблему путём переговоров заканчиваются неудачей, следует их обращение в арбитражный суд.

С точки зрения лингвистики дискурса дальнейшую практику целесообразно охарактеризовать как взаимодействие носителей дискурса различий (ДР) с дискурсом экспертного сообщества (ДЭС), обязанность которого – принять решение, урегулирующее судебный спор благодаря объективной сравнительной оценке силы аргументов сторон, а также их сообразности их позиций с релевантными юридическими ценностями (положениями АК и ГК).

Привлечение к целевому анализу эмпирических данных русского и китайского языков преследовало цель продемонстрировать универсальный характер современной судебной аргументации, не зависящей от особенностей разных языков и культур. Начиная с жанровой специфики договора и судебного решения и завершая прагматическими приёмами аргументации, в исследованном материале не обнаружены лингвистические черты, которые выдавали бы специфику, позволяющую утверждать, что участники дискурсивного взаимодействия в судах КНР «аргументируют не так», как их коллеги в РФ и наоборот. В этом мало удивительного, если помнить, что глобальный дискурс делового сотрудничества, равно как и судебного разбирательства деловых споров, сложился под влиянием английского языка и англо-американской деловой культуры.

Реконструкция дискурса судебного спора стала возможной благодаря адекватным, репрезентативным жанровым признакам договора и судебного решения. В результате получен аргументативный дискурс, в котором взаимо-

действуют ДР1, ДР2 и ДЭС. Роль дискурсообразующего центра выполняет архивное высказывание, т.е. положение договора или часть положения, трактуя которые носители ДР выдвигают расходящиеся, конфликтные интерпретации.

Если аргументы ДР или – значительно реже – ДЭС не восходят к смыслу архивного высказывания, неизбежна ошибка аргументации как уклонение от *argumentum ad rem*, аргументации к делу, к сущности вопроса. Обычно такое уклонение имеет форму классических ошибок аргументации: *argumentum ad hominem* (обычно как *tu quoque*, «ты тоже») (нарушаешь договор), *argumentum ad verecundiam* (апелляция к авторитету в надежде укрыться за репутацией головной – особенно государственной – организации), *argumentum ad litteram* («бюрократический аргумент», апеллирующий к документам, но не к сущности дела). Необходимо признать, что проведённое исследование не может дать ответ на вопрос, допускаются ли такие ошибки случайно вследствие недостаточной риторической компетентности ДР или умышленно в надежде ДР на аналогичную слабость ДЭС.

Анализ показал, что целесообразно рассматривать основной корпус ошибок аргументации с точки зрения нарушений либо семантического, либо прагматического характера. Ошибки первого класса представлены аргументами к архивным высказываниям с омонимичной референцией. Выделяются 3 разновидности таких высказываний: омонимичные референции 1) к предмету договора, 2) к времени (подписания договора; поставки договорной продукции и т.п.), 3) к локации (месту подписания договора; месту доставки продукции и т.п.).

На каком-то этапе делового взаимодействия омонимичность архивных высказываний приводит к их конфликтной интерпретации носителями ДР. Анализ последующих судебных споров убеждает в том, что омонимичные референции могли бы быть устранены на стадии проработки положений договора в результате использования в составе архивного высказывания дескрипции, несущей конкретную референцию. Это – чисто лингвистическая

тонкость подготовки текста, обязывающего носителей ДР к эффективному деловому сотрудничеству.

В ходе судебных споров носители ДР настаивают каждый на своей интерпретации омонимичного архивного высказывания. Характерно, что оценивая омонимичность архивного высказывания, ДЭС нередко принимает либо решение о частичном удовлетворении исковых требований, либо объявляет договор ничтожным. Последнее решение типично для ДЭС как в РФ, так и в КНР, если нарушаются положения о времени или месте подписания / выполнения договора.

Наконец, нельзя не отметить, что в деле выбора конкретной референции иногда возникают конфликтные ситуации, свидетельствующие о стремлении одного из ДР к власти над другим. Так, формулируя положение о предмете договора, представители жилищных управляющих компаний используют профессиональные термины и кодификацию изделий / услуг, препятствующие пониманию сути того, какова их ответственность перед жильцами. И есть примеры удачных коррекций профессионализмов по инициативе активистов, которые принимаются ДЭС в случаях рассмотрения соответствующих предложений в арбитражных или гражданских судах.

В анализе причин прагматических ошибок аргументации немаловажен учёт поправок теории референции, достигнутый разработчиками теории речевых актов. В частности, необходимо принимать во внимание референцию говорящего и вытекающий из неё принцип идентификации. Открывая диалектику успешной и полностью завершённой референции, этот принцип позволяет уточнить роли ДР и ДЭС в ходе обсуждения омонимичных референций в деловом договоре.

Прагматические ошибки аргументации представлены нарушениями Принципа Кооперации. В проанализированном корпусе обнаружены нарушения супермаксим количества, качества и релевантности. В первой из трёх супермаксим нарушается максима, предупреждающая против недостатка информации. Чисто в плане содержания такие ошибки сродни ошибкам, обу-

словленным омонимичными референциями; неслучайно проблемы референции активно обсуждаются специалистами по лингвопрагматике, в частности, с точки зрения теории речевых актов.

Нарушения супермаксимы качества обусловлены несоблюдением максимы «не говори того, что считаешь ложным». На нарушения максимы обычно решаются носители ДР, пытающиеся оправдать отклонение предмета (поставки, услуги и т.п.) от договорных параметров. Стимулировать такие уловки может отсутствие принятых лингвистических (точнее, лексикографических) определений соответствующего означаемого.

Сообразно с идеологией нашего исследования максимуму релевантности целесообразно сформулировать как «*Ne нарушай argumentum ad rem*». Нарушения максимы определены в нашем исследовании как *argumentum ad litteram*. Попытки ДР нарастить «аргументативный капитал» за счёт представления в ДЭС не всегда релевантных документов, характеризующих самые общие правила делового сотрудничества, понятны, особенно, если ДР чувствует слабость собственной интерпретации архивного высказывания. Но нельзя не подчеркнуть, что подменой рассмотрения дела по его существу анализом бумажного, бюрократического набора, представленного носителями ДР, иногда грешат ДЭС.

В завершение – о перспективах исследования. Реконструкция дискурса судебного спора на базе текстов договора и соответствующего судебного решения позволила провести *первичную* научную разработку проблемы. Очевидно, что привлечение к исследованию стенограмм судебных заседаний позволит уточнить структуру аргументации носителей ДР. В частности, в некоторых судебных решениях усматриваются следы прагма-диалектического подхода, позволяющего и ДР, и ДЭС допускать частичные изменения аргументативной стратегии. Также перспективно изучение речевого поведения участников судебных споров с точки зрения естественно рассудочной аргументации. Очевидно, что обе перспективы потребуют использования иных эмпирических материалов и научных подходов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Закон КНР «О договорах» : принят на 2 сессии ВСНП 9-го созыва 15 марта 1999 г. ст. 2 [Электронный ресурс]. – Пекин, 1999. – URL: http://www.npc.gov.cn/wxzl/wxzl/2000-12/06/content_4732.htm (дата обращения: 12.02.2022).
2. Общие принципы гражданского права КНР : принят на 5 сессии ВСНП 12-го созыва 15 марта 2017 г.; ст. 85. Общие принципы гражданского права КНР: [Электронный ресурс]. – Пекин, 2017. – URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c12435/201703/7944f166a8194d788c63cc6610aebb4a.shtml> (дата обращения: 23.04.2021).
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
4. Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции / Н.Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Радуга, 1982. – С. 5-40.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
6. Баранов А.Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01; 10.02.19 / А.Н. Баранов. – М., 1990. – 48 с.
7. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. / М.М. Бахтин. – М. : Русские словари, 1997. – Т. 5. Работы 1940 – начала 1960-х гг. – 731 с.
8. Богинская О.А. Теория дискурсивного взаимодействия в условиях асимметрии знания и власти: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19 / О.А. Богинская. – Майкоп, 2020. – 383 с.
9. Бокмельдер Д.А. Обоснование разумных решений. Теория и практика аргументации / Д.А. Бокмельдер. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publising, 2014. – 304 с.
10. Борботько В.Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. – 4-е изд-е. – М. : Либроком, 2011. – 288 с.

11. Бурмакина Н.Г. Академический дискурс: Институциональность, стиль, жанры / Н.Г. Бурмакина, Л.В. Куликова. – М.: URSS, 2019. – 200 с.
12. Ван Фэнли Контрактное мошенничество и предотвращение / Ван Фэнли. – Пекин : Юридическое изд-во, 2000. – 615 с. (на кит. языке) 王凤丽. 合同的漏洞欺诈与防范. – 北京: 法律出版社. 2000. 615 页.
13. Ван Хайцзяо Договорные споры, вызванные лингвистическими причинами (на материале договоров на русском языке) / Ван Хайцзяо, Ван Цин // Современный учёный. – 2022а. – Вып. 3. – С. 130-134.
14. Ван Хайцзяо Основные лингвистические параметры договоров на русском языке / Ван Хайцзяо // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. – 2022б. – Вып. 2. – С. 214-220.
15. Ван Хайцзяо Характеристика прямой коммуникации через призму теории речевых актов во вторичном жанре «договор» / Ван Хайцзяо, Ван Цин // Мир науки, культуры, образования. – 2022в. – №2 (93). – С. 370-372.
16. Вежбицкая А. Прототипы и инварианты / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – С. 201-231.
17. Винник С.В. Судебное решение как тип текста: на материале английского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С.В. Винник. – М., 2009. – 166 с.
18. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
19. Войшвилло Е.К. Логика: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Е.К. Войшвилло, М.Г. Дегтярев. – М. : Изд-во Владос-пресс, 2001. – 528 с.
20. Голоднов А.В. Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом медиадискурсе. – дис.док.наук. 10.02.04, СПб, 2011. – 402.
21. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 217-236.

22. Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация / Т.А. ван Дейк; пер. с англ.; под ред. В. И. Герасимова – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.
23. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В.В. Дементьев. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.
24. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
25. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры / В.В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 37-55.
26. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 376 с.
27. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типологии речевых жанров / В.В. Дементьев // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 34–44.
28. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания / В.З. Демьянков // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40, № 4. – С. 368-377.
29. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2007. – № 5. – С. 86-95.
30. Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса в СМИ методами контрастивной политологической лингвистики / В.З. Демьянков // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. – С. 77-120.
31. Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. Литературы и языка. – 1982. – Т. 41, № 4. – С. 327-337.
32. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1. – С. 35-47.

33. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и. английского языков) / Т.В. Дубровская. – М.: Изд-во Академия МНЭПУ, 2010. – 351 с.

34. Дун Минь Анализ стилистической структуры судебного решения первой инстанции / Дун Минь // Иностранные языки и методика преподавания. – 2007. – № 9. – С. 21-25. (на кит. языке) 董敏. 一篇中国民事一审判决书的修辞结构分析. 外语与外语教学. 2007 (9). 21-25 页.

35. Дэй Сян Проблема о судебной защите от договорных споров о гражданской военной интеграции / Дэй Сян // Исследование юридических вопросов. – 2020. – С. 99-100. (на кит. языке) 戴翔. 军民融合发展合同纠纷法律救济问题. 法律问题研究. 2020: 99-100 页.

36. Дюко О. Неопределённые выражения и высказывания / О. Дюко // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции) / общ. ред. Н.Д. Арутюновой. – М. : Радуга, 1982. – С. 263-291.

37. Ивин А.А. Теория аргументации: учеб. пособие / А.А. Ивин. – М. : Гадарика, 2000. – 416 с.

38. Калиш Е.Е. Теоретические проблемы реконструкции дискурса в целях перевода: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Е. Калиш. – Иркутск, 2013. – 194 с.

39. Каплуненко А.М. Federal / Federalism: от концепта к понятию и термину / А.М. Каплуненко // Вестник ИГЛУ. – 2012. – №2 (18). – С. 16-21.

40. Каплуненко А.М. Историко-функциональный аспект английской идиоматики / А.М. Каплуненко. – Ташкент: ГПИИм. Низами, 1991. – 126 с.

41. Каплуненко А.М. Аргументация vs манипуляция : место здравого смысла в диалектике двух стратегий критической дискуссии / А.М. Каплуненко // Аргументация vs манипуляция : сб. науч. ст. – Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2009. – С. 3-18.

42. Каплуненко А.М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках / А.М. Каплуненко // Аргументация

vs манипуляция: Вестник ИГЛУ. Сер. Коммуникативистика и коммуникология / отв. ред. проф. А. М. Каплуненко. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2007. – № 5. – С. 3-12.

43. Карабан В.И. Пропаганда в свете теории речевых актов / В.И. Карабан // Социальная лингвистика и общественная практика. – Киев : Вища школа, 1988. – 146 с.

44. Карасик В.И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурсы. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 15-19.

45. Карасик В.И. Теория коммуникации / В.И. Карасик. – М. : Рефл-бук, 2001. – 656 с.

46. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

47. Карпека Д.А. Глагол и грамматические категории предикатов в современном китайском языке / Д.А. Карпека. – СПб. : Восточный экспресс, 2017. – 384 с.

48. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А.А. Кибрик. – М., 2003. – 90 с.

49. Кибрик А.А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А.А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – №2. – С. 3-21.

50. Китайгородская М.В. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М.: Ин-т рус. яз РАН, 1999. –346 с.

51. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М.Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 350 с.

52. Крапивкина О.А. Жанровое пространство юридического дискурса / О.А. Крапивкина // Вестник ИрГТУ. – 2014. – №1(84). – С. 218-225.

53. Крапивкина О.А. О диалектическом механизме развития дискурсивных практик в правовом поле / О.А. Крапивкина // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2017. – №423. – С. 34-40.

54. Кронгауз М. А. Семантика / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2005. – 352 с.
55. Куайн У.О. Референция и модальность / У.О. Куайн // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). – М. : Радуга, 1982. – С. 87-108.
56. Лю Цзосян Теория о юридической культуре. / Лю Цзосян. – Пекин : Коммерческая пресса, 1999. – 114 с. (на кит. языке) 刘作翔. 法律文化理论. 北京: 商务出版社. 1999. 114 页.
57. Лю Юнчжан О специфике языка в судебных решениях / Лю Юнчжан // Государство и право. – 1986. – №3. – С. 68-71. (на кит. языке) 刘永章. 谈裁判文书的语言. 政法论坛. 1986 (3). 68-71 页.
58. Люй Шусян. Восемьсот слов современного китайского языка / Люй Шусян. – Пекин : Коммерческое издательство, 1980. – 760 с. (на кит. языке) 吕叔湘. 现代汉语八百词. – 北京: 商务印书馆. 1980 年. 760 页.
59. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.
60. Малиновский Б. Научная теория культуры / Б. Малиновский; пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. – 2-е изд., испр. – М. : ОГИ, 2005. – 184 с.
61. Малиновский Б. Функциональный анализ / Б. Малиновский // Антология исследований культуры. – Т. I. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 728 с.
62. Монтегю Р. Прагматика и интенциональная логика / Р. Монтегю // Семантика модальных и интенциональных логик / Пер. с англ. под ред. В.А. Смирнова. – М.: Прогресс, 1981. – С. 223-253.
63. Морозов В.В. Теория игр и исследование операций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://teach-in.ru/file/synopsis/pdf/game-theory-M1.pdf> (дата обращения: 15.03.2022).

64. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика / сост. и вст. ст. Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой; общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – 504 с.

65. Остин Дж.Л. Слово как действие / Дж.Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – Вып. XVII. – М., 1986. – С. 22-129.

66. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью: Референциальные аспекты высказываний местоимений / Е.В. Падучева; отв. ред. В.А. Успенский. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 296 с.

67. Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения / Е.В. Падучева // Сер. Литературы и языка. – №4 (43). – 1984. – С. 291-303.

68. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

69. Палашевская И.В. Жанровая организация юридического дискурса: социолингвистический подход / И.В. Палашевская // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. – 2012. – Вып. 2. – С. 146-151.

70. Перельман Х. Язык и моделирование социального взаимодействия / Х.Перельман, Л. Олбрехт-Тытека // Новая риторика: трактат об аргументации. – М.: Прогресс, 1987. – С. 207-264.

71. Потebня А.А. Из записок по русской грамматике [Электронный ресурс] : в 4 т. / А.А. Потebня // Вып. 2. Глагол. – М.: Просвещение, 1977. – 405 с. – URL: http://elib.gnpbu.ru/textpage/download/html/?bookhl=&book=potebnya_iz-zapisok-po-russkoj-grammatike_t4_v2_1977 (дата обращения: 25.12.2021).

72. Пропп В.Я. Фольклор и действительность / В.Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 325 с.

73. Пэн Личжэнь Исследование модальности современного китайского языка / Пэн Личжэнь. – Пекин : Китайское изд-во социальных наук, 2007. –

472 с. (на кит. языке) 彭利贞. 现代汉语情态研究. – 北京: 中国社会科学出版社. 2007年. 472页.

74. Пэн Сяньхун Быстрое распространение интернета и гистерезис законов / Пэн Сяньхун // Юридический обзор. – 2017. – №11. – С. 211. (на кит. язык) 彭贤鸿. 互联网的兴起与法律的滞后性. 法制博览. 2017 (11): 211页.

75. Рассел Б. Дескрипции/ Б. Рассел // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). – М. : Радуга, 1982. – С. 41-54.

76. Рассел Б. Разум / Б. Рассел // Новая серия. – 1905. – Т. 14, № 56 (октябрь). – С. 479-493.

77. Сафронова Т.С. Вербализация механизмов суггестивного воздействия в судебном дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.С. Сафронова. – Майкоп, 2017. – 25 с.

78. Серль Дж. Классификация иллокутивных актов / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 170-194.

79. Серль Дж.Р. Референция как речевой акт / Дж.Р. Серл // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). – М. : Радуга, 1982. – С. 179-202.

80. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику / Ю.М. Скребнев. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1985. – 210 с.

81. Смирнова У.В. Опыт лингвосемиотического анализа симулякра в контексте времени культуры: на материале англо-американского массмедийного дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / У.В. Смирнова. – Иркутск, 2008. – 203 с.

82. Стросон П.Ф. О референции / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 55-86.

83. Сунь Чжэн Анализ слов «应当 yingdang» и «必须 bixu» в юридическом языке / Сунь Чжэн, Кун Сяншэнь // Journal of Shenyang Official. – 2009. – №6. – С. 34-36. (на кит. языке) 孙政, 孔祥参. 浅析法律语言中的 «应当»与«必须». 沈阳干部学刊[J]. 2009 年第 6 期. 第 34-36 页.

84. Сушенцова Т.В. Структурно-содержательная специфика аргументации в судебных решениях: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.В. Сушенцова. – Тверь, 2014. – 19 с.

85. Сюй Шимин Судебная защита от споров в административных договорах / Сюй Шимин, Гун Хайлун // Законность и экономика. – 2007. – №10. – С. 77-78. (на кит. языке) 徐师铭, 郭海龙. 行政合同争议的司法救济途径. 法制与经济. 2007 (10): 77-78 页.

86. Тарасов Е.Ф. Место речевого общения в коммуникативном акте / Е.Ф. Тарасов // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. – С. 65-95.

87. Технологизация дискурса в современном обществе: кол. монография / С. Н. Плотникова, Н. В. Копылова, С. А. Домышева [и др.]. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2011. – 320 с.

88. Толстова Т.В. Жанры английского языка делового общения [Электронный ресурс] / Т.В. Толстова. – URL: http://tvtolstova.narod.ru/olderfiles/1/ZHanyu_angliiskogo_yazyka_delovogo-73091.pdf (дата обращения: 14.03.2022).

89. Ульянова К.А. Официально-деловой стиль китайского языка: деловая переписка и внешнеторговая документация: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / К.А. Ульянова. – М., 2019. – 214 с.

90. Фань Цин, Сяо Вэй Прагматическое исследование указательных слов судебных решений / Фань Цин, Сяо Вэй // Вестник института Чифэн (Филологические, философские и общественные науки). – 2017. – Вып. 38. – № 1. – С. 73–75. (на кит. языке) 凡晴, 肖薇. 法律判决书指示词的语用探究. 赤峰学院学报 (汉文哲学社会科学版). 2017 (1). 73-75 页.

91. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи / М.Ю. Федосюк // Жанры речи. – Саратов: Изд-во Саратов. Гос. ун-та, 1997. – Вып. 1. – С. 66-88.
92. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
93. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: Гуманитарная Академия; Университетская книга, 2004. – 416 с.
94. Фэн Лайчжун О недостатках законодательства о трудовых договорах / Фэн Лайчжун // Теоретическое исследование профсоюзов. – 2009. – № 3. – С. 15-17. (на кит. языке) 冯来周. 《劳动合同法(草案)》的法律“缺陷”. – 热点透视. 2006 (3): 15-17 页.
95. Ху Юнцю Стоит ли использовать «лазейки» в законах / Ху Юнцю // Общий народ. – 2001. – №9. – С. 49-50. (на кит. языке) 胡永球. 该不该钻法律空子. – 百姓. 2001 (9): 49-50 页.
96. Хуан Пин Межличностное значение хеджирования в юридическом дискурсе – на примере китайских судебных решений / Хуан Пин // Академический обмен. – 2010. – № 2. – С. 159–161. (на кит. языке) 黄萍. 法律语篇中模糊限制语的人际意义-以中文判决书为例. 学术交流. 2010 (2). 159-161 页.
97. Хэ Цзинцю Прагматическое толкование судебных решений по уголовным делам / Хэ Цзинцю, Хэ Хунцянь // Вестник Чунцинского университета Цзяотун (Общественные науки). – 2016. – Вып. 16, № 1. – С. 112-116. (на кит. языке) 何静秋, 贺红强. 刑事判决书的语用诠释. 重庆交通大学学报 (社会科学版). 2016 (1). 112-116 页.
98. Чжан Инь Обсуждение по проблемам о языковом выражении в экономических договорах / Чжан Инь // Вестник тяньцзиньского института по подготовке управленческих кадров политологии и права. – 2009. – №4. – С. 50-52. (на кит. языке) 张颖. 经济合同语言表达问题探讨. – 天津: 天津市政法管理干部学院学报. 2009 (4). 50-52 页.

99. Чжан Юнхун Юридическое размышление о спорах экономических договоров в последние годы в городе Ибине провинции Сичуань / Чжан Юнхун, Чжан Мэйшу // Поиск. – 1996. – №5. – С. 78-79. (на кит. языке) 张永红, 张美抒. 关于近期经济合同纠纷的法律思考 – 对四川省宜宾市的调查与分析. 探索, 1996 (5):78-79 页.

100. Чжао Чжаньчэн Противоречия и меры разрешения между имплицитной и эксплицитной юридической культурой в Китае / Чжао Чжаньчэн // Демократия и управление на базе законов. – 2013. – №10. – С. 99-102. (на кит. языке) 赵占臣. 我国隐型法律文化与显型法律文化之矛盾及其化解. 民主与法治. 2013: 99-102 页.

101. Чжао Юнься Проблемы в законах о пищевом продукте и меры по усовершенствованию в Китае / Чжао Юнься, Ван Цзинь // Педагогический институт под названием Таншань. – 2013. – №4. – С. 103-105. (на кит. языке) 赵云霞, 王静. 我国食品安全法律体系存在的问题及完善措施. 唐山师范学院学报. 2013 (4) : 103-105 页.

102. Чжу Чжунлянь О причинах и ответных мерах на договорные споры между предприятиями / Чжу Чжунлянь // Вестник института по подготовке кадров в области экономического управления в провинции Шаньси. – 2000. – №4. – С. 25-26. (на кит. языке) 朱忠良. 试论企业产生合同纠纷的表现-原因及对策. 山西经济管理干部学院学报. 2000 (4): 25-26 页.

103. Чэн Лэ. Об интертексте жанра текста судебных решений / Чэн Лэ // Вестник Чжэцзянского торгово-промышленного университет. – 2007. – № 2. – С. 32–37. (на кит. языке) 程乐. 判决书体裁互文性之鉴衡. 浙江工商大学学报. 2007 (2). 32-37 页.

104. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи: учебник / Н.Ю. Шведова. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1960. – 378 с.

105. Ю Цинсюе Договорный спор, вызванный двусмысленным предложением / Ю Цинсюе // Языковое планирование. – 1998. – № 9. – С. 48. (на кит. языке) 尤庆学. 一个歧义句引起一场官司. 语文建设. 1998(9). 第 48 页.

106. Ян Лань Тенденция развития и отзывы в механизме по разрешению споров в деревнях в новую эпоху / Ян Лань // Экономика и наука в деревнях, 2020. – №20. – С. 235-237. (на кит. языке) 杨岚. 新时期乡村纠纷解决机制的发展及应对. 农村经济与科技. 2020 (20): 235-237 页.

107. Ян Сецзюнь Разрешение споров в административных договорах в Китае: состояние, проблема и выход / Ян Сецзюнь, Чэнь Юнмэй // Административное юридическое исследование. – 2014. – №1. – С. 61-68. (на кит. языке) 杨解君, 陈咏梅. 中国大陆行政合同的纠纷解决: 现状, 问题与路径选择. 行政法学研究. 2014 (1): 61-68 页.

108. Ян Хаймин Сопоставление в шкале чувства судебных решений материкового Китая и Гонконга, Макао и Тайваня / Ян Хаймин // Вестник университета Цзянхань (Гуманитарные науки). – 2006. – Вып. 25, № 5. – С. 48-52. (на кит. языке) 杨海明. 两岸三地刑事判决书语言情感度比较[J]. 江汉大学学报 (人文科学版). 2006 年第 25 卷第 5 期. 第 48-52 页.

109. Янь Кэфэй Сопоставительный анализ интертекста жанра судебных решений между Китаем и Америкой / Янь Кэфэй // Вестник Чанчуньского университета. – 2014. – Вып. 248, № 5. – С. 670–672. (на кит. языке) 鄢克非. 中美法庭判决书的体裁互文性对比分析. 长春大学学报. 2014 (5). 670-672 页.

110. Boersema D. Philosophy of science / D. Boersema. – New York : Pearson, 2009. – 568 p.

111. Carnap R. Meaning and necessity : a study in semantics and modal logic. – Chicago: University of Chicago Press, 1947. – 205 p.

112. Church A. Formulation of the Logic of Sense and Denotation / A. Church // Structure. Method and Meaning. Essays in honor of Henry M. Sheffer. – N. Y. : The Liberal Arts Press, 1951. – P. 3-24.

113. Church A. *Introduction to Mathematical Logic* / A. Church. – Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1959. – 378 p.
114. Eemeren F.H. van *Rationale for a Pragma-Dialectical Perspective* / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst // *Studies in Pragma-Dialectics*. – Amsterdam : Sic Sat, 1994. – P. 11–28.
115. Eemeren F.H. van *Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments* / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst. – Mahwah : Lawrence Erlbaum Publishers, 1996. – 410 p.
116. Eemeren F.H. van *Argumentation, Communication and Fallacies: A Pragma-Dialectical Perspective* / F.H. van Eemeren, R. Grootendorst. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Publishers, 1992. – 236 p.
117. Elgin Z. *With Reference to Reference by Catherine* / Z. Elgin // *Philosophy in Review*. – 1984. – Vol. 4, № 1 (February). – P. 22-24.
118. Fairclough N. *Political Discourse in the Media: An analytical Framework* / N. Fairclough // *Approaches to Media Discourse*. – Oxford : Blackwell, 1998. – P. 142-162.
119. Govier T. *A Practical Study of Argument* / T. Govier. – Wadsworth : Publishing Company, 2013. – 432 p.
120. Grice H.P. *Logic and Conversation* / H.P. Grice // *Syntax and Semantics* / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. – Vol. 3 : *Speech Acts*. – New York : Academic Press, 1975. – P. 41-58.
121. Grice H.P. *Meaning* / H.P. Grice // *Readings in the Philosophy of Language*. – Englewood Cliffs, 1971. – P. 436-444.
122. Grosz B.J. *Discourse structure and the proper treatment of interruptions* / B.J. Grosz, C.L. Sidner // *Prot. Int. Joint Conf. on Artificial Intelligence (IJCAI-85)*. – Los Angeles: Harvard Univ. Publ., 1985. – P. 832–839.
123. Halliday M. *Language, context, and text: Aspects of language in a social-semiotic perspective* / M. Halliday, R. Hasan. – Oxford; N.Y. : Oxford Univ. Press, 1989. – 126 p.

124. Johansen J.D. Pragmatics and linguistics / J.D. Johansen, J. Mey, H. Sonne and H. Haberland. – Odense: University Press, 1986. – 248 p.
125. Johnson R.H. The Recent Development of Informal Logic / R.H. Johnson, J.A. Blair // Informal Logic. The First International Symposium Univ. of Windsor, Ontario. – Calif. : Edgerpress, Inverness, 1980. – P. 3-28.
126. Kaplan D. Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics, and Epistemology of Demonstratives and Other Indexicals / D. Kaplan // Themes from Kaplan / J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (eds.). – N.Y. : Oxford University Press, 1989. – P. 481-563.
127. Lakoff G. Thinking points: Communicating Our American Values and Vision / G. Lakoff. – N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2006. – 176 p.
128. Llewellyn K. The Common Law Tradition – Deciding Appeals / K. Llewellyn. – Boston, Toronto: Little, Brown and Co. Ltd., 1960. – 565 p.
129. Madzia R. What Can Mead Teach Us About the Private Language Problem? / R. Madzia // In American and European Values VII: International Conference on George Herbert Mead at 80th Anniversary of His Death. – Opole, 2011. – P. 76-87.
130. Malinowski B. Phatic Communication / B. Malinowski // Communication in Face to Face Interactions. [J. Laver & S. Hutchenson (Eds.)]. – Harmondsworth : Penguin Publishing, 1972. – P. 146-152.
131. Nunberg G. Talking Right / G. Nunberg. – New York : Public Affairs, 2006. – 272 p.
132. O’Keeffe A. Investigating Media Discourse / A. O’Keeffe. – London : Routledge, 2006. – 454 p.
133. Quine W.V.O. Pursuit of Truth / W.V.O. Quine. – Cambridge: Mass. : Harvard University Press, 1990. – 113 p.
134. Searle J. Proper names // Mind/ J.R. Searle. – 1958. – V. 67, № 266. – P. 166-173.
135. Searle J.R. Expression and Meaning / J.R. Searle. – Cambridge University Press, 1979. – 187 p.

136. Searle J.R. Foundations of Illocutionary Logic / J.R. Searle, D. Vanderveken. – Cambridge University Press, 1985. – 227 p.
137. Searle J.R. What is an intentional state? / J.R. Searle // Mind: New series. – 1979. – Vol. 88, № 349. – P. 74-92.
138. Sinclair M.B.W. Law and Language: The Role of pragmatics in Statutory Interpretation / M.B.W. Sinclair. – University of Pittsburg Law Review. Vol.46, 1985. – P. 373-420.
139. Strawson P.F. Freedom and Resentment and other essays / P.F. Strawson. – London : Methuen and Co., 1974. – 232 p.
140. Swales J.M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings / J.M. Swales. – Cambridge University Press, 1990. – 260 p.
141. Swales J.M. Research Genres. Explorations and Applications [Electronic resource] / J.M. Swales. – Cambridge University Press, 2004. – URL : www.cambridge.org (дата обращения: 18.12.2021).
142. Toulmin S. The Uses of Argument / S. Toulmin. – Cambridge : University Press, 1958. – 264 p.
143. Vanderveken D. Meaning and Speech Acts: 2 volumes / D. Vanderveken. – Cambridge Academ, 1990. – 2 V.
144. Walton D. Media argumentation: Dialectic, persuasion and rhetoric / D. Walton. – New York/Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 45 p.
145. Zhu Yunxia Written Communication Across Cultures: A Sociocognitive Perspective on Business Genres / Zhu Yunxia. – Philadelphia : John Benjamins, 2005. – 216 с.

ИСТОЧНИКИ

146. URL: <http://baike.baidu.com/item/%E7%9C%81%E7%95%A5> (дата обращения: 10.03.2022).
147. URL: <http://china.findlaw.cn/hetongfa/hetongjiufen/htzp/34514.html> (дата обращения: 14.02.2022).

148. URL: <http://www.chinacourt.org/html/article/200912/03/383904.shtml> (дата обращения: 15.01.2022).

149. URL: http://www.chinacourt.org/public/detail.php?id=367148&k_title=合同纠纷&k_content=合同 (дата обращения: 28.03.2022).

150. URL: <https://www.chinacourt.org/article/detail/2015/09/id/1710259.shtml> (дата обращения: 28.09.2021).

151. URL: https://m.thepaper.cn/baijiahao_7170159 (дата обращения: 16.10.2021).

152. «还 долги в 4000 юаней, это hái (хай) либо huán (хуань), договорный спор, вызванный различием в произношении», сайт китайского суда // URL: <http://www.chinacourt.org/html/article/200912/03/383904.shtml> (дата обращения: 03.12.2021).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

153. Конституционное право. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – М. : Норма. 2001. – Режим доступа: <https://rus-constitutional-law-dict.slovaronline.com/search?s> (дата обращения: 22.06.2022).

154. Арутюнова Н.Д. Предикат / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/412c.html> (дата обращения: 22.06.2021).

155. Большой юридический словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/law/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82> (дата обращения: 22.10.2021).

156. Маслов Ю.С. Вид / Ю. С. Маслов // Лингвистический энциклопедический словарь. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les> (дата обращения: 22.12.2021).

157. Маслов Ю.С. Глагол / Ю.С. Маслов // Лингвистический энциклопедический словарь. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les> (дата обращения: 22.12.2021).

158. Словарь лингвистических терминов [Электронный ресурс] / под ред. Т. В. Жеребило. – 5-е изд., испр-е и доп. – Назрань : Пилигрим, 2010. – Режим доступа: https://lingvistics_dictionary.academic.ru/3916/ социальность_%28конвенциональность%29_языкового_знака (дата обращения: 15.01.2022).

ДОГОВОР ПОСТАВКИ № 2019/009

город Москва

«13» мая 2019 года

Общество с ограниченной ответственностью «Рус-КР», именуемое в дальнейшем «Покупатель», в лице Генерального директора **Первушина Вадима Евгениевича**, действующего на основании Устава, с одной стороны, и **Общество с ограниченной ответственностью «Технические Газы - Традиции Качества» (ООО «Техгаз-ТК»)**, именуемое в дальнейшем «Поставщик», в лице директора **Зибера Геннадия Владимировича**, действующего на основании Устава, с другой стороны, вместе именуемые «Стороны», заключили настоящий договор поставки (далее – «Договор») о нижеследующем:

1 ПРЕДМЕТ ДОГОВОРА

1.1 Поставщик обязуется поставить, а Покупатель обязуется принять и оплатить товар на условиях, предусмотренных настоящим Договором,

1.2 Наименование, ассортимент, количество, комплектность, цена товара, порядок оплаты, срок и условия поставки товара согласовываются сторонами и указываются в спецификациях, которые после подписания являются неотъемлемой частью Договора.

1.3 Поставщик гарантирует, что товар, поставляемый им по Договору, принадлежит ему на законных основаниях, не состоит в залоге и под арестом, свободен от требований и претензий третьих лиц.

1.4 Договоренности Сторон относительно характеристик, качества, ассортимента и количества товара, сроков и порядка поставки товара, цены товара и порядка оплаты являются существенными условиями настоящего Договора.

2 ПОРЯДОК И УСЛОВИЯ ПОСТАВКИ

2.1 Поставка (отгрузка) товара осуществляется партиями по спецификациям. Спецификации готовятся Поставщиком после получения заявки Покупателя и направляются в адрес Покупателя по электронной почте.

2.2 Спецификация считается согласованной после подписания ее сторонами. Электронные сканы спецификаций имеют юридическую силу до обмена оригиналами. Поставщик направляет оригиналы подписанных спецификаций по почте заказным письмом с уведомлением.

2.3 Все спецификации нумеруются Поставщиком в хронологическом порядке с указанием даты оформления. Спецификация должна содержать ссылку на номер Договора, дату его заключения, наименование, технические характеристики и количество поставляемого товара, а также иные данные, предусмотренные Договором.

2.4 Поставка товара осуществляется в сроки, указанные в соответствующей спецификации. По письменному согласованию Сторон срок поставки либо оплаты может быть изменен для каждой отдельной позиции спецификации или для каждой партии товара. Все изменения и дополнения должны быть надлежаще оформлены с учетом положений п. 13.2 и п.13.4 настоящего Договора и действующего законодательства РФ.

3 ГАРАНТИЙНЫЙ СРОК И КАЧЕСТВО ТОВАРА

3.1 Поставляемый по настоящему Договору товар по своему качеству и комплектности должен соответствовать требованиям, предусмотренным законодательством, а также указанным в спецификациях ГОСТ, ТУ, установленным на данный вид товара, и, если предусмотрено, удостоверяться сертификатом качества или утвержденной технической документацией.

3.2 Если поставляемый по Договору товар в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации подлежит обязательной сертификации, Поставщик обязан передать Покупателю заверенную копию действующего сертификата соответствия качества ГОСТ Р или ТР ТС, выданного уполномоченным органом в Российской Федерации.

3.3 Если иное не указано в спецификации на товар, гарантийный срок на товар составляет 24 календарных месяца с даты поставки товара, при условии соблюдения соответствующих требований эксплуатации и хранения.

3.4 Гарантия качества товара распространяется и на все составляющие его части (комплектующие изделия), если иное не указано в соответствующей Спецификации.

4 ПОРЯДОК ПРИЕМКИ ТОВАРА

4.1 Приемка товара по количеству отгруженных мест и весу (объему), осуществляется Покупателем при передаче товара в месте поставки путем сопоставления со сведениями, указанными в упаковочных листах и товаротранспортном документе.

Проверка веса нетто товара производится на складе Покупателя при приемке товара.

При невозможности перевески товара без тары определение веса нетто производится путем проверки веса брутто в момент получения товара на складе Покупателя и веса тары после освобождения его из-под товара. Результаты проверки оформляются актами.

4.2 Приемка товара по качеству и комплектности производится Покупателем в течение 10 (десяти) календарных дней с даты приемки товара по количеству, если иное не указано в соответствующей Спецификации.

4.3 Приемка товара по количеству и качеству производится в соответствии с «Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству» (утв. Постановлением Госарбитража СССР

от 25.04.1966 N П-7) (ред. от 23.07.1975, с изм. от 22.10.1997) и «Инструкция о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству» (утв. постановлением Госарбитража СССР от 15.06.1965 N П-6) (ред. от 23.07.1975, с изм. от 22.10.1997).

5 ЦЕНА И ПОРЯДОК РАСЧЕТОВ

5.1 Цена на каждую партию поставляемого товара устанавливается в соответствующей спецификации. При этом цена в спецификации указывается за каждую единицу товара и за всю поставляемую партию, с учетом действующей ставки НДС, выделенного отдельной строкой.

5.2 Цена товара согласовывается Сторонами и утверждается на момент подписания спецификации. Согласованные в спецификации цены и ассортимент поставляемого товара могут быть изменены путем подписания полномочными представителями обеих сторон дополнений к соответствующей спецификации.

6 ДОКУМЕНТЫ

6.1 Поставщик обязуется одновременно с передачей товара передать Покупателю относящиеся к товару надлежащим образом оформленные документы (далее по тексту – «Товаросопроводительные документы»):

1) товарную накладную ТОРГ-12, счет-фактуру, и, при необходимости, акт об оказанных транспортных услугах либо универсальный передаточный документ по утвержденной законодательством форме;

2) упаковочный лист со следующими сведениями: реквизиты грузополучателя и грузоотправителя, номер и дату договора, наименование и количество товара, вид упаковки, число мест, вес брутто/нетто, габариты груза, номер транспортных средств;

7 ТАРА, УПАКОВКА И МАРКИРОВКА

7.1 Если в соответствующей Спецификации не определены требования к таре, упаковке и маркировке, то товар за счет Поставщика должен быть затарен, упакован и маркирован обычным для такого товара способом, а при отсутствии такового - способом, обеспечивающим сохранность товара такого рода при перевозке выбранным видом транспорта.

8 ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН

8.1 В случае неисполнения или ненадлежащего исполнения сторонами обязательств, принятых на себя по настоящему Договору и приложениям к нему, стороны несут ответственность в соответствии с настоящим Договором и законодательством Российской Федерации.

8.2 Сторона Договора, имущественные интересы которой нарушены в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств по договору другой стороной, вправе требовать полного возмещения причиненных ей виновной стороной убытков.

9 ЗАВЕРЕНИЯ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

9.1 Настоящим Поставщик заверяет, что:

- Является полноценным субъектом права и обладает установленными действующим законодательством и присущими его статусу правоспособностью и способностью отвечать по обязательствам всем своим имуществом. Лица, уполномоченные действовать от имени Поставщика, наделены всеми необходимыми полномочиями для подписания и исполнения настоящего Договора и дополнений к нему;
- Вся информация, предоставленная Поставщиком Покупателю в связи с заключением и исполнением настоящего Договора, является полной, точной и не вводящей в заблуждение на дату ее предоставления. Поставщик не допускал сокрытия информации, которая имеет существенное значение для заключения и исполнения настоящего Договора;

10 ДЕЙСТВИЕ НЕПРЕОДОЛИМОЙ СИЛЫ

10.1 Поставщик и Покупатель могут быть освобождены от ответственности за неисполнение своих обязательств по настоящему договору при наступлении обстоятельств непреодолимой силы, под которыми подразумеваются внешние, чрезвычайные и непредотвратимые при данных обстоятельствах события, которые не существовали во время подписания настоящего договора и возникли помимо воли Сторон.

11 ПОРЯДОК РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

11.1 Любые споры, которые могут возникнуть между Сторонами в связи с настоящим Договором, должны разрешаться путем переговоров в претензионном порядке.

11.2 Претензии Сторон, оформленные надлежащим образом, рассматриваются в течение 10 (десять) рабочих дней с даты ее отправки в адрес соответствующей стороны, если иной срок не предусмотрен действующим законодательством РФ.

12 СРОК ДЕЙСТВИЯ ДОГОВОРА

12.1 Настоящий Договор вступает в силу с даты его подписания Сторонами и действует по «31» декабря 2019 года, либо до полного исполнения Сторонами своих обязательств, в зависимости от того, какое из событий наступает позже.

13 ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

13.1 Все образцы, чертежи, иные документы, программное обеспечение, электронные носители или другие материалы, содержащие информацию или данные, связанные с настоящим Договором, рассматриваются сторонами как конфиденциальные,

не подлежат публикации, разглашению третьей стороне, копированию или использованию для какой-либо иной цели, нежели выполнение настоящего Договора.

АДРЕСА, РЕКВИЗИТЫ И ПОДПИСИ СТОРОН

ПОСТАВЩИК:

ПОКУПАТЕЛЬ:

ООО «Техгаз-ТК»	ООО «Рус-КР»
620089, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Машинная, 42А, оф.1101	119331 РФ, г. Москва, пр. Вернадского, д.29, помещение 1
ИНН 6672302934 /КПП 668501001	ИНН 7736645755 КПП 773601001
Р/с 40702810124220000258	Р/с 40702810200000000148
К/с 30101810165770000501	К/с 30101810200000000551
Филиал № 6602 банка ВТБ (ПАО), г. Екатеринбург	АйСиБиСи Банк (Акционерное Общество)
БИК 046577501	БИК 044525551
ОГРН 1096672015857	ОГРН 1127746528326
Конт. лицо: Кривоухова Татьяна Викторовна, тел. +7 912 25 23 456	Конт, лицо: Фильцев Михаил, тел +7 916 775 18 61
e-mail: krivouhova@techgas.ru	e-mail: filcev@keruigroup.com

ПОСТАВЩИКА

От ПОКУПАТЕЛЯ

ктор

«Техгаз-ТК»

Геннадий Владимирович

Генеральный директор

ООО «Рус-КР»

Первушин Вадим

Евгеньевич

合同编号 09/16-2017

中国石油天然气股份有限公司与科瑞石油装备有限公司 买卖合同 (机电设备类)

签订地点:

签订日期: 年 月 日

买方:

法定代表人(负责人):

住所地:

卖方:

法定代表人(负责人):

住所地:

根据《中华人民共和国合同法》及相关法律法规,本着平等互利、等价有偿的原则,经双方协商一致,订立本合同。

1 标的物(详细描述)

1.1 品名:

1.2 规格型号:

1.3 产地:

1.4 制造商:

2 数量

2.1 数量:

2.2 供货内容:(见附件)。

3 质量要求和技术标准

3.1 质量要求:

3.2 技术及设计制造标准:(详见技术附件)。

4 价款和支付

4.1 合同价款:

小写:

大写:

4.2 合同价款构成:

4.3 价款支付方式和时间:

5 交付

5.1 交付方式:

5.2 交付时间和内容:

5.3 交付地点:

5.4 卖方应提供的单证和资料:

6 包装

6.1 包装标准:

6.2 包装物及标识的具体要求:

6.3 包装费用由卖方承担,双方另有约定除外。

6.4 包装不符合标准或约定,造成货物毁损灭失或其他后果的,由卖方承担相应责任。

7 运输

7.1 运输方式:

发货地点:

到达地点:

收货人:

7.2 运费及相关费用承担:

7.3 卖方交由承运人运输的在途货物, 毁损灭失的风险由卖方承担。

7.4 卖方按照约定将货物交运后, 买方变更到达地点或收货人的, 由此产生的费用和 risk 由买方承担。

8 验收与安装调试

8.1 验收

8.1.1 买方应在货到后__日内, 确定验收日期, 并提前__日通知卖方, 卖方应委派人员参加验收。如果卖方接到买方通知后未按照通知确定的时间参加验收, 视为已同意买方单方进行验收并接受验收结果。如果买方逾期未进行验收, 视为已完成验收。

8.1.2 验收应依据本合同约定的相关要求和标准, 如合同未明确约定的, 按照合同法的有关规定办理。验收结果应经双方签字确认。

8.1.3 验收结果与合同约定不符, 卖方应负责_____。

8.2 安装调试

8.2.1 卖方应在验收后__日内完成对设备的安装与调试, 达到合同约定的要求和标准, 并保证设备正常运转。买方在安装与调试过程中应提供必要的协助和配合。

8.2.2 安装工作完全符合合同要求和标准, 并且单机试车成功, 双方代表可在__日内现场签署安装竣工书。但不免除卖方在安装调试过程中和质量保证期内所应承担的责任。

8.2.3 设备整机经联运测试完全符合约定的技术指标, 经双方代表签字确认后, 即完成了对全部设备的最后验收。

8.3 在安装调试期间, 如果卖方提供的设备、材料有缺陷或由于卖方技术人员的指导错误或卖方提供的技术资料、图纸、说明书的错误造成买方设备、材料损坏, 卖方应采取必要的补救措施, 并赔偿买方的损失。

8.4 双方对验收与安装调试过程中因设备技术和质量等方面出现异议, 应提交__产品质量和技术监督机构进行鉴定。

9 质量保证

9.1 质量保证期限自完成 8.2.3 约定事项之日起__个月。

9.2 质量保证期内, 由于卖方责任导致设备停用时, 则质量保证期应按实际停用时间相应顺延。

9.3 卖方同意将货款总额的__%即:人民币____元(大写)作为质量保证金。质量保证期内, 出现质量问题, 卖方不能按买方的要求无偿返修或返修后质量仍不符合约定的, 质量保证金将不再返还。

9.4 买方派员或委托第三方监造设备, 并不替代或解除卖方对产品质量的责任。

10 保密

双方因本合同所知悉的商业秘密承担保密义务。未经对方同意, 不得以任何形式泄露给第三方或使用。

11 技术服务及培训

12 合同变更和解除

12.1 双方协商一致, 可变更或解除合同。变更或解除合同应采用书面形式。

12.2 发生下列情形之一的, 一方可以解除合同:

12.2.1 因不可抗力, 致使合同目的不能实现。

12.2.2 卖方未按合同约定期限交货, 经催告后__日内仍未交货;

12.2.3 货物质量不符合约定, 且卖方未按买方要求采取必要补救措施的, 买方有权解除合同。

12.2.4 买方无正当理由拒绝接收货物的, 卖方有权解除合同。

12.3 合同变更或解除, 不能免除违约方应承担的违约责任, 给对方造成损失的, 还应承担赔偿责任。

13 违约责任

13.1 卖方未按期交付货物,每逾期一天,应向买方支付迟延交付部分货款金额__%的违约金,同时负责赔偿给卖方造成的损失。

13.2 买方未按合同约定付款,每逾期一天,应向对方支付未付货款金额____%的违约金。

13.3 如发生 12.2.3 情形,买方有权要求卖方支付__违约金,如给买方造成损失的,卖方还应承担赔偿责任。

13.4 卖方保证对所交付货物不侵犯第三方的权利,否则应承担由此给买方造成的一切损失。

13.5 卖方未在约定的期限内完成对设备的安装调试,应赔偿由此给买方造成的损失。

13.6 一方违反本合同第 10 条约定,应向对方承担赔偿责任。

13.7 发生其它违约情形,违约方应赔偿由此给对方造成的损失。如属双方过错,应各自承担相应责任。

14 不可抗力

14.1 由于不可抗力,如火灾、地震、台风、洪水等自然灾害及其它不可预见、不可避免、不可克服的事件,导致不能完全或部分履行本合同义务,受不可抗力影响的一方或双方不承担违约责任,但应在不可抗力发生后__小时内及时通知对方,并在其后__日内向对方提供有效证明文件。

14.2 受不可抗力影响的签约一方或双方有义务采取措施,将因不可抗力造成的损失降低到最低程度。

15 争议解决方式:

15.1 因合同发生争议,双方应协商解决。

15.2 如协商不成,可选择下列第 种方式解决:

(一) 提交_____仲裁机构申请仲裁;

(二) 依法向_____人民法院提起诉讼。

15.3 因关联交易合同发生争议,由双方协商解决,协商不成的,提交双方上级领导协商解决。如仍不能解决,可选择仲裁方式解决。

16 效力及其他

16.1 本合同经双方法定代表人或其授权代表签字并加盖合同专用章(公章)后生效。

16.2 本合同未尽事宜,双方可签订补充协议。

16.3 合同附件及补充协议是合同组成部分,具有与本合同同等的法律效力。如附件与本文不一致,以本文为准;如补充协议与本文不一致,以补充协议为准。

16.4 本合同一式__份,买方执__份,卖方执__份。

买方(合同专用章):

授权代表(签字): 签字日期: 年 月 日

住所地:

联系电话/传真:

邮政编码:

开户行及帐号:

卖方(合同专用章):

授权代表(签字): 签字日期: 年 月 日

住所地:

联系电话/传真:

邮政编码:

合同№EX20140117

北京市

2014年3月06日

以总经理李明为代表的，中国《东方》有限公司，以下简称买方，为一方，以总裁何世聪先生为代表的中国《山东科瑞石油装备有限公司》，以下简称卖方，为另一方，双方签订如下合同：

1.合同标的

1.1. 根据合同规定，卖方有责任转交货物所有权，而买方应接收并支付产品货款。产品以下简称为商品，该商品的品名、数量、种类及价格见合同附件。

1.2. 品名、种类、技术描述、数量、价格、供货方式、交货期及付款方式由合同及其附件确定，合同附件是合同不可分割的一部分。

2.合同总额及商品价格

2.1. 合同以人民币结算。商品单价按人民币计算，单价包括包装费用，商品价格在合同附件中指出。

2.2. 商品价格包括产品价格，包装、唛头、支付到指定地点的运费价格，以及合同附件中指出的相应供货条件所产生的费用。

2.3. 合同总额按双方在合同有效期签订的附件的总和计算。

3.商品发货期

3.1. 商品应按合同附件规定按期供货。

3.2. 发运日期以发运站运单上盖章日期为准。

3.3. 卖方有责任在发货后的两个工作日内通知买方并传真发送给买方运单副本。

4.供货条件

4.1. 商品品名，商标，出厂编号，数量及供货条件在合同附件中确定。

4.2. 供货日期按照合同附件中确定。

4.3. 除非另有规定，转交给买方至指定目的站的日期为附件中的供货期，目的站在附件中指明并且由买卖双方签署相应的发票，及其它随货文件。供货方在此情况下被认为完成自己的义务，把产品供货到买方在附件中指定的目的站后，除非在附件中另有规定

4.4. 如果在附件中指明了产品分批交货，如果在一批中未及时供货，供货方有义务在下一批进行供货。在此情况下不能完成供货，则买方可书面要求返回以付款项，供货方有义务返给买方款项。

4.5. 允许提前供货

4.6. 卖方应在发货时的5个工作日内，给买方发送以下文件。

1) 形式发票-原件1份

2) 原产地证书-原件1份

3) 质量证书-原件1份

4) 装箱单-原件1份

5) 产品价目表，在中国商会(中国国际贸易促进委员会)认证——原件

4.7. 发货方为卖方。收货方可以为买方委托人。

5.产品质量、包装及唛头

5.1. 按合同供应产品的产品质量应符合API标准，已经合同附件技术规范的条件。

5.2. 包装应保证货物在运输、转运、装卸及在仓库储存时不受损坏。包装应适合使用吊车，拖车等形式搬运。

6.付款条件

6.1. 根据本合同，应该按照在本合同中指定的卖方的银行信息以人民币的形式进行支付。

6.2. 货款的支付方法在本合同的附件(清单)中规定。

6.3. 本合同的受益人为:

Intermediate bank:

JP Morgan Chase Bank, N.A. New York (swift: CHASUS33)

Beneficiary's account bank:

Industrial and Commercial Bank of China Dongying Branch

7. 货物交接

7.1. 商品被认同为卖方提供且买方接收

- 数量: 符合商品运输单据 (发票) 和由生产商出具的品质证明的数量 (单位)。

- 质量: 符合生产商出具的质量证明。

8. 双方责任

8.1. 如果买方违反货物的付款日期, 每延误一天, 买方应该向卖方支付合同价值 0.05% 的罚款。但是不超过未支付部分总额的 5%。

8.2. 如果卖方违反货物的交付日期, 每延误一天, 卖方应该向买方支付合同价值 0.05% 的罚款。但是不超过未交付部分总额的 5%。

9. 索赔

9.1. 买方有权向卖方提出索赔:

- 数量方面: 如果不符合商品运输单据, 生产商出具的品质证明以及本合同第一款中规定的从站收货人收到货物之日起 30 (三十) 个工作日内的数量。

- 质量方面: 如果不符合生产商出具的货物质量证明以及本合同第一款中规定的货物到达站收货人之日起 60 (六十) 个工作日内的质量。

9.2. 关于货物的质量和/或数量的索赔要经过独立的权威机构的检查和分析。

9.3. 卖方从收到索赔之日起 30 (三十) 个工作日内发生赔款。根据双方协议, 他们可能会通过后续额外的货物提供来完成。

9.4. 如果发现货物数量和质量不符时, 买方有权召唤卖方代表以及买方仓库生产者。

10. 不可抗力

10.1. 根据本合同双方未履行部分或者全部义务而无需承担责任, 假如未履行义务是不可抗力状况而导致的后果, 不可抗力具体指的是: 火灾, 水灾, 地震, 战争, 超出双方国家控制之外的行动或者举动, 政治形势变更以及任何其他不可抗力的状况。

10.2. 对于双方来说, 如果发生了在 10.1 条款中提到的状况, 那么履行本合同的上述义务的时期应该延长。

10.3. 遭受不可抗力的一方, 应立即 (在上述情况发生之日起 7 日内) 以书面形式通知另一方不可抗力的发生, 预计持续时间以及终止时间。如果在不可抗力发生之日起 14 个日历日内没有通知另一方, 而使该方不能采取行动, 那么根据本合同该方有权不履行义务。

10.4. 由买方和卖方双方工商会提供的证书将会是上述情况发生和其持续时间的足够证明。

10.5. 如果在本合同 10.1 条款中指出的不可抗力状况持续三个月以上, 每一方都有权拒绝在本合同项下的任何其他义务, 在这种情况下, 任何一方都无权要求另一方赔偿可能造成的损失。

11. 仲裁

11.1. 双方同意通过谈判或者友好的方式来解决合同中的分歧或争议

11.2. 如果通过谈判双方没有就争议问题达成共识, 双方应指定一家北京仲裁法庭听证, 对双方而言, 仲裁机构的解决方案将是最终的解决办法, 且双方必须履行。

12. 其它条款

12.1. 合同签订日起, 所有以前的记录及谈判内容不再具有法律效力。

12.2. 所有本合同的附件 更改及补充文件只有在以书面形式且双方授权代表签字的情况才有效。合同的更改及补充内容视为合同不可分割的一部分。

12.3. 由于执行本合同所产生的所有的税款，关税及银行业务产生费用按以下原则支付：在卖方国家产生-由卖方支付，在买方国家产生-由买方支付。

12.4. 双方因本合同所知悉的商业秘密承担保密义务.未经对方同意,不得以任何形式泄露给第三方或自己使用。

12.5. 本合同签署两份。具有同等法律效力。

12.6. 考虑合同存在的事实，合同内容及任何此合同的更改及补充内容，以及任何与此相关的往来信件，都视为保密信息。在没有某一方书面同意的情况下，任何一方不得泄露消息给第三方（买卖双方银行，国家经济机构，证书及海关检查机构除外）。

双方法定地址及银行信息

卖方:

买方:

山东科瑞石油装备有限公司	《东方》有限责任公司
法定地址：中国，山东东营南二路，233号	地址：北京市复兴门大街 35 号

卖方

买方

总裁

He Shicong

总经理

Liming

合同编号：IEQ20160035-12
货运合同

编制及使用说明

一、本合同示范文本的编制主要以部分地区公司的合同示范文本为基础编制。文本编制主要遵循以下原则：

1、法律规定与企业实际相适应。通过合同条款将公司的生产经营实践和业务流程加以规范，使合同文本更加符合企业生产经营实际需要。

2、通用性与针对性相统一。示范文本既满足地区公司对合同的共性需要，又尽可能增加合同针对性条款约定。

3、原则性与操作性相结合。文本的通用条款一经确定，不应随意更改。需要特殊约定的个性条款，可由地区公司根据实际情况进行细化。

二、示范文本主要适用于托运人与承运人签订的货物运输合同。

三、示范文本由主合同及相关附件构成，使用中应注意文本的完整性和一致性。

四、合同谈判和签订应以本示范文本为基础。地区公司合同管理部门可根据需要组织对示范文本进行细化，并报股份公司法律事务部备案。

五、具体填写说明：

1、合同 3.3 条结算方式应选择 3.3.1 或 3.3.2 的一项。双方约定其它支付方式的，可以在合同中另行注明。

2、合同 9.2.4 条验收方法依据中华人民共和国交通部 1999 年《汽车货物运输规则》第六十条（“承、托双方应履行交接手续，包装货物采取件交件收；集装箱重箱及其他施封的货物凭封志交接；散装货物原则上要磅交磅收或采用承托双方协商的交接方式交接。交接后双方应在有关单证上签字”）约定执行。

3、合同 14 条只能选择一种纠纷解决方式。

4、其他约定应按提示填写，不采用或不填的条款应在空格处划删除线。

七、填写要求：

1、条款必须齐全，不能缺项。

2、填写语言应简练、准确。

3、填空条款填空处不能为空白。

货运合同

托运人（甲方）：

住所地：

营业执照号：

法定代表人（负责人）：

承运人（乙方）：

住所地：

营业执照号：

法定代表人（负责人）：

1 总则

根据《中华人民共和国合同法》及相关法律法规，本着平等互利、等价有偿的原则，甲乙双方就_____货物运输事宜协商一致，订立本合同。

2 托运货物名称、规格、数量

3 运输方式、费用及结算方式

3.1 运输方式：_____。

3.2 运输费用总价：

（大写人民币）_____元。

（小写人民币）：_____元。

3.3 运输费用为：_____（含税价）。

3.4 结算方式：选择下列第__种方式。

3.4.1 一次总付：合同履行结束后__日内，支付运输费用总价。

3.4.2.分期支付：

3.4.2.1 本合同生效后__日内，支付运输费用总价的__%；

3.4.2.2（按照进度支付）：

3.4.2.3 货运结束后__日内，支付运输费用总价的__%。

3.5 乙方应对其指定的下列账户信息真实性、安全性、准确性负责。

收款人：

开户行：

账号：

4 包装要求

4.1 包装标准：本合同中约定的货物必须按照国家有关规定标准包装，没有规定的，应以保证货物运输安全的原则进行包装。

具体要求：_____。

4.2 费用承担：_____。

5 货物起运地、到达地

货物起运地：_____。

货物到达地：

收货人：

收货人联系人：

收货人联系方式：

6 合同履行期限

自____年____月____日起至____年____月____日止。

7 运输质量及安全要求

7.1 质量要求：_____。

7.2 安全要求：乙方必须遵守国家有关法律法规规定。在承运期间发生事故的，由乙方负责，给甲方造成损失的应予赔偿。

8 货物装卸责任、方法

8.1 货物装卸责任：选择下列第__种方式。

8.1.1 由甲方负责装卸。

8.1.2 由乙方负责装卸。

8.1.3 其它方式：_____。

8.2 货物装卸方法：_____。

9 领取货物及验收

9.1 领取货物：选择下列第__种方式。

9.1.1 乙方自提，提货地点为_____，提货时间为_____。

9.1.2 甲方送货，送货地点为_____，送货时间为_____。

9.1.3 其它方式：_____。

9.2 验收：

9.2.1 验收时间：乙方应在货到后__日内进行验收。如发现货物不符合约定的，应在货到后__日内书面通知甲方，如未在该期限内通知甲方，应视为货物符合本合同约定。

9.2.2 验收标准：_____。

9.2.3 验收地点：_____。

9.2.4 验收方法：选择下列第__种方式。

9.2.4.1 件交件收。

9.2.4.2 集装箱重箱及其他施封的货物凭封志交接。

9.2.4.3 散装货物磅交磅收，计量用磅应经计量主管部门或其授权的计量器具检定部门检定合格，并在有效周期内。

9.2.4.4 其它方式：_____。

9.2.5 验收时,甲乙双方代表都应在场，验收完毕后由乙方出具验收报告，双方代表共同签字确认。

10 双方的权利义务

10.1 甲方的权利义务

10.1.1 要求乙方按照合同约定的时间、标准，把货物运输到目的地。

10.1.2 检查乙方运输情况，对不符合约定的事项提出整改意见。

10.1.3 乙方将货物交付收货人之前，甲方有权要求乙方中止运输、返还货物、变更到达地或变更收货人，但应支付相关费用。

10.1.4 甲方托运的易燃、易爆、有毒、有腐蚀性、有放射性的危险物品，应按国家有关危险物品运输规定对危险物品妥善包装，作出危险物的标志和标签，并将有关危险物品的名称、性质和防范措施书面材料提交乙方。

10.1.5 有权对乙方车辆状况进行安全检查。对安全设施不全或违反装卸车、拉运有关规定的，有权要求整改；拒不整改的有权终止合同。

10.1.6 按合同约定支付运输费用。

10.1.7 其他约定：_____。

10.2 乙方的权利义务

10.2.1 按时自行负责将货物运到指定地点，并向收货人发出到货通知，办理相应的交接手续。

10.2.2 按合同约定向甲方收取运输费用。

10.2.3 货物运输需要办理审批、检验等手续的，托运人应当将办理完的有关手续的文件提交承运人。

10.2.4 对易燃、易爆、有毒、有腐蚀性、有放射性的危险物品，应按国家有关危险物品的运输规定进行妥善保管，作出危险物的标志和标签，并采取有效措施保证货物安全，避免环境污染。

10.2.5 保证货物在运输过程中完好无损，对运输过程中发生的货物毁损、灭失承担赔偿责任。运输过程中发生泄漏、坠落等原因造成环境污染的，乙方应承担全部责任。

10.2.6 运输危险品必须提供具备危险货物运输经营资质及相关证件。

10.2.7 运输车辆应证件齐全并符合货运条件。运输作业人员，应按国家有关法律法规持证上岗。

10.2.8 乙方在甲方厂区内装运货物的，如违反甲方有关安全、环保等方面的规章制度，由此造成的损失和责任由乙方承担。

10.2.9 其它约定：_____。

11 违约责任

11.1 甲方的违约责任：

11.1.1 未按合同约定提供托运货物的，每逾期一日向乙方支付运输费用__%的违约金。

11.1.2 未按合同约定支付价款的，每逾期一日向乙方支付迟延部分运输费用__%的违约金。

11.1.3 即使甲方或收货人不支付运费、保管费以及其他运输费用的，乙方也无权留置运输货物。

11.1. 4 其他约定：_____。

11.2 乙方的违约责任：

11.2. 1 未按合同约定接收托运货物的，每逾期一日，向甲方支付运输费用__%的违约金，并赔偿由此给甲方造成的损失。

11.2. 2 未按合同约定的时间和要求运输的，每逾期一日，向甲方支付运输费用__%的违约金，并赔偿由此给甲方造成的损失。

11.2. 3 将货物错运到货地或错交收货人的，应将货物无偿运至合同约定的到货地并交付收货人。发生逾期的，每逾期一日向甲方支付运输费用__%的违约金，并赔偿由此给甲方造成的损失。

11.2. 4 未经甲方同意,转委托他人运输货物的，应向甲方支付运输费用__%的违约金，并赔偿由此给甲方造成的损失。

11.2. 5 下列原因造成货物灭失、短少、变质、污染、损坏的，乙方不承担违约责任：

11.2. 5.1 不可抗力；

11.2. 5.2 货物本身的自然属性；

11.2. 5.3 货物的合理损耗；

11.2. 5.4 甲方或收货人自身过错；

11.2. 6 其他约定：_____。

12 不可抗力

12.1 下列事件为不可抗力事件：战争、动乱、地震、飓风、洪水、冰雹、雪灾等不能预见、不能避免、不能克服的客观情况。

12.2 由于不可抗力致使双方或任何一方不能履行合同义务的，应采取有效措施避免并减少损失，将损失降低到最低程度。不可抗力发生后__小时内，应以书面形式通知对方，并在__日内向对方提供发生不可抗力的有效证明文件。

12.3 因不可抗力致使合同未按期履行或无法履行，造成的损失由双方各自承担。如货物在运输过程中因不可抗力灭失，未收取运费的，乙方不得要求支付运费；已收取运费的，甲方可以要求返还。一方未尽通知义务或未采取措施避免、减少损失的，应就扩大的损失负赔偿责任。

13 合同的生效、变更、解除和终止

13.1 本合同经甲乙双方法定代表人（负责人）或委托代理人签字并盖章之日起生效。

13.2 本合同经双方协商一致，可以变更，合同变更协议应采用书面形式。

13.3 具备下列情形之一的，解除权人可单方解除合同，但应向对方发出书面的合同解除通知，通知到达对方时合同解除。

13.3.1 甲方解除合同条件：

13.3.1.1 不可抗力致使不能实现合同目的的。

13.3.1.2 在履行期限届满之前，乙方明确表示或者以自己实际行为表明其不履行合同义务的。

13.3.1.3 乙方未按合同约定配车且拒不调换的。

13.3.1.4 乙方将货物错运到货地点或错交收货人，且逾期__日未运至合同约定的到货地点或收货人。

13.3.1.5 给甲方造成损失拒不赔偿的。

13.3.1.6 其他约定：_____。

13.3.2 乙方解除合同条件：

13.3.2.1 不可抗力致使不能实现合同目的的。

13.3.2.2 在履行期限届满之前，甲方明确表示或者以自己实际行为表明其不履行合同义务的。

13.3.2.3 甲方拒不支付合同价款超过__%的。

13.3.2.4 其他约定：_____。

13.4 有下列情形之一的，本合同的权利义务终止：

13.4.1 合同已经按照约定履行完结。

13.4.2 双方协商解除合同。

13.4.3 一方依据法定或约定原因解除合同的。

13.4.4 其他约定：_____。

14 争议的解决

本合同履行过程中发生的纠纷双方应协商解决。协商不成的，按照以下第__方式解决：

14.1 提交_____仲裁委员会按照_____仲裁规则在__进行仲裁。仲裁裁决具有终局性，双方都应执行。

14.2 向_____人民法院提起诉讼。

14.3 因关联交易合同发生争议，由双方协商解决。协商不成的，提交双方上级领导机构协商解决。如上级领导机构在__月内仍未能协商解决，双方同意按照本协议__(第 14.1 或第 14.2)约定的方式解决。

15 通知

甲方：

通讯地址、邮编：

联系人：

联系电话/传真：

乙方：

通讯地址、邮编：

联系人：

联系电话/传真：

16 其他约定

16.1 本合同未尽事宜，双方另行签订补充协议。补充协议与本合同具有同等法律效力。

16.2 本合同一式__份，甲方执__份，乙方执__份，具有同等法律效力。

АРБИТРАЖНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
450057, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 63а, тел. (347) 272-13-89,
факс (347) 272-27-40, сервис для подачи документов в электронном виде: <http://my.arbitr.ru>
сайт <http://ufa.arbitr.ru/>

Именем Российской Федерации

РЕШЕНИЕ

г. Уфа

Дело № А07-13168/2020

26 октября 2020 года

Арбитражный суд Республики Башкортостан в составе судьи Напольской Н.Е., при ведении протокола секретарем судебного заседания Ганиевой Р.Р., рассмотрел в судебном заседании дело по исковому заявлению (заявлению)

Общества с ограниченной ответственностью «Газпром межрегионгаз Уфа» (ИНН 0276046524, ОГРН 1020202854979)

к Обществу с ограниченной ответственностью «Теплосеть» (ИНН 0254013839, ОГРН 1130280059832)

о взыскании задолженности по договору поставки газа № 67592 от 28.08.2017 за период февраль-апрель 2018 года в размере 15 251 709,66 руб., неустойки в размере 178 866,80 руб. за период с 19.03.2020 по 10.06.2020

при участии в судебном заседании:

от истца: не явились, ходатайство о рассмотрении спора без участия представителя

от ответчика: Лаптев В.С. по доверенности от 09.01.2020, нотариальная копия диплома

Общество с ограниченной ответственностью "Газпром Межрегионгаз Уфа" обратилось в Арбитражный суд Республики Башкортостан к Обществу с ограниченной ответственностью «Теплосеть» (ИНН 0254013839, ОГРН 1130280059832) о взыскании задолженности по договору поставки газа № 67592 от 28.08.2017 за период февраль-апрель 2020 года в размере 15 251 709,66 руб., неустойки в размере 178 866,80 руб. за период с 19.03.2020 по 10.06.2020.

20.08.2020 от ответчика в соответствии со ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации поступило ходатайство об уточнении размера исковых требований, просит взыскать с ответчика задолженность по договору в размере 15 568 687 руб. 53 коп. за период февраль 2020 - май 2020 года, неустойку в размере 425 109 руб. 20 коп. за

период с 19.03.2020 по 18.08.2020, судебные расходы по уплате государственной пошлины, приложены акты приема-передачи за май 2020 года.

Уточнения судом приняты, дело рассматривается с учетом уточнений.

20.08.2020 от ответчика поступило ходатайство об ознакомлении с материалами дела.

Представитель истца исковые требования с учетом уточнения поддерживает.

Ответчик в судебном заседании факт оказания услуг не отрицал, заявил ходатайство о снижении неустойки, пояснил, что несвоевременная оплата вызвана несвоевременной оплатой со стороны потребителей.

Поскольку в рассматриваемом случае суд обладает сведениями о надлежащем извещении сторон о месте и времени судебного заседания, дело рассмотрено в отсутствие названного участника арбитражного процесса по имеющимся в материалах дела доказательствам на основании частей 1 и 3 статьи 156 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Изучив материалы дела, выслушав представителя истца, суд

УСТАНОВИЛ:

Как следует из материалов дела, между ООО «Газпром межрегионгаз Уфа» (поставщик) и Обществом с ограниченной ответственностью «Теплосеть» (ИНН 0254013839, ОГРН 1130280059832) (покупатель) заключен договор поставки газа № 67592 от 28.08.2017, согласно которому поставщик обязуется поставлять покупателю газ горючий (природный и/или нефтяной (попутный) и/или сухой отбензиненный, и/или газ из газоконденсатных месторождений), а покупатель обязуется принимать (отбирать) газ в согласованных объемах и оплачивать поставляемый газ.

В соответствии с п. 5.5 договора оплата за газ производится ежемесячно до 18 числа месяца, следующего за месяцем поставки газа.

Согласно п. 5.6 договора в случае несвоевременной и неполной оплаты газа покупатель уплачивает поставщику законную неустойку в размере, установленном ст. 25 Федерального закона № 69-ФЗ от 31.03.1999г. «О газоснабжении в Российской Федерации».

Договор заключен на срок с 01.01.2018 по 31.12.2027, а в части исполнения обязательств по оплате согласно п. 5.5, 5.6 договора - до полного исполнения сторонами (п. 8.1 договора).

15.11.2019 к договору подписано дополнительное соглашение (л. д. 29).

Истец во исполнение условий договора поставил ответчику газ, однако ответчиком обязательства по оплате исполнены ненадлежащим образом, газ, поставленный в феврале - мае 2020 года, не оплачен в установленные сроки в полном объеме, в связи с чем истец обратился в арбитражный суд с рассматриваемым иском.

В соответствии с п. 1 статьи 168 АПК РФ при принятии решения арбитражный суд оценивает доказательства и доводы, приведенные лицами, участвующими в деле, в обоснование своих требований и возражений; определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, какие законы и иные нормативные правовые акты следует применить по данному делу; устанавливает права и обязанности лиц, участвующих в деле; решает, подлежит ли иск удовлетворению.

Выслушав пояснения представителя истца, исследовав материалы дела, оценив в соответствии с требованиями ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в совокупности все имеющиеся в деле доказательства, суд считает, что исковые требования подлежат удовлетворению.

Согласно разъяснениям п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 57 от 23.07.2009 года «О некоторых процессуальных вопросах практики рассмотрения дел, связанных с неисполнением либо ненадлежащим исполнением договорных обязательств» арбитражный суд независимо от заявления участвующими в деле лицами возражений должен оценить обстоятельства, свидетельствующие о заключенности и действительности договоров.

Поскольку исследуемый договор с приложениями содержит все существенные условия договора, по которым сторонами достигнуто соглашение, соответствует требованиям закона к форме и содержанию и подписан сторонами, у суда не имеется оснований для вывода о том, что данный договор является незаключенным или недействительным.

Доводов о незаключенности или недействительности договора сторонами при рассмотрении спора заявлено не было.

Проанализировав условия договор поставки газа № 67592 от 28.08.2017 в порядке статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации, суд пришел к выводу, что данный договор по своей правовой природе относится к договорам, правоотношения сторон по которым регулируются нормами параграфа 6 главы 30 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Согласно статье 539 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору электроснабжения энергоснабжающая организация обязуется подавать абоненту (потребителю) через присоединенную сеть энергию, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, а также соблюдать предусмотренный договором режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации находящихся в его ведении энергетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования, связанных с потреблением энергии.

Согласно статье 541 Гражданского кодекса Российской Федерации энергоснабжающая организация обязана подавать абоненту энергию через присоединенную сеть в количестве, предусмотренном договором энергоснабжения.

По правилам статьи 544 Гражданского кодекса Российской Федерации оплата энергии производится за фактически принятое количество энергии в соответствии с данными учета энергии, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или соглашением сторон.

В соответствии с положениями статьи 548 Гражданского кодекса Российской Федерации, к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть газом, нефтью и нефтепродуктами, водой и другими товарами, правила о договоре энергоснабжения (статьи 539 - 547) применяются, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не вытекает из существа обязательства

Согласно статьям 309, 310 Гражданского кодекса Российской Федерации обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями. Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Согласно статье 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации обязанность доказывания обстоятельств дела возложена на лицо, которое ссылается на эти обстоятельства, как на основании своих требований и возражений.

Обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований (п. 3.1 ст. 70 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Факт поставки истцом ответчику в спорный период газа подтвержден представленными в материалы дела актами приема-передачи газа с приложениями (л. д. 30 - 36, 38 - 41, 49 - 50). Данные акты подписаны сторонами электронно без замечаний и претензий. При этом ответчик возражений относительно суммы задолженности за спорный период не высказал, равно как и возражений относительно количества, качества и объема поставленного ресурса.

Таким образом, с учетом имеющихся в материалах дела доказательств и пояснений сторон суд считает, что требования истца о взыскании с ответчика задолженности в сумме 15 568 687,53 руб. по договору поставки газа № 67592 от 28.08.2017 за февраль - май 2020 года являются обоснованными и подлежат удовлетворению.

Истцом также заявлено требование о взыскании неустойки в сумме 425 109,20 руб. за период с 19.03.2020 по 18.08.2020 (с учетом уточнений исковых требований).

Согласно п. 5.6 договора и статьи 25 Федерального закона от 31.03.1999 года № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» управляющие организации, приобретающие газ для целей предоставления коммунальных услуг, теплоснабжающие организации (единые теплоснабжающие организации) в случае несвоевременной и (или) неполной оплаты газа уплачивают поставщику пени в размере одной трехсотой [ставки](#) рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки начиная со дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты, произведенной в течение шестидесяти календарных дней со дня наступления установленного срока оплаты, либо до истечения шестидесяти календарных дней после дня наступления установленного срока оплаты, если в шестидесятидневный срок оплата не произведена. Начиная с шестидесяти первого дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты, произведенной в течение девяноста календарных дней со дня наступления установленного срока оплаты, либо до истечения девяноста календарных дней после дня наступления установленного срока оплаты, если в девяностодневный срок оплата не произведена, пени уплачиваются в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки. Начиная с девяноста первого дня, следующего за днем наступления установленного срока оплаты, по день фактической оплаты пени уплачиваются в размере одной стотридцатой ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации, действующей на день фактической оплаты, от не выплаченной в срок суммы за каждый день просрочки.

Согласно Указанию Банка России от 11.12.2015 года № 3894-У «О ставке рефинансирования Банка России и ключевой ставке Банка России» с 1 января 2016 года значение ставки рефинансирования Банка России приравнивается к значению ключевой ставки Банка России, определенному на соответствующую дату. С 1 января 2016 года Банком России не устанавливается самостоятельное значение ставки рефинансирования Банка России.

В соответствии с актуальной информацией Банка России ключевая ставка на момент вынесения решения составляет 4,25 %, неустойка рассчитана истцом исходя из данной ставки.

В силу статей 330, 331 Гражданского кодекса Российской Федерации исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, которую должник обязан уплатить кредитору в случае ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения. Неустойка – это акцессорное (дополнительное) требование к основному обязательству.

В соответствии с требованиями статьи 330 Гражданского кодекса Российской Федерации под неустойкой признается определенная законом

или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору, в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, при просрочке исполнения.

В данном случае истцом заявлена к взысканию неустойка, установленная статьей 25 Федерального закона от 31.03.1999 года № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации».

Правила [статьи 333](#) Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривают право суда уменьшить подлежащую уплате неустойку в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства.

Учитывая компенсационный характер гражданско-правовой ответственности, под соразмерностью суммы неустойки последствиям нарушения обязательства [Кодекс](#) предполагает выплату кредитору такой компенсации его потерь, которая будет адекватна и соизмерима с нарушенным интересом.

Степень соразмерности заявленной истцом неустойки последствиям нарушения обязательства является оценочной категорией, в силу чего суд вправе дать оценку указанному критерию исходя из своего внутреннего убеждения и обстоятельств конкретного дела ([статья 71](#) Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Согласно [пунктам 69, 71, 73, 75](#) Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 № 7 "О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств" подлежащая уплате неустойка, установленная законом или договором, в случае ее явной несоразмерности последствиям нарушения обязательства, может быть уменьшена в судебном порядке ([пункт 1 статьи 333](#) ГК РФ). Если должником является коммерческая организация, снижение неустойки судом допускается только по обоснованному заявлению такого должника, которое может быть сделано в любой форме ([пункт 1 статьи 2, пункт 1 статьи 6, пункт 1 статьи 333](#) ГК РФ).

При оценке соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства необходимо учитывать, что никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения, а также то, что неправомерное пользование чужими денежными средствами не должно быть более выгодным для должника, чем условия правомерного пользования ([пункты 3, 4 статьи 1](#) ГК РФ).

Доказательствами обоснованности размера неустойки могут служить, в частности, данные о среднем размере платы по краткосрочным кредитам на пополнение оборотных средств, выдаваемым кредитными организациями лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, либо платы по краткосрочным кредитам, выдаваемым физическим лицам, в месте нахождения кредитора в период нарушения обязательства, а также о показателях инфляции за соответствующий период.

Критериями для установления несоразмерности могут быть чрезмерно высокий процент неустойки, значительное превышение размера неустойки над суммой возможных убытков, вызванных нарушением обязательства.

В п. 77 названного постановления Пленума ВС РФ также разъяснено, что снижение размера договорной неустойки, подлежащей уплате коммерческой организацией, нарушившей обязательство при осуществлении ею приносящей доход деятельности, допускается в исключительных случаях, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства и может повлечь получение кредитором необоснованной выгоды (пункты 1 и 2 статьи 333 ГК РФ).

В соответствии со статьей 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 21.12.2000 N 263-О, гражданское законодательство предусматривает неустойку в качестве способа обеспечения исполнения обязательств и меры имущественной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, а право снижения неустойки предоставлено суду в целях устранения явной ее несоразмерности последствиям нарушения обязательств. Предоставленная суду возможность снижать размер неустойки в случае ее чрезмерности по сравнению с последствиями нарушения обязательств является одним из правовых способов, предусмотренных в законе, которые направлены против злоупотребления правом свободного определения размера неустойки, т.е., по существу, на реализацию требования статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, согласно которой осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Таким образом, целью применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации является установление баланса интересов, при котором взыскиваемая пеня, имеющая компенсационный характер, будет являться мерой ответственности для должника, а не мерой наказания.

Суд отмечает, что по смыслу статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации уменьшение неустойки является правом суда, и наличие оснований для ее снижения и размер подлежащей взысканию неустойки в результате ее снижения определяются судом в каждом конкретном случае самостоятельно, по своему внутреннему убеждению, исходя из собранных по делу доказательств.

В обоснование ходатайства о неприменении неустойки ответчиком не представлены доказательства ее чрезмерности, наличие каких-либо исключительных обстоятельств ответчиком также не доказано, документального обоснования не приведено. В данном случае истцом заявлена законная неустойка, размер ставки, по которой она рассчитана,

является минимальным. При этом мораторий на начисление неустойки, введенный нормативными правовыми актами в связи с распространением коронавирусной инфекции, на ответчика не распространяется.

При таких обстоятельствах суд не находит правовых оснований для удовлетворения ходатайства ответчика и для неприменения законной неустойки.

В силу части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны.

В связи с увеличением истцом размера исковых требований с ответчика 2 816 руб.

Руководствуясь ст. ст. 49, 110, 167-170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, арбитражный суд

РЕШИЛ:

Исковые требования Общества с ограниченной ответственностью «Газпром межрегионгаз Уфа» (ИНН: 0276046524, ОГРН: 1020202854979) удовлетворить.

Взыскать с Общества с ограниченной ответственностью «Теплосеть» (ИНН 0254013839, ОГРН 1130280059832) в пользу общества с ограниченной ответственностью «Газпром межрегионгаз Уфа» (ИНН: 0276046524, ОГРН: 1020202854979) задолженность по договору поставки газа № 67592 от 28.08.2017 за период февраль-май 2020 года в размере 15 568 687 руб. 53 коп. неустойку в размере 425 109 руб. 20 коп. за период с 19.03.2020 по 18.08.2020, судебные расходы по уплате государственной пошлины в размере 100 153 руб.

Взыскать с Общества с ограниченной ответственностью «Теплосеть» (ИНН 0254013839, ОГРН 1130280059832) в доход федерального бюджета 2 816 руб. государственной пошлины.

Исполнительный лист выдать по заявлению взыскателя после вступления решения в законную силу.

Решение вступает в законную силу по истечении месячного срока со дня его принятия, если не подана апелляционная жалоба. В случае подачи апелляционной жалобы решение, если оно не отменено и не изменено, вступает в законную силу со дня принятия постановления арбитражного суда апелляционной инстанции.

Решение может быть обжаловано в Восемнадцатый арбитражный апелляционный суд в течение месяца со дня принятия решения (изготовления его в полном объеме) через Арбитражный суд Республики Башкортостан.

Если иное не предусмотрено Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, решение может быть обжаловано в Арбитражный суд Уральского округа при условии, что оно было предметом рассмотрения

арбитражного суда апелляционной инстанции или суд апелляционной инстанции отказал в восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы.

Информацию о времени, месте и результатах рассмотрения апелляционной или кассационной жалобы можно получить соответственно на Интернет-сайтах Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда www.18aas.arbitr.ru или Арбитражного суда Уральского округа www.fasuo.arbitr.ru.

Судья

Н.Е. Напольская

АРБИТРАЖНЫЙ СУД КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р Е Ш Е Н И Е

30 ноября 2021 года

Дело № А33-29065/2018

Красноярск

Резолютивная часть решения объявлена в судебном заседании 30.11.2021.
В полном объеме решение изготовлено 30.11.2021.

Арбитражный суд Красноярского края в составе судьи Мальцевой А.Н., рассмотрев в судебном заседании дело по иску муниципального предприятия Эвенкийского муниципального района «Илимпейские теплосети» (ИНН 8801011048, ОГРН 1028800000767, Красноярский край, п. Тура) к Государственному предприятию Красноярского края «Центр развития коммунального комплекса» (ИНН 2460050766, ОГРН 1022401802136, г. Красноярск) об обязанности к исполнению договора,

при участии в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне истца:

-муниципальное предприятие Эвенкийского муниципального района «Эвенкиянефтепродукт» (ИНН 8801010728, ОГРН 1028800004386, Красноярский край, п. Тура);

-общество с ограниченной ответственностью «ТрансТрейд» (ИНН 2464239258, ОГРН 1112468070770, г. Красноярск),

в присутствии в судебном заседании:

от ответчика: Рыбка Н.Ю., действующая на основании доверенности №215 от 30.09.2021, личность удостоверена паспортом,

от ответчика: Киреев П.Д., представитель по доверенности № 4 от 20.01.2019, личность удостоверена удостоверением адвоката,

от истца: Рублевская Т.В., действующая на основании доверенности от 30.12.2020, личность удостоверена паспортом,

в отсутствие третьих лиц,

при ведении протокола судебного заседания секретарем судебного заседания Цысарь А.В.,

установил:

муниципальное предприятие Эвенкийского муниципального района «Илимпейские теплосети» (далее – истец) обратилось в Арбитражный суд Красноярского края с иском к Государственному предприятию Красноярского края «Центр развития коммунального комплекса» (далее – ответчик) об обязанности осуществить замену нефтепродукта в объеме 4 321,859 тонн, не соответствующего заявленному качеству на нефть в объеме 4 321,859 тонн надлежащего качества в соответствии с условиями заключенного контракта на поставку, хранение и отпуск сырой нефти от 20.02.2018 №7/ЭА/02/18 (далее – контракт).

Исковое заявление принято к производству суда. Определением от 19.10.2018 возбуждено производство по делу.

Определением от 11.12.2018 к участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, на стороне истца привлечены

муниципальное предприятие Эвенкийского муниципального района «Эвенкиянефтепродукт» и общество с ограниченной ответственностью «ТрансТрейд».

...

На основании пункта 3.12. контракта продукция считается принятой заказчиком по качеству в соответствии с условиями контракта, если в течение 10 (десяти) дней со дня отпуска продукции заказчик письменно не предъявит поставщику требований по качеству (претензии). Приемка заказчиком продукции по качеству должна производиться в соответствии с Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству, утвержденной Постановлением Госарбитража СССР 25.04.66 №П-7 (в ред. Постановлений Госарбитража СССР от 29.12.73 №81, с изм. от 14.11.74 №98, от 20.10.97 №18).

В пункте 3.13 контракта указано, что отбор проб нефти для проведения лабораторных испытаний проводится по усмотрению заказчика после отгрузки товара в автоцистерны. Отбор проб и составление акта отбора проб осуществляется в присутствии представителя поставщика в соответствии с ГОСТ 2517 "Нефть и нефтепродукты. Методы отбора проб" из опломбированной, не имеющей доступа к грузу (кроме верхнего заливного люка) автоцистерны. Заказчик уведомляет поставщика (его представителя) о необходимости произвести отбор проб нефти для проведения лабораторных испытаний за 3 (три) часа до начала отбора проб путем телефонограммы (или телефаксом, электронным письмом). В случае неявки представителя поставщика на процедуру отбора проб, заказчик осуществляет данную процедуру самостоятельно с составлением соответствующего акта, в котором делается пометка об отсутствии надлежащим образом уведомленного поставщика (его представителя).

На основании пункта 3.14, 3.15 контракта заказчик вправе предъявить поставщику требования по качеству, если факт несоответствия качества продукции подтвержден независимой экспертной организацией. 3.15. В случае обнаружения несоответствия поставленного товара по качеству заказчик в течение 12 часов уведомляет поставщика телефонограммой (факсом, письмом по электронной почте) о возникшей ситуации и необходимости прибыть на склад Заказчика в течение 1 (одного) дня с момента получения соответствующего уведомления.

По факту обнаружения несоответствия товара по качеству составляется акт, который подписывают представители заказчика и поставщика. При отсутствии поставщика (его представителя) более 1 (одного) дня с момента его уведомления в соответствии с п. 3.15. настоящего контракта или отказе его уполномоченного представителя от подписания акта, такой акт составляется заказчиком и считается принятым поставщиком (пункт 3.16 контракта).

На основании пункта 3.17 контракта партия товара ненадлежащего качества подлежит замене не позднее трех суток с момента составления и подписания акта, указанного в п. 3.16 контракта, товаром надлежащего качества с обязательным приложением сертификата (паспорта) качества (протокола испытания проб нефти).

21.02.2018 между Государственным предприятием Красноярского края «Центр развития коммунального комплекса» и ООО «ТрансТрейд» заключен договор на поставку, хранение и отпуск сырой нефти № 31806142450 в объеме 12500 тонн до 30.06.2018.

Между муниципальным предприятием Эвенкийского муниципального района «Эвенкиянефтепродукт» и Государственным предприятием Красноярского края «Центр развития коммунального комплекса» заключен договор на оказание услуг по хранению и отпуску с хранения нефти сырой № 302ТХР от 03.10.2018, № 288ТХР от 10.09.2018.

25.06.2018 сторонами подписан акт поставки товара, согласно которому товар размещен на хранение в резервуарах РВС 1000 32,23,30,26,31,29,25,21,42,39,41,40, в резервуарах РВС 2000 № 40 МП ЭМР «ЭНП» в целях последующего выбора нефти заказчиком.

07.09.2018 составлен акт несоответствия качества нефти сырой доставленной в п. Тура по контракту комиссий в составе главного инженера, теплоэнергетика и начальника ПТО МП ЭМР «Илимпейские теплосети», директора ГП КК «ЦРКК», согласно которому

выявлены несоответствия показателей сырой нефти по качеству с техническим заданием в ёмкостях №№ 23,26,30,31,32 в объеме 4 321,859 тонн. Акт директором ГП КК «ЦРКК» не подписан, указано о несоответствии отбора проб ГОСТу 2517-2012, с актом директор ГП КК «ЦРКК» не согласен.

В подтверждение несоответствия качества нефти представлены результаты исследований АО «Сибирский инженерно-аналитический центр» и ФБУ «Государственный региональный центр стандартизации, метрологии и испытаний в Красноярском крае» от 05.07.2018, 10.07.2018, 23.08.2018.

Истец пояснил, что на 25.12.2018 нефть не соответствующая качеству находится в емкостях №№ 23,23,32 в количестве 3 442,654 тонны, представлен акт замеров остатков нефти в емкостях от 26.12.2018.

12.08.2018 истец направил ответчику претензию исх. 1464 о несоответствии качества поставленной нефти.

17.10.2018 исх. № 1796 истец повторно потребовал перепоставки товара.

В связи с тем, что претензия оставлена без удовлетворения истец обратился в суд с настоящим иском.

Ответчик представил отзыв, указав следующее:

- приемка нефти по качеству и отбор проб проведены истцом с нарушением требований установленных контрактом и инструкцией о порядке приемки продукции утверждённой Постановлением Госарбитража СССР 25.04.66 № П-7 и ГОСТ 2517 «Нефть и нефтепродукты. Методы отбора проб» - уполномоченный представитель поставщика не участвовал; возможности контроля за соблюдением технологии отбора не представлено; установленные стандартами требования к отбору, опечатыванию, хранению образцов не соблюдались. Акт несоответствия качества нефти директором ГП КК «ЦРКК» не подписан;

- нефть в порядке, установленном пунктами 2.7, 2.8, 3.2 контракта истцу не передавалась, товарно-транспортная накладная не подписана;

- существенных нарушений требований к качеству продукта не имеется; техническим заданием требований к температуре замерзания нефти не установлено контрактом;

- используемые технологии и техническое состояние оборудования не позволили при экстремальных температурах отгружать нефть, что не подтверждает несоответствие качества нефти;

- объем в 4 321,98 тонн не подтвержден истцом, достоверных сведений об остатках нефти не представлено.

Исследовав представленные доказательства, оценив доводы лиц, участвующих в деле, арбитражный суд пришел к следующим выводам.

Отношения сторон возникли из контракта и регулируются положениями параграфов 1 и 3 главы 30 ГК РФ, а также являются предметом правового регулирования Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон о контрактной системе).

Согласно части 2 статьи 525 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) к отношениям по поставке товаров для государственных или муниципальных нужд применяются правила о договоре поставки (статьи 506 - 522), если иное не предусмотрено правилами настоящего Кодекса.

В соответствии со статьей 516 ГК РФ покупатель оплачивает поставляемые товары с соблюдением порядка и формы расчетов, предусмотренных договором поставки. Если договором поставки предусмотрено, что оплата товаров осуществляется получателем (плательщиком) и последний неосновательно отказался от оплаты либо не оплатил товары в установленный договором срок, поставщик вправе потребовать оплаты поставленных товаров от покупателя.

12.08.2018 истец направил ответчику претензию исх. 1464 о несоответствии качества поставленной нефти.

Ответчик указал, что существенных нарушений требований к качеству продукта не имеется; техническим заданием требований к температуре замерзания нефти не установлено контрактом.

Между сторонами возник спор относительно качества поставленного товара.

Судом назначена экспертиза для разрешения вопросов, требующих специальных познаний.

Определением от 25.06.2021 назначена экспертиза, проведение экспертизы поручено экспертам ФБУ «Красноярский ЦСМ» (ИНН 2464019742, 660064, г. Красноярск, ул. Вавилова, д. 1А): Боос Алексею Викторовичу, Пенскому Евгению Анатольевичу. Перед экспертами поставлены следующие вопросы:

1. Являются ли представленные образцы нефтью или нефтепродуктом?

2. Каковы характеристики и потребительские свойства нефти, находящейся на хранении у муниципального предприятия Эвенкийского муниципального района «Эвенкиянефтепродукт» в емкостях 26, 29, 32:

- массовая доля серы;
- плотность нефти при температуре 20 градусов;
- выход фракций при температуре 200 градусов;
- выход фракций при температуре 300 градусов;
- массовая доля парафина;
- массовая доля воды;
- концентрация хлористых солей;
- массовая доля механических примесей;
- массовой доля сероводорода;
- низшая теплота сгорания;
- температура застывания;
- оценить степень влияния показателей плотности нефти сырой на индекс ее вязкости.

Установить показатель относительной вязкости исследуемых образцов нефти сырой.

3. К какому типу относится нефть по плотности, выходу фракций и массовой доле парафинов?

4. К какому типу по свойствам плотности относится данный вид нефти?

5. К какому классу по количеству в нефти серы, относится данный вид?

6. Каков объем нефтепродуктов в емкостях №№ 29, 26, 32?

7. Температура застывания образцов, период времени, в течение которого застывает образец и наоборот приобретает жидкое состояние?

8. Температура фильтруемости образцов?

9. При каких отрицательных температурах наружного воздуха можно осуществлять перекачку данной нефти, из наружных резервуаров по трубопроводам, для ее дальнейшей выдачи с нефтебазы хранения?

10. Соответствуют ли образцы, взятые из емкостей 26, 29, 32 требованиям, изложенным в Техническом задании к Контракту на поставку, хранение и отпуск сырой нефти №7/ЭА/02/18 от 20.02.2018? если нет, то указать объем вещества, несоответствующего техническому заданию? Возможно ли использование образцов для сжигания на котельных установках при имеющемся техническом состоянии котельных установок и климатических условиях места нахождения котельных?

11. Возможно ли изменение свойств и характеристик нефти сырой, предусмотренной Техническим заданием к Контракту на поставку, хранение и отпуск сырой нефти №7/ЭА/02/18 от 20.02.2018 вследствие ее смешения в емкостях хранения с иными посторонними жидкостями (веществами), помещенными в данные емкости в качестве «взлива» (зеркала), согласно актов замеров резервуарного берега от 25.06.2018 по резервуарам №№ 23, 26, 32? Могло ли повлиять перемещение нефти из резервуара № 23 в резервуар № 29 на свойство нефти с учетом данных, указанных в акте снятия фактических остатков от 20.30.2019, акте готовности резервуара к зачистным работам 20.03.2019. Какие

характеристики и каким образом могли бы поменяться: массовая доля серы; плотность нефти при температуре 20 градусов; выход фракций при температуре 200 градусов; выход фракций при температуре 300 градусов; массовая доля парафина; массовая доля воды; концентрация хлористых солей; массовая доля механических примесей; массовой доля сероводорода; низшая теплота сгорания; температура застывания;

12. Соответствуют ли показатели, указанные в актах замеров резервуарных берегов от 25.06.2018, требованиям, которые предъявляются к качеству зачистки согласно Госту 1510-84.

13. Возможно ли сжигание нефти сырой, с учетом установленных судебной экспертизой ее физико-химических характеристик для сжигания в котельных истца в п. Тура на топливном оборудовании истца (Weishaupt RMS70/1-A, Weishaupt RL70/2-A, Riello ER-9, Riello DB-9) при должном техническом состоянии оборудования и соблюдении технологии сжигания нефти, установленной производителем указанных горелок?

14. При положительном ответе на вопрос указать требуется ли для этого соблюдение каких-либо дополнительных или предусмотренных технической документацией, но не реализованных ответчиком технических и технологических условий эксплуатации топливного оборудования?

15. Какие из характеристик и свойств нефти сырой, указанных в приложении № 1 к Контракту № 7/ЭА/02/18 от 20.02.2018г., являются существенными в целях ее дальнейшего возможного использования для сжигания на котельных установках?

16. Оценить степень влияния показателей плотности нефти сырой на индекс ее вязкости. Установить показатель относительной вязкости исследуемых образцов нефти сырой.

17. установить температуру фактического застывания нефти сырой, поставленной по Контракту № 7/Э А/02/18 от 20.02.2018г.

В материалы дела представлено экспертное заключение, экспертом сделаны следующие выводы:

1. Являются ли представленные образцы нефтью или нефтепродуктом?

В соответствии с проведенными исследованиями установлено, что представленные образцы являются нефтью, прошедшей подготовку после добычи (отсутствие воды и мех. примесей). Образец 1 (резервуар № 32) - «2.4.1.1 ГОСТ Р 51858-2002»; Образец 2 (резервуар № 29) - «2.4.1.1 ГОСТ Р 51858-2002»; Образец 3 (резервуар № 26) - «2.4.1.1 ГОСТ Р 51858-2002».

2. Каковы характеристики и потребительские свойства нефти, находящейся на хранении у муниципального предприятия Эвенкийского муниципального района «Эвенкиянефтепродукт» в емкостях 26,29,32:

- массовая доля серы,
- плотность нефти при температуре 20 °С,
- выход фракций при температуре 200 °С,
- выход фракций при температуре 300 °С,
- массовая доля парафина,
- массовая доля воды,
- концентрация хлористых солей,
- массовая доля механических примесей,
- массовая доля сероводорода,
- низшая теплота сгорания,
- температура застывания,

-оценить степень влияния показателей плотности нефти сырой на индекс ее вязкости.

Представлена таблица.

Основная закономерность - это увеличение вязкости с возрастанием молекулярного веса фракций. Чем нефть тяжелее, тем, соответственно, больше в ее составе тяжелых фракций, и тем выше ее вязкость.

...

В соответствии со статьей 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме.

Согласно статье 86 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают письменное заключение и подписывают его.

Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Требования к содержанию заключения эксперта установлены статьей 25 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», согласно которой в заключении эксперта должны быть отражены, в том числе: содержание и результаты исследований с указанием примененных методов; оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

С учетом требований изложенных выше норм права надлежащим образом выполненное экспертное заключение должно содержать подробное описание проведенных исследований, сделанные в результате этих исследований выводы и ответы на поставленные арбитражным судом вопросы.

Суд, оценив заключение экспертизы, установил, что оно соответствует требованиям статьи 86 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Указанное экспертное заключение является ясным и полным, выводы, изложенные в заключении, носят категоричный характер и не являются противоречивыми, какие-либо сомнения в обоснованности заключения экспертов у суда отсутствуют.

Стороны возражений против экспертного заключения не представили.

В силу пункта 5 статьи 454 Гражданского кодекса Российской Федерации поставка товаров относится к отдельным видам договора купли-продажи, к правоотношениям по поставке товаров применяются положения, предусмотренные настоящим параграфом, если иное не предусмотрено правилами настоящего Кодекса об этих видах договоров.

Пунктом 1 статьи 456 Кодекса предусмотрено, что продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором купли-продажи.

Согласно части 1 статьи 476 Гражданского кодекса Российской Федерации продавец отвечает за недостатки товара, если покупатель докажет, что недостатки товара возникли до его передачи покупателю или по причинам, возникшим до этого момента.

В силу пункта 1 статьи 518 Гражданского кодекса Российской Федерации покупатель (получатель), которому поставлены товары ненадлежащего качества, вправе предъявить поставщику требования, предусмотренные статьей 475 Гражданского кодекса Российской Федерации, за исключением случая, когда поставщик, получивший уведомление покупателя о недостатках поставленных товаров, без промедления заменит поставленные товары товарами надлежащего качества.

РЕШИЛ:

исковые требования удовлетворить частично.

Обязать Государственное предприятие Красноярского края «Центр развития коммунального комплекса» (ИНН 2460050766, ОГРН 1022401802136) осуществить перепоставку нефти по контракту на поставку, хранение и отпуск сырой нефти от 20.02.2018 №7/ЭА/02/18 с муниципальным предприятием Эвенкийского муниципального района «Илимпийские теплосети» в объеме 3373,145 тонн в течение 60 дней с момента вступления решения в законную силу.

В остальной части исковых требований отказать.

Взыскать с Государственного предприятия Красноярского края «Центр развития коммунального комплекса» (ИНН 2460050766, ОГРН 1022401802136) в пользу муниципального предприятия Эвенкийского муниципального района «Илимпийские теплосети» (ИНН 8801011048, ОГРН 102880000767) 6 000 руб. расходов по оплате государственной пошлины, 185 000 руб. расходов за проведение экспертизы.

Разъяснить лицам, участвующим в деле, что настоящее решение может быть обжаловано в течение месяца после его принятия путём подачи апелляционной жалобы в Третий арбитражный апелляционный суд через Арбитражный суд Красноярского края.

Судья

А.Н. Мальцева

2162000295196

ШЕСТНАДЦАТЫЙ АРБИТРАЖНЫЙ АПЕЛЛЯЦИОННЫЙ СУД
ул. Вокзальная, 2, г. Ессентуки, Ставропольский край, 357600, тел. (87934) 6-09-16,
факс: (87934) 6-09-14, e-mail: info@16aas.arbitr.ru

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Ессентуки

Дело № А63-12893/2020

Резолютивная часть постановления объявлена 02.06.2021

Постановление изготовлено в полном объеме 09.06.2021

Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд в составе судьи Токаревой М.В., при ведении протокола судебного заседания секретарем судебного заседания Наниковым Д.А., в отсутствие истца – общества с ограниченной ответственностью «Сталь Трейд» (г. Таганрог, ИНН 6154105170, ОГРН 1066154102013), ответчика – публичного акционерного общества «Россети Северный Кавказ» (г. Пятигорск, ИНН 2632082033, ОГРН 1062632029778), рассмотрев в открытом судебном заседании апелляционную жалобу публичного акционерного общества «Россети Северный Кавказ» на определение Арбитражного суда Ставропольского края от 29.03.2021 по делу № А63-12893/2020,

УСТАНОВИЛ :

общество с ограниченной ответственностью «Сталь Трейд» (далее – ООО «Сталь Трейд», общество, истец) обратилось в Арбитражный суд Ставропольского края с иском заявлением к публичному акционерному обществу «Россети Северный Кавказ» (далее – ПАО «Россети Северный Кавказ», компания, ответчик) о взыскании 562 530 руб. задолженности по договору поставки № 92127 от 19.05.2020, 133 руб. почтовых расходов.

В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – Кодекс) дело рассмотрено в порядке упрощенного производства.

Решением суда от 24.11.2020 исковые требования удовлетворены: с ПАО «Россети Северный Кавказ» в пользу ООО «Сталь Трейд» взысканы 562 530 руб. задолженности по

...

Кроме того, сложность дела является лишь одним из критериев оценки при определении размера судебных расходов, подлежащих взысканию с истца в пользу ответчика (пункт 20 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.08.2004 № 82), а не определяющим условием рассмотрения заявления о взыскании судебных расходов.

Субъективное мнение проигравшей в споре стороны о степени сложности дела не может быть само по себе положено в опровержение неразумности понесенных расходов на юридические услуги.

Иных содержательных доводов, требующих правовой оценки, апелляционная жалоба не содержит.

Суд апелляционной инстанции не находит оснований для переоценки выводов суда первой инстанции относительно суммы взысканных расходов на оплату услуг представителя, ввиду чего оснований для отмены или изменения определения суда первой инстанции по приведенным в апелляционной жалобе доводам не имеется.

Положениями подпункта 12 пункта 1 статьи 333.21 Налогового кодекса Российской Федерации уплата государственной пошлины за подачу апелляционной жалобы на определение о взыскании судебных расходов не предусмотрена.

Нарушения процессуальных норм, влекущие отмену судебного акта (часть 4 статьи 270 Кодекса), не установлены.

Руководствуясь статьями 266, 268, 271, 272, 275 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Шестнадцатый арбитражный апелляционный суд

ПОСТАНОВИЛ:

определение Арбитражного суда Ставропольского края от 29.03.2021 по делу № А63-12893/2020 оставить без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения.

Постановление вступает в законную силу со дня его принятия и может быть обжаловано в течение месяца со дня изготовления в полном объеме в Арбитражный суд Северо-Кавказского округа. Кассационная жалоба подается через арбитражный суд первой инстанции.

Судья

М.В. Токарева

Электронная подпись действительна. Данные ЭП: Удостоверяющий центр ФГБУ ИАЦ Судебного департамента Дата 25.11.2020 11:52:18 Кому выдана Токарева Марина Владимировна
--

АРБИТРАЖНЫЙ СУД СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ**Именем Российской Федерации****РЕШЕНИЕ**г. Екатеринбург
02 марта 2009 года

Дело №А60-40673/2008-С2

...Между истцом (покупателем) и ответчиком (поставщиком) подписан договор поставки от 13.10.2005 г. № 139, согласно условиям которого поставщик обязуется по заданию покупателя изготовить и поставить, а покупатель принять и оплатить продукцию в количестве и номенклатуре в соответствии со спецификацией (приложение № 1). На момент подписания договора приложением № 1 предусмотрены только наименования товаров без указания их количества. Наименования и количество товаров предусмотрены в дополнительном соглашении № 2 от 21.09.2006 г., сумма всех товаров составляет 728393 руб. 94 коп. Таким образом, согласно ст. ст. 454, 455 Гражданского кодекса Российской Федерации договор поставки от 13.10.2005 г. № 139 является заключенным с 21.09.2006 г. на сумму 728393 руб. 94 коп. Ни одна из товарных накладных, представленных истцом в качестве доказательства исполнения условий этого договора, не содержит указания на договор от 13.10.2005 г. № 139 и дополнительное соглашение от 21.09.2006 г., Следовательно, все представленные в материалы дела товарные накладные подтверждают совершение между истцом и ответчиком разовых сделок поставки товаров (ст. ст. 454, 455, 506 ГК РФ)...В соответствии с п. 1 ст. 422, ст. 432 Кодекса договор должен соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим в момент его заключения. Договор считается заключенным, если между сторонами достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной сторон должно быть достигнуто соглашение. В силу п. 5 ст. 454, п. 3 ст. 455, ст. 506 Кодекса для договора поставки существенными является условие о поставке товара, которое позволяет определить наименование и количество поставляемого товара...В представленном в материалы дела Приложении к договору №1 от 13.10.2005г. перечислены только наименования товаров без указания их количества, количество и общая стоимость догово-

ра определены как ориентировочные, следовательно, существенные условия договора сторонами на 13.10.2005г. не согласованы. Следует отметить, что при сопоставлении наименований товаров, поставленных по имеющимся в материалах дела товарным накладным и поименованных в приложении №1, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что не имеется достаточных оснований для утверждения о том, что речь идет об одном и том же товаре...При таких обстоятельствах оснований для отмены обжалуемого судебного акта и удовлетворения жалобы судом апелляционной инстанции не установлено...

307/2018-5829(1)

АРБИТРАЖНЫЙ СУД ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ул. Герцена, д. 1 «а», Вологда, 160000

Именем Российской Федерации

РЕШЕНИЕ

21 января 2019 года

город Вологда

Дело № А13-1700/2018

...Руководствуясь статьями 110, 167 – 170, 176 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд Вологодской области...**решил:** отказать индивидуальному предпринимателю Чечихину Максиму Сергеевичу в удовлетворении исковых требований в полном объеме...

503_241469

АРБИТРАЖНЫЙ СУД СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Именем Российской Федерации

РЕШЕНИЕ

г. Екатеринбург
27 октября 2008 года

Дело №А60-20735/2008-С 5

...Вся вышеуказанная переписка велась сторонами посредством факсимильной связи...В соответствии со ст. 309 ГК РФ обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона...Суд не принимает указанный довод ответчика, исходя из следующего...В соответствии со статьями 160 и 161

Гражданского кодекса Российской Федерации сделки юридических лиц между собой должны совершаться в простой письменной форме, за исключением сделок, требующих нотариального удостоверения. Сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами. Согласно пункту 2 статьи 434 Гражданского кодекса Российской Федерации договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа, подписанного сторонами, а также путем обмена документами посредством почтовой, телеграфной, телетайпной, телефонной, электронной или иной связи, позволяющей достоверно установить, что документ исходит от стороны по договору. В силу пункта 3 статьи 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации документы, полученные посредством факсимильной связи, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и в порядке, которые установлены федеральным законом, иными правовыми актами или договором. Договор поставки от 01.03.2006 №060301/1 заключен сторонами посредством обмена факсимильными копиями, содержащими подписи сторон, скрепленные печатями, и позволяющими установить, что документы исходили гражданского законодательства... Указанный договор и спецификации подписаны обеими сторонами и скреплены печатями организаций, он содержит номер аппарата (факса) ответчика и указание на то, что факсимильное сообщение исходит от ООО «Уральская продовольственная компания «Акцепт». В соответствии с пунктом 3 статьи 455 Гражданского кодекса Российской Федерации условие договора купли-продажи (поставки) о товаре считается согласованным, если договор позволяет определить наименование и количество товара. Существенным условием договора поставки также является срок исполнения обязательства поставки (статья 506 Гражданского кодекса Российской Федерации). Спецификации №7 от 03.07.06, №8 от 07.07.06 и №9 от 12.07.06 к договору поставки имеют сведения о количестве, цене и наименовании продукции, сроке поставки. Судом установлено и ответчиком не оспорено, что поставщик поставил в адрес заказчика продукцию, предусмотренную указанными спецификациями. Оплата ответчиком также свидетельствует о сложившихся между сторонами гражданско-правовых отношениях по поставке продукции. Исходя из изложенного, суд считает, что оснований считать договор поставки №060301/1 от 01 марта 2006 незаключенным, не имеется...

АРБИТРАЖНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ КОМИ
ул. Ленина, д. 60, г. Сыктывкар, 167000
8(8212) 300-800, 300-810, <http://komi.arbitr.ru>, e-mail: info@komi.arbitr.ru

Именем Российской Федерации
РЕШЕНИЕ

г. Сыктывкар

22 июля 2022 года

Дело № А29-4620/2022

...товарищество собственников жилья «Европейский» (далее – ТСЖ «Европейский», истец) обратилось в Арбитражный суд Республики Коми с исковым заявлением к открытому акционерному обществу «Сыктывкарский Водоканал» (далее – ОАО «Сыктывкарский Водоканал», ответчик) об урегулировании разногласий, возникшие разногласия путем принятия условий договора холодного водоснабжения, водоотведения от 27.01.2022 № 7377 на содержание общего имущества многоквартирного дома в редакции истца в соответствии с протоколом урегулирования разногласий от 09.03.2022, а именно: - Пункт 2 Договора, слова: «Местом исполнения обязательств по настоящему договору является: по водопроводу: Место соединения сети с запорной арматурой в ВК 8-3-30, ВК 8-3- 31 (МКД - Первомайская, 121а (колодец и запорная арматура находятся на балансе организации водопроводно-канализационного хозяйства), по канализации: КК 8-1-14 (МКД - Первомайская, 121а).», изложить в новой редакции: «Местом исполнения обязательств организации водопроводно-канализационного хозяйства по настоящему договору является: по водопроводу: точка на границе эксплуатационной ответственности Абонента; по канализации: точка на границе эксплуатационной ответственности Абонента.»...слова: «Граница эксплуатационной ответственности по водопроводу. Граница ОВКХ: Место соединения сети с запорной арматурой в ВК 8-3-30, ВК 8-3-31.», изложить в новой редакции: «Граница эксплуатационной ответственности по водопроводу. Граница ОВКХ: Внешняя граница стены многоквартирного дома 121а, ул. Первомайская, г. Сыктывкар». - слова: «Граница эксплуатационной ответственности по канализации. Граница ОВКХ: КК 8-1-14.», изложить в новой редакции: «Граница эксплуатационной ответственности по канализации. Граница ОВКХ: Внешняя граница стены многоквартирного дома 121а, ул. Первомайская, г. Сыктывкар» ... В силу п. 2 Правил № 644 основополагающим при определении границы балансовой принадлежности является установление факта принадлежности объектов водоснабжения, в том числе водопроводных сетей владельцам по признаку собственности или владения на ином законном основании. То есть суть понятий «граница балансовой

принадлежности» и «граница эксплуатационной ответственности» заключается в том, что балансовая принадлежность разграничивается по линии раздела сетей по признаку собственности или владения на ином законном основании, а эксплуатационная ответственность – при признаке наличия обязанностей по содержанию и эксплуатации сетей. По смыслу приведенных норм права, граница эксплуатационной ответственности, если стороны не договорились об ином, устанавливается по границе балансовой принадлежности. Другое их толкование относительно определения границы эксплуатационной ответственности означало бы незаконное возложение бремени содержания имущества на лицо, которому это имущество не принадлежит... Пункт 2 единого договора холодного водоснабжения, водоотведения с исполнителем коммунальных услуг от 27.01.2022 № 7377 СОИ изложить в следующей редакции: «Границы балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности объектов централизованных систем холодного водоснабжения и водоотведения ресурсоснабжающей организации и исполнителя определяются в соответствии с актом разграничения балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по форме согласно приложению №1. Местом исполнения обязательств по настоящему договору является: по водопроводу: Внешняя граница стены МКД – Первомайская, 121 а, по канализации: Внешняя граница стены МКД – Первомайская, 121 а. ...

АРБИТРАЖНЫЙ СУД КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Красная ул., д. 8, Кемерово, 650000

www.kemerovo.arbitr.ru

тел. (384-2) 58-43-26, факс (384-2) 58-37-05

E-mail: info@kemerovo.arbitr.ru

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р Е Ш Е Н И Е

город Кемерово

29 сентября 2020 года

Дело № А27-22104/2019

Резолютивная часть решения оглашена 22 сентября 2020 года

...публичное акционерное общество «Южно-Кузбасская ГРЭС» (далее – ПАО ЮК ГРЭС», истец) обратилось в Арбитражный суд Кемеровской области с иском к обществу ограниченной ответственностью «Русэлмаш» (далее – ООО «Русэлмаш», ответчик) о взыскании 438 000 руб., составляющих стоимость поставленного товара, не соответствующего условиям договора, 148 152 руб. убытков, причиненных в результате поставки не соответствующего условиям договора товара, 65 700 руб. штрафной неустойки, начисленной в связи с отказом поставщика от исполнения обязательства по поставке товара по договору

поставки №192 от 31.07.2018 (с учетом ходатайства об уточнении исковых требований, принятого судом в порядке ст. 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ))...в соответствии с пунктом 1.1 которого и Спецификации №1 (Приложение №1) ООО «Электроаппаратура» обязано было поставить Ответчику два электродвигателя 4ПБМ160М04 (IP44S, 3кВт 440/220В, 1030/2500 об. мин., лапы. Поставляемая продукция должна соответствовать согласованным ГОСТам, ТУ заводаизготовителя и сопровождаться сертификатами соответствия и другими сертификатами, предусмотренными действующим законодательством. Какие именно ГОСТ должны быть применены в рамках договора стороны не согласовали. Каких-либо других требований, в т.ч. по присоединительным размерам, сторонами согласовано не было. Свои обязательства по поставке электродвигателей ООО «Электроаппаратура» выполнило в полном объеме, отгрузив продукцию 27.12.2018 в адрес Ответчика (УПД №715 от 27.12.2018). Паспорта и копии сертификатов, подтверждающих качество продукции, были отправлены Ответчику по почте и электронной почтой...Истцом были нарушены сроки приемки продукции, предусмотренные договором и Инструкциями и порядок совместного осмотра для фиксации обнаруженных недостатков. Таким образом, истцу поставлена продукция. При этом каких-либо особых требований к габаритным и присоединительным размерам договором не было предусмотрено. Также полагает, что Истцом была нарушена процедура приемки продукции и фиксации недостатков, что лишило Ответчика и ООО «Электроаппаратура» возможности защитить свои права при осмотре и фиксации недостатков надлежащего качества в соответствии с условиями договора...в отношении габаритов электродвигателя (длина, вес, размер) отдельно требования сторонами не согласовывались, все требования к электродвигателям были согласованы в техническом задании, где нет заявленных параметров...в соответствии с Договором поставки № 192, Спецификацией №2, Техническим заданием не предусмотрены дополнительные требования относительно паспорта товара...Относительно перечисленных ответчиком доводов представитель истца пояснял, что при проведении конкурса и заключении договора истец исходил из параметров электродвигателя типа 4ПБМ-160-М04, обычно применяемых для данного типа двигателей, в частности, такие параметры указываются в паспортах иных производителей на электродвигатели подобного типа. В данном случае паспорт на спорный товар был направлен уже после получения товара посредством электронной связи, оригинал паспорта истцу не поступил, при этом в электронном экземпляре паспорта на странице 22, где согласно содержанию паспорта должны размещаться сведения о габаритных, установочных, присоединительных размерах, такая информация отсутствует. При этом, исходя из общепринятых параметров на электродвигатель типа 4ПБМ-160-М04, поставленный электродвигатель по

своим параметрам являлся двигателем типа 4ПБМ-160-L04...Техническим заданием (приложение № 2 к договору) предусмотрено, что продукция должна соответствовать ГОСТ ИЕС 60034-1-2014, ГОСТ 18620-86, ГОСТ 15150-69, санитарно-эпидемиологическим требованиям и удостоверяться сертификатами качества, а также сертификатами, разрешающими его применение в РФ ... В рамках выполнения обязательств по Договору истцом в полном объеме произведена оплата за электродвигатели...установлено несоответствие поставленных электродвигателей заявленным требованиям по длине, установочным размерам, весу, отсутствие в скан-копии паспорта габаритных данных, о чем оформлен акт проведения входного контроля от 31.01.2019...В свою очередь ответчиком согласно универсальному передаточному документу №816 от 28.12.2018 осуществлена поставка в адрес ПАО «ЮК ГРЭС» двух электродвигателей, поступивших покупателю 24.01.2019. ... Как пояснял в ходе рассмотрения дела истец, электродвигатели не могли быть использованы на оборудовании ПАО «ЮК ГРЭС», поскольку не подходили по габаритным, установочным и присоединительным размерам, так как представляли собой двигателя иного типа - 4ПБМ160L04...проведен осмотр электродвигателей и составлен Акт № 1 (т.1, л.д.22) о выявленных недостатках, согласно которому комиссией зафиксировано и в акте отражено следующее: 1. Габаритные размеры электродвигателей: длина электродвигателя, а также вес, указанный на бирке двигателя, не соответствует типу заказанных электродвигателей 4ПБМ160M04, а соответствуют другому габариту двигателя - 4ПБМ 160LO4. Толщина лап передних и задних - разная, помимо этого, приварка лап на одном из двигателей (зав.№45341) осуществлена не в плоскости прилегания. 2. Паспорта электродвигателей: согласно указанных паспортных данных ток якоря составляет 1,83 А, хотя реально ток якоря данных двигателей - до 8А (бирка на двигателе). Согласно содержания паспорта, на стр. 22 должен размещаться раздел 17 и приложение 1 «Габаритные, установочные и присоединительные размеры /мм/». Фактически на стр. 22 имеется только прил.1 «Схемы электрические принципиальные». Таким образом, указанные в содержании прил. 1 «Габаритные, установочные и присоединительные размеры /мм/» и прил. 2 «Общие виды» отсутствуют...В рассматриваемом случае Договор между сторонами заключен по итогам проведения закупочной процедуры...При оформлении закупки и заключении Договора истец исходил из типовых габаритных параметров, характерных для электродвигателей марки ПБМ160M04. Для участия в закупочной процедуре ответчиком в числе прочего был представлен сертификат соответствия № ТС RU C-RU.MO10.B.03159, подтверждающий, что продукция изготовлена в соответствии с ТУ 27.11.22 - 002 - 75708716 - 2018. ...фактически представленные в подтверждение соответствия спорных электродвигателей документы в принципе не позволяют полноценно и достоверно установить харак-

теристики спорного товара...Судом установлено, что покупатель в письме исх. № ЮКГ/147/1662 от 22.05.2019 уведомил поставщика в разумный срок о выявленных замечаниях к товару и документации...Утверждения ответчика, что истец имел возможность пользоваться товаром, извлекать из него полезные свойства, материалами дела не подтверждены, при подтверждении при этом обеспечения истцом сохранности товара...Заявленные ответчиком доводы относительно недобросовестного поведения истца, выраженного, по мнению ответчика, в том, что истцом не доведена до сведения ответчика информация о наличии замечаний к паспортам, не оформлены надлежащим образом требования об отказе от принятия товара с предоставлением разумного срока для представления нового паспорта, опровергаются материалами дела...Согласно ст. 506 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) по договору поставки поставщик-продавец, осуществляющий предпринимательскую деятельность, обязуется передать в обусловленный срок или сроки, производимые или закупаемые им товары покупателю для использования в предпринимательской деятельности или в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием...В соответствии с пунктом 1 статьи 470 ГК РФ товар, который продавец обязан передать покупателю, должен соответствовать требованиям, предусмотренным статьей 469 настоящего Кодекса, в момент передачи покупателю, если иной момент определения соответствия товара этим требованиям не предусмотрен договором купли-продажи, и в пределах разумного срока должен быть пригодным для целей, для которых товары такого рода обычно используются. В силу пункта 1 статьи 475 ГК РФ, если недостатки товара не были оговорены продавцом, покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать от продавца: соразмерного уменьшения покупной цены; безвозмездного устранения недостатков товара в разумный срок; возмещения своих расходов на устранение недостатков товара. В случае существенного нарушения требований к качеству товара (обнаружения неустранимых недостатков, недостатков, которые не могут быть устранены без несоразмерных расходов или затрат времени, или выявляются неоднократно, либо проявляются вновь после их устранения, и других подобных недостатков) покупатель вправе по своему выбору: отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы, либо потребовать замены товара ненадлежащего качества товаром, соответствующим договору (пункт 2 статьи 475 ГК РФ)...Кроме того, согласно пункту 2 статьи 456 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором купли-продажи, продавец обязан одновременно с передачей вещи передать покупателю относящиеся к ней документы (технический паспорт, сертификат качества, инструкцию по эксплуатации и т.п.), предусмотренные законом, иными правовыми актами или договором. В

соответствии со статьей 464 Кодекса, если продавец не передает или отказывается передать покупателю относящиеся к товару документы, которые он должен передать, покупатель вправе назначить ему разумный срок для их передачи. В случае, когда документы, относящиеся к товару, не переданы продавцом в указанный срок, покупатель вправе отказаться от товара, если иное не предусмотрено договором...

АРБИТРАЖНЫЙ СУД ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Именем Российской Федерации

Р Е Ш Е Н И Е

г. Владимир

Дело № А11-9330/2021

28 января 2022 года

...Заявлением от 20.10.2021 № 1140 истец уточнил свои требования и просил понудить ООО "Строй-Темп" заключить дополнительное соглашение к договору аренды лесного участка от 30.10.2008 № 1 "О внесении изменений в Приложение № 4 договора аренды лесного участка от 30 октября 2008 года № 1" в редакции, изложенной в тексте искового заявления, а именно: ...

СРОКИ внесения арендной платы в 2019 году

Календарный план	Арендная плата, установленная по договору аренды лесного участка – всего	В том числе		
		в местный бюджет	в бюджет субъекта РФ	в федеральный бюджет
I квартал до 15 марта	159 798-56	–	7 609-46	152 189-10
II квартал до 15 июля	159 798-56	–	7 609-46	152 189-10
III квартал до 15 сентября	159 798-56	–	7 609-46	152 189-10
IV квартал до 15 ноября	159 798-56	–	7 609-46	152 189-10
Итого (за 2019 год)	639 194-26	–	30 437-86	608 756-40
По предписанию	166 843-49	–	–	166 843-49

...Между Территориальным отделом Департамента лесного хозяйства администрации Владимирской области "Камешковское лесничество" (арендодатель) и ООО "Строй-Темп"

(арендатор) 30.10.2008 заключен договор № 1 аренды лесного участка...Согласно пункту 5 договора арендная плата определяется ежегодно в соответствии с приложением № 7...В разделе V договора установлено, что все изменения оформляются дополнительным соглашением, подписанным сторонами. Размер арендной платы может быть изменен в одностороннем порядке арендодателем (кроме платежей по прошедшим срокам уплаты) при изменении законодательства (пункт 6 договора)...Дополнительным соглашением от 30.01.2019 стороны установили ежегодный объем заготовки древесины в соответствии с приложением № 3, сроки и размер внесения арендной платы в соответствии с приложением № 4...Истец направил в адрес ответчика претензию от 06.07.2021 № 693, в которой предложил заключить дополнительное соглашение к договору аренды в части доначисления недополученного дохода федерального бюджета в 2019 году в сумме 166 843 руб.49 коп...Ответчик письмом от 09.07.2021 № 27/21 со ссылкой на дополнительное соглашение от 30.01.2019 (приложение № 8), положительное заключение Государственной экспертизы и Проекта освоения лесов лесного участка в составе земель лесного фонда Новкинского участкового лесничества...Оценив в совокупности имеющиеся в деле доказательства по правилам статьи 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, суд первой инстанции не нашел правовых оснований для удовлетворения иска. Суд апелляционной инстанции по результатам проверки доводов апелляционной жалобы и повторного рассмотрения материалов дела, не находит правовых оснований для иных выводов. Первый арбитражный апелляционный суд полагает, что судом первой инстанции при рассмотрении спора правильно определен характер спорного правоотношения, круг обстоятельств, имеющих значение для разрешения спора и подлежащих исследованию, проверке и установлению по делу, правильно определены законы и иные нормативные акты, которые следовало применить по настоящему делу, дана оценка всем имеющимся в деле доказательствам с соблюдением требований арбитражного процессуального законодательства...В силу части 3 статьи 71 Лесного кодекса Российской Федерации к договору аренды лесного участка применяются положения об аренде, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации, если иное не установлено настоящим Кодексом. Согласно части 1 статьи 74 Лесного кодекса Российской Федерации договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается по результатам аукциона по продаже права на заключение такого договора, за исключением случаев, установленных частью 3 настоящей статьи. В соответствии с частью 2 статьи 74 Лесного кодекса Российской Федерации при заключении договора аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, по результатам аукциона изменение условий аукциона на основании соглашения сторон такого

договора или по требованию одной из сторон не допускается. Федеральным законом от 21.07.2014 № 250-ФЗ "О внесении изменений в статьи 74 и 81 Лесного кодекса Российской Федерации" в статью 74 Лесного кодекса Российской Федерации введена часть 2.1 (вступившая в силу с 22.07.2014), содержащая специальную норму о возможности изменения условий договора аренды лесного участка, заключенного по результатам торгов, на основании решения суда в случае существенного изменения количественных и качественных характеристик такого участка. Аналогичное положение содержится в части 3 статьи 74.1 Лесного кодекса Российской Федерации, введенной в действие с 01.10.2015 Федеральным законом от 29.06.2015 № 206-ФЗ. Согласно указанной норме договор аренды лесного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключенный по результатам торгов, может быть изменен по решению суда в случае существенного изменения количественных и качественных характеристик такого лесного участка...Статья 74.1 Лесного кодекса Российской Федерации (ранее часть 2.1 статьи 74) является специальной нормой, не имеет обратной силы и может применяться исключительно к правоотношениям, возникшим после введения ее в действие...Поскольку размер годовой арендной платы может вноситься неравномерными платежами в разные периоды года, следовательно, величина измененной по решению суда арендной платы подлежит начислению с 1 января календарного года, в котором подано соответствующее исковое заявление о внесении изменений в договор...Исковое заявление в рассматриваемом деле подано ГКУ ВО "Камешковское лесничество" 29.07.2021, тогда как истец просит внести изменения в договор аренды лесного участка от 03.10.2008 № 1 в отношении размера арендной платы, подлежащей уплате в 2019 году, что недопустимо...Нарушений норм процессуального права, являющихся согласно части 4 статьи 270 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации безусловным основанием для отмены судебного акта, судом апелляционной инстанции не установлено...Руководствуясь статьями 176, 258, 268, 269, 271 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Первый арбитражный апелляционный суд поставил: решение Арбитражного суда Владимирской области от 28.01.2022 по делу № А11-9330/2021 оставить без изменения, апелляционную жалобу государственного казенного учреждения Владимирской области «Камешковское лесничество» – без удовлетворения...

Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области
191124, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.6
<http://www.spb.arbitr.ru>

Именем Российской Федерации
РЕШЕНИЕ

г. Санкт-Петербург
28 июня 2020 года

Дело № А56-44644/2017

...Истец заключил с Акционерным обществом «Уральская большегрузная техника Уралвагонзавод» Договор поручительства от 12 октября 2016 года (далее Договор поручительства), по которому Ответчик обязался нести солидарную ответственность с Третьим лицом в полном объеме за своевременное исполнение Третьим лицом обязательств по Контракту и Дополнительному соглашению...В соответствии с пунктом 3.6. Договора поручительства в случае нарушения сроков оплаты Ответчик обязан выплатить Истцу неустойку из расчета 0,05% от просроченной суммы за каждый день просрочки. Сумма неустойки на 05.09.19 составляет 600 563, 62 евро. Суд считает, что договор поручительства является недействительным...В нарушение указанных положений в пункте 3.3 договора поручительства указано, что поручительство является безусловным и поручитель не вправе выдвигать против требования поставщика (истца) возражения, которые мог бы представить заказчик...Договор должен иметь дату его заключения. В тексте договора поручительства отсутствует дата его заключения, в то время как в п. 1.2 указано, что поручительство дается на срок два года. Определить срок действия договора не представляется возможным. Следовательно, в договоре отсутствует один из главных реквизитов для признания соблюденной письменной формы договора - дата его заключения...Ответчиком заявлено ходатайство о приостановлении производства по делу до принятия окончательного судебного акта по делу №А60-70300/2017, в рамках которого рассматривается требование ООО «УВЗ-Энерго» о признании недействительным решения акционера АО «Уральская большегрузная техника - Уралвагонзавод» от 11.10.2016. В данном деле ООО «УВЗ-Энерго», ссылаясь на то, что является акционером ответчика и ему принадлежат 4 300 штук привилегированных именных акций ответчика, просит признать вышеуказанное Решение Акционера недействительным...В соответствии с п. 1 статьи 361 Гражданского кодекса РФ по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части. Договор поручительства может быть заключен в обеспечение как денежных, так и не денеж-

ных обязательств, а также в обеспечение обязательства, которое возникнет в будущем. Согласно п. 1 статьи 364 Гражданского кодекса РФ поручитель вправе выдвигать против требования кредитора возражения, которые мог бы представить должник, если иное не вытекает из договора поручительства. Поручитель не теряет право на эти возражения даже в том случае, если должник от них отказался или признал свой долг. Частью 5 статьи 364 Гражданского кодекса РФ установлено, что ограничение права поручителя на выдвигание возражений, которые мог бы представить должник, не допускается. Соглашение об ином ничтожно. В нарушение указанных положений в пункте 3.3 договора поручительства указано, что поручительство является безусловным и поручитель не вправе выдвигать против требования поставщика (истца) возражения, которые мог бы представить заказчик. Как отмечено в пункте 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» судам следует иметь в виду, что согласно ст. 364 ГК РФ поручитель вправе выдвигать против требования кредитора возражения, которые мог бы заявить против требования кредитора должник...ограничение договором поручительства возражений поручителя, связанных с отношениями кредитора и поручителя, не допускается (п. 2 ст. 9 ГК РФ, ч. 3 ст. 4 АПК РФ)». Договор поручительства должен быть совершен в письменной форме. Несоблюдение письменной формы влечет недействительность договора поручительства (ст. 362 ГК РФ). Статьей 160 Гражданского кодекса РФ предусмотрено, что сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицом или лицами, совершающими сделку, или должным образом уполномоченными ими лицами...Руководствуясь статьями 168, 362, 364 Гражданского кодекса Российской Федерации 110, 156, 167-170 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области решил: В удовлетворении первоначального иска отказать. Встречный иск удовлетворить. Признать недействительным договор поручительства к контракту...Заключение договора поручительства одобрено решением единственного акционера АО «Уральская большегрузная техника - Уралвагонзавод» от 11.10.2016...Приостанавливая производство по настоящему делу, суд первой инстанции по настоящему делу пришел к выводу о том, что в случае если судом по делу № А60-70300/2017 будет принято решение о признании решения акционера недействительным, то это будет иметь существенное и определяющее значение для оценки и установления признаков недействительности договора поручительства. Апелляционная инстанция не может согласиться с обжалуемым судебным актом...Приостанавливая производство по настоящему делу, суд не учел того, что вопрос о действительности договора поручительства от 12.10.2016 не зависит исключительно от

факта его одобрения единственным акционером АО «Уральская большегрузная техника - Уралвагонзавод». При этом суд, рассматривающий вопрос о действительности сделки, не лишен возможности рассмотреть вопрос по существу, дав надлежащую правовую оценку сделке, независимо от результата рассмотрения дела, в рамках которого оспаривается соответствующее решение акционеров...В соответствии с пунктом 1 части 1 статьи 143 АПК РФ арбитражный суд обязан приостановить производство по делу в случае невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого Конституционным...В соответствии с пунктом 9 статьи 49 Закона № 208-ФЗ признание решений общего собрания акционеров о согласии на совершение или о последующем одобрении крупных сделок и согласии на совершение или о последующем одобрении сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, недействительными в случае обжалования таких решений отдельно от оспаривания соответствующих сделок общества не влечет за собой признания соответствующих сделок недействительными...Руководствуясь статьей 272 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Тринадцатый арбитражный апелляционный суд решил: Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 04.07.2018 по делу № А56-44644/2017 отменить. В удовлетворении ходатайства акционерное общество «Уральская большегрузная техника - Уралвагонзавод» о приостановлении производства по делу № А56-44644/2017 отказать...

1150_241206

АРБИТРАЖНЫЙ СУД ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ
Л. Павличенко ул., д. 5, Севастополь, 299011, www.sevastopol.arbitr.ru

Именем Российской Федерации
РЕШЕНИЕ

город Севастополь
19 января 2022 г.

Дело №А84-4924/21

...Истец инициировал процедуру заключения дополнительного соглашения к договору. Ответчиком составлено дополнительное соглашение к договору, согласно которому в приложении №1 границей балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по водоснабжению указанных домов является точка врезки в городской водопровод, границей балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности по канализированию является:

- в отношении многоквартирного дома №2А по проспекту Победы, 2А – обрез трубы выпуска в колодце на дворовой сети канализации;

- в отношении многоквартирных домов №21А, корпус 3 и корпус 4 по проспекту Победы,
 - водоотведение в сети ЖСК «Титон-Юг»;
- в отношении многоквартирных домов №44И и №44Ж по проспекту Победы, 44Ж
 - водоотведение в сети ООО «Социальная инициатива».

...Рассмотрев дополнительное соглашение, истец подписал его с протоколом разногласий от 18.05.2021, в котором предложил утвердить акт о разграничении эксплуатационной ответственности, являющийся приложением №1, в иной редакции: и установить, что внешней (балансовой) границей сетей водоснабжения и границей эксплуатационной ответственности является внешняя граница стены многоквартирного дома; внешней (балансовой) границей сетей водоснабжения является внешняя граница стены многоквартирного дома, границей эксплуатационной ответственности является место подключения сети водоснабжения к прибору учета, заголовок столбца: «По канализованию» заменить на: «По водоотведению», внешней (балансовой) границей сетей водоотведения и границей эксплуатационной ответственности является внешняя граница стены многоквартирного дома... Урегулировать разногласия, возникшие при заключении дополнительного соглашения от 18.05.2021 к договору холодного водоснабжения и водоотведения №11661 от 04.07.2017, заключенного государственным унитарным предприятием города Севастополя «Водоканал» (ОГРН 1149204066307, ИНН 9204507194) и обществом с ограниченной ответственностью «Район» (г. Севастополь, ИНН 9203535907, ОГРН 1159204005630), путем изложения условий в таблице «Реестр» в акте разграничения балансовой принадлежности и эксплуатационной ответственности (Приложение №1) по объектам: многоквартирные дома, расположенные по адресам: г. Севастополь, пр. Победы, 2А; пр. Победы, д.21А, корп.3, корп.4; пр. Победы, 44И; пр. Победы, 44Ж, – в следующей редакции:
в столбце №3 пункты 1-5: «Внешней (балансовой) границей сетей водоснабжения и границей эксплуатационной ответственности является внешняя граница стены многоквартирного дома», в столбце №4: заголовок столбца «по канализованию» заменить на: «по водоотведению», пункты 1-5: «Внешней (балансовой) границей сетей водоотведения и границей эксплуатационной ответственности является внешняя граница стены многоквартирного дома» ...

6/2019-75648(1)

ДВЕНАДЦАТЫЙ АРБИТРАЖНЫЙ АПЕЛЛЯЦИОННЫЙ СУД
410002, г. Саратов, ул. Лермонтова д. 30 корп. 2 тел: (8452) 74-90-90, 8-800-200-12-77; факс: (8452) 74-90-91,
<http://12aas.arbitr.ru>; e-mail: info@12aas.arbitr.ru

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
арбитражного суда апелляционной инстанции

г. Саратов

Дело №А57-24249/2019

...Заявитель апелляционной жалобы считает, что судом первой инстанции неправильно применены нормы материального и процессуального права: стороны в пункте 2.1. договора указали, что местом исполнения договора является – Саратовская область, следовательно у истца имелось право выбора арбитражного суда, которому будет передан спор на рассмотрение, кроме того, в суде первой и апелляционной инстанции уже были рассмотрены по существу споры между данными сторонами по взысканию задолженности за более ранние периоды...В соответствии с положением статьи 35 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, иск предъявляется в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства ответчика. Статьей 36 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрены случаи подсудности по выбору истца. Согласно статье 37 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации подсудность, установленная статьями 35 и 36 настоящего Кодекса, может быть изменена по соглашению сторон до принятия арбитражным судом заявления к своему производству...Первоначальная редакция пункта 10.4 договора №1891-000539 от 07.05.2018 «...спор подлежит разрешению в арбитражном суде Саратовской области» изменена в преддоговорном споре, и согласована сторонами в следующей редакции (протокол разногласий от 13.06.2018): «спор подлежит разрешению в арбитражном суде, в соответствии с требованиями законодательства РФ» ...В силу статьи 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом...По общему правилу о подсудности, установленному в статье 35 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, иск предъявляется в арбитражный суд субъекта Российской Федерации по месту нахождения или месту жительства ответчика. Местом нахождения ответчика является город Москва...По договору каждая из сторон исполняет свое обяза-

тельство (исполнитель - обеспечивает передачу электроэнергии, заказчик - производит оплату услуг Исполнителя). Для реализации истцом права на альтернативную подсудность стороны должны указать в договоре условие о месте его исполнения. Таким образом, истец может воспользоваться своим правом на предъявление иска, вытекающего из договора, по месту его исполнения лишь в том случае, когда в договоре прямо закреплено условие о месте его исполнения. При отсутствии в договоре условия о месте его исполнения суд не может самостоятельно помимо воли сторон приравнять место исполнения обязательства к месту исполнения договора и тем самым изменить подсудность... Текст договора, на котором истец основывает свои исковые требования, условия о месте его исполнения не содержит. Вместе с тем, в договоре в качестве места его составления указан город Саратов, местом нахождения энергопринимающих устройств потребителя указана Саратовская область. Однако, прямого указания на какое-либо место исполнения договора в договоре не указано... При таких обстоятельствах суд пришел к выводу о том, что место исполнения обязательства по оказанию услуг по передаче электрической энергии, а также место нахождения точек присоединения к электрическим сетям (статья 316 Гражданского кодекса Российской Федерации) не является местом исполнения договора (в смысле части 4 статьи 36 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), в связи с чем спор о взыскании денежного долга должен быть передан на рассмотрение арбитражного суда по месту нахождения ответчика (должника) по общему правилу, установленному статьей 35 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации...

221/2022-34501(2)

Пятый арбитражный апелляционный суд
ул. Светланская, 115, г. Владивосток, 690001
<http://5aas.arbitr.ru/>

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Владивосток
24 августа 2022 года

Дело № А51-5287/2022

...Между КГБУСО «Спасский ДИПИ» (заказчик) и ООО СК «ГСК» (подрядчик) 17.07.2019 заключен контракт №0320200020919000029001 (далее - контракт), по условиям которого подрядчик по поручению заказчика обязался по капитальному ремонту фасада здания в отделении КГБУСО «Спасский ДИПИ» Черниговского района, а заказчик обязу-

ется принять их результат и оплатить работы в соответствии с условиями контракта и технического задания (приложение № 1 к контракту) и проектно — сметной документацией (приложение №2 к контракту) (пункт 1.1)...Согласно пункту 3.4 контракта подрядчик обязался выполнить работы в соответствии с требованиями СНиП, ГОСТ, ПОТ РМ, Правил производства и приемки работ, норм и правил, утвержденных действующим законодательством для работ, предусмотренных контрактом...Пунктом 4.1 контракта предусмотрено, что подрядчик ежемесячно и по завершении работ информирует заказчика о готовности к сдаче выполненных работ и предоставляет заказчику в двух экземплярах акты о приёмке выполненных работ по форме КС-2 и справку о стоимости выполненных работ и затрат форме КС-3 не менее чем 3 рабочих дня до срока окончания работ. Для проверки качества работ заказчик проводит экспертизу. Результаты такой экспертизы оформляются в виде заключения, которое подписывается заказчиком. В случае, если по результатам такой экспертизы установлены нарушения требований контракта, не препятствующие приемке выполненных работ, в заключении указываются предложения об устранении данных нарушений, в том числе с указанием срока их устранения (пункт 4.4)...Пунктами 6.1-6.4 контракта предусмотрено, что работы по контракту должны быть выполнены в соответствии с техническим заданием (приложение № 1 к контракту), качественно в соответствии с требованиями нормативно-технических документов, обязательных при выполнении работ по контракту, техническими и строительными нормами и правилами (СНиП), СанПИН и т.д. ... Подрядчик гарантирует соответствие результатов выполненных работ требованиям проектной документации, условиям контракта, техническому заданию (приложение №1 к контракту), техническим и строительным нормами и правилами, в соответствии с приложением № 2 к контракту и несёт ответственность за отступление от их условий и требований в течение гарантийного срока - 5 лет с даты приемки объекта в эксплуатацию (пункт 5 статьи 724 ГК РФ)...Все применяемые материалы (оборудование) должны соответствовать требованиям органов Государственного пожарного надзора, Ростехнадзора для данных видов работ и иметь (предоставить) соответствующие сертификаты (в случае обязательной сертификации) паспорта, лабораторные заключения (пункт 5). В соответствии с пунктом 9 технического задания, объект должен быть передан в эксплуатацию в состоянии пригодном для эксплуатации. Сдача работ подрядчиком и приемка заказчиком производится после предоставления подрядчиком протокола испытаний и оформляется актом сдачи-приемки работ, подписанным сторонами. Во исполнение условий контракт подрядчик выполнил работы, предусмотренные контрактом, а заказчик принял их, что подтверждается подписанным без оговорок и замечаний актом выполненных работ от 25.11.2019 №1 и справкой о стоимости выполненных работ и затрат от 25.11.2019 №1. Во

исполнение условий контракта выполненные работы оплачены заказчиком в полном объеме. По доводам истца при проведении плановой проверки от 24.03.2021 Главным управлением МЧС России по Приморскому краю выявлены нарушения обязательных требований пожарной безопасности, а именно в ГКБУСО «Спасский ДИПИ» Спасского района на навесную фасадную систему, смонтированную на наружных стенах здания отсутствует документация, подтверждающая класс пожарной опасности К0, в том числе нет документального подтверждения о безопасности и распространении горения фасадной системы...По результатам переписки сторон в ответ на претензию от 22.09.2021, ответчик письмом от 04.10.2021 №27 указал, что работы по контракту от 17.07.2019 № 0320200020919000029001 выполнялись согласно техническому заданию, пункты 51 и 53, фасадная система выполнена из фасадной панели из оцинкованной стали с покрытием полиэстер и профиля направляющего ПН-4-75/40/06, что соответствует информации, указанной в акте выполненных работ от 25.11.2019 №1. На данные материалы были...Как было указано ранее, из пункта 2.6 контракта оплата за фактически выполненные строительно-монтажные работы производится заказчиком помимо прочего после предоставления соответствующих сертификатов соответствия и других документов, удостоверяющих качество материалов, комплектующих изделий, при условии, что работа выполнена надлежащим образом и в согласованный срок. Из материалов дела следует, что при выполнении капитального ремонта фасада здания ответчиком применялся материал – профили стальные, пени и сайдинги, плита теплоизоляционная соответствующий предусмотренным в контракте нормам и правилам, что подтверждается представленным материалам дела сертификатам соответствия...Таким образом, арбитражный суд обоснованно заключил, что работы обществом выполнены надлежащего качества, а именно с применением негорючего материала...Таким образом, суд первой инстанции, оценив в порядке статьи 71 АПК РФ доводы и возражения сторон, исходя из буквального смысла сформулированных истцом требований, и отсутствия по условиям контракта и приложений к нему соответствующей обязанности подрядчика по предоставлению документов, подтверждающих класс пожарной опасности на смонтированную фасадную систему, правомерно отказал в удовлетворении исковых требований истца...

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
**«ИНК-ТЕКУЩИЙ И КАПИТАЛЬНЫЙ
РЕМОНТ СКВАЖИН»**

Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Октябрьской Революции, д. 1/4, офис 901,
664007
тел. +7 (3952) 211-352
e-mail: ink-tkrs@irkutskoil.ru
ОГРН: 1163850085112; ИНН/КПП: 3849060301/384901001

«19» января 2022 г. № 0019 -ТКРС

Генеральному директору
ООО "Рус-КР"
Первушину В.Е

дом № 29, помещение 1
Вернадского пр-кт, Москва г
119331

ПРЕТЕНЗИЯ

Между обществом с ограниченной ответственностью «ИНК – Текущий и капитальный ремонт скважин» (ООО «ИНК – ТКРС») и обществом с ограниченной ответственностью «Рус-КР» (ООО «Рус-КР») был заключен договор от 30.09.2016 № 664/24С-13/16 об организации услуг по инженерно-технологическому и техническому сопровождению работ по ремонту скважин с применением передвижной азотной установки.

Кроме того, сторонами подписан Стандарт СТ.04.10. «Требования Заказчика в области производственной, экологической безопасности и охраны здоровья» (редакция 1) (далее – Стандарт), который в силу п. 1.1.2. распространяет свое действие на все договоры, заключенные между заказчиком и подрядчиком/субподрядчиком, исполнение которых подразумевает нахождение персонала подрядчика на территории заказчика, является их неотъемлемой частью и действует до окончания срока действия этих договоров, а также в период мобилизации и демобилизации подрядчика.

Согласно п. 10.8. Стандарта в случаях выявления фактов употребления, нахождения персонала Подрядчика или Субподрядчика на Территории Заказчика в состоянии алкогольного, наркотического, токсического либо иных видов опьянения, а равно и при обнаружении фактов проноса (провоза), в том числе попыток такого проноса (провоза) этилового спирта, пищевой или непищевой продукции с содержанием этилового спирта более 1,5 процента объема готовой продукции, наркотических средств и психотропных веществ, оружия и иных предметов, ограниченных в обороте на территории РФ, на Территорию Заказчика и в её пределах, Подрядчик на основании соответствующего письменного требования Заказчика уплачивает штраф за каждого сотрудника, выявленного в состоянии алкогольного, наркотического либо иных видов опьянения, а также за каждый

выявленный случай употребления, проноса (провоза), в том числе попыток такого проноса (провоза).

03.01.2022 на КПП «Вилуяй» 220 км. ЯНГКМ в ходе осмотра кабины автомобиля «МЗКТ-652760-220-01» гос. рег. знак 0900AB 38, принадлежащего ООО «Рус-КР», у машиниста азотной компрессорной установки Шибанова Евгения Владимировича обнаружена и изъята 1 бутылка из полимерного материала объемом 1,5 литра, заполненная прозрачной спиртосодержащей жидкостью, крепостью 70⁰, что зафиксировано в Акте от 03.01.2022.

В целях недопущения нарушений условий договора, предотвращения причинения вреда имуществу и работникам ООО «ИНК-ТКРС», а также третьим лицам, согласно п. 10.6 Стандарта ООО «Рус-КР» несет ответственность за нарушение требований Стандарта в виде штрафа, размеры которых установлены в Приложении №3 «Шкала штрафов». Так, в соответствии с п. 143 Шкалы штрафов за пронос, провоз, попытку проноса, провоза: оружия, алкогольных, наркотических и психотропных веществ и иных предметов, ограниченных в обороте на территории РФ, на Территорию Заказчика и в её пределах, употребление, нахождение в алкогольном опьянении или под воздействием наркотических, токсических или психотропных веществ предусмотрен штраф в размере 300 000 рублей (за каждого работника или за каждый случай).

Руководствуясь вышеизложенным, требуем уплатить в пользу ООО «ИНК-ТКРС» штраф в размере 300 000 рублей начисленный, в связи с выявлением факта попытки провоза алкогольной продукции работником ООО «Рус-КР».

Указанную сумму следует перечислить в течение 5 (Пяти) банковских дней с даты настоящего требования по следующим реквизитам:

Получатель платежа:

Общество с ограниченной ответственностью «ИНК-ТКРС»

664007, Российская Федерация, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Октябрьской Революции, д. 1/4, оф. 901

ИНН 3849060301, КПП 384901001, ОГРН 1163850085112, ОКПО 04239548

р/с 40702810218350015189в Байкальском Банке ПАО Сбербанк

к/с 30101810900000000607

БИК 042520607

В случае непоступления на расчетный счет указанной суммы, ООО «ИНК-ТКРС» оставляет за собой право либо, руководствуясь п. 4.10 договора, в одностороннем внесудебном порядке уменьшить размер оплаты по дополнению к договору подряда (удержать из оплаты по дополнению к договору подряда) на сумму штрафа, подлежащего уплате ООО «Рус-КР» в соответствии с настоящей претензией, либо в силу ст. 410 Гражданского кодекса РФ полностью либо частично прекратить зачетом встречные обязательства сторон по оплате выполненных работ и по уплате штрафа, либо обратиться в арбитражный суд с исковым заявлением о взыскании с ООО «Рус-КР» указанной в настоящей претензии суммы.

Исх. № И-ОИ/22 от 20.01.2022 г.Директору
ООО «ИНК-ТКРС»
Аксенову А.В.664000 РФ, Иркутская область,
г.Иркутск, пр-кт Большой
Литейный, д.4

Касательно: Претензии от 19.01.2022 № 0019

Уважаемый Александр Викторович!

«19» января 2022 года ООО «Рус-КР» получило от ООО «ИНК-ТКРС» претензию № 0019-ТКРС (далее – «Претензия») о взыскании с ООО «Рус-КР» штрафа в размере 300.000,00 рублей в связи с выявлением факта, согласно Акта осмотра, попытки провоза работником ООО «Рус-КР» (Шибанов Е.В.), 03.01.2022 г., в кабине автомобиля МЗКТ-652760-220-01 г.р.н 0900AB 38 алкогольной продукции в виде 1,5 литровой бутылки из полимерного материала, заполненной прозрачной спиртосодержащей жидкостью. В соответствии с Актом осмотра, оформленным представителями ООО ОП «Оберег», по показаниям спиртометра (номер, ссылка на паспорт и последний акт поверки изделия в Акте не указаны) крепость жидкости составила 70 градусов.

Шибанов Е.В. предоставил пояснения, что указанная жидкость предназначалась для использования в качестве антисептика для обработки поверхностей внутри автотранспортного средства, что полностью соответствует мерам по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, предпринимаемым Отделом по транспортной безопасности ООО «ИНК».

Претензия основывается на нарушении п. 10.14 стандарта СТ.04.10 (11 редакция), когда в случаях обнаружения фактов проноса (провоза), в том числе попыток такого проноса (провоза) этилового спирта, пищевой или непищевой продукции с содержанием этилового спирта более 1,5 процента объема готовой продукции на Территорию Заказчика и в её пределах, Подрядчик на основании соответствующего письменного требования Заказчика должен уплатить штраф в соответствии с Приложением 3 за каждый выявленный случай употребления, проноса (провоза), в том числе попыток такого проноса (провоза), либо за отказ от прохождения приборного контроля и (или) освидетельствования на состояние опьянения.

При этом, при оформлении вышеуказанной Претензии не было учтено, что ООО «Рус-КР», со своей стороны, с целью обеспечения мер по борьбе с распространением коронавирусной инфекции обеспечило всех своих сотрудников антисептиками марки «Дезомакс-Антисепт», которое представляет собой готовый к применению прозрачный бесцветный раствор со слабым запахом изопропилового спирта или запахом отдушки. Указанное средство содержит спирт изопропиловый 65% и алкилдиметилбензиламмоний хлорид (ЧАС) 0,25% в качестве действующих веществ, а также функциональные добавки, в том числе увлажняющие. Средство фасуется в потребительскую тару в полимерные или стеклянные флаконы вместимостью от 1,0 до 250 см³, канистры или бутылки из полимерных материалов вместимостью 1-5 дм³. Использование указанного средства каким-либо образом не противоречит п. 10.14 стандарта СТ.04.10 (11 редакция), так как в его состав этиловый спирт не входит. Химический состав используемого средства прилагается.

На основании изложенного, считаем, что Претензия в адрес ООО «Рус-КР» предъявлена не обосновано и просим ее отозвать.

С уважением,

Генеральный директор ООО «Рус-КР»

Первушин В.Е.

ОБЩЕСТВО С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ
**«ИНК-ТЕКУЩИЙ И КАПИТАЛЬНЫЙ
РЕМОНТ СКВАЖИН»**

Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Октябрьской Революции, д. 1/4, офис 901,
664007
тел. +7 (3952) 211-352
e-mail: ink-tkrs@irkutskoil.ru
ОГРН: 1163850085112; ИНН/КПП: 3849060301/384901001

«01» февраля 2022 г. № 0055 -ТКРС

Генеральному директору
ООО "Рус-КР"
Первушину В.Е.

Об оплате штрафа

По результатам рассмотрения Вашего письма от 20.01.2022 №И-012/22 в ответ на претензию от 19.01.2022 № 0019, выставленную в связи с выявлением факта попытки провоза алкогольной продукции работником ООО «Рус-КР», настоящим письмом сообщаем об отсутствии оснований для отзыва претензии, а также уменьшения суммы штрафа.

Дополнительно обращаем внимание, материалами претензии подтверждено, что жидкость в 1,5 литровой бутылке из-под питьевой воды является этиловым спиртом 70 градусов. Указанные обстоятельства зафиксированы в акте осмотра транспортного средства от 03.01.2022, который в силу п.10.18 Стандарта является достаточным документом, устанавливающим факт нарушения.

Доводы подрядчика о том, что данная жидкость является дезинфицирующим средством «Дезомакс-Антисепт» не убедительны, поскольку спорная жидкость была размещена в 1,5 литровой бутылке из-под питьевой воды, а не в заводской упаковке «Дезомакс-Антисепт».

Средство «Дезомакс-Антисепт» состоит из изопропилового спирта, а не из этилового спирта, который был размещен в бутылке согласно акту осмотра от 03.01.2022.

Поведение подрядчика в данной ситуации с намерением выдать обычный спирт за антисептик способствует увеличению подобного рода нарушений со стороны его сотрудников и не может вызывать одобрение со стороны заказчика.

Директор

А.В. Аксенов

Исх. № И-031/22 от «03» февраля 2022 г.

На Вх. № 0055 -ТКРС от 01.02.2022 г.

Директору
ООО «ИНК-ТКРС»
Аксенову А.В.664000 РФ, Иркутская область,
г.Иркутск, пр-кт Большой
Литейный, д.4

Касательно: Претензии от 19.01.2022 № 0019

Уважаемый Александр Викторович!

В ответ на письмо ООО «ИНК-ТКРС» от 01.02.2022 г. №055-ТКРС об оплате штрафа, ООО «Рус-КР» дополнительно сообщаем следующее, что из Акта осмотра транспортного средства от 03.01.2022 г. не следует, что в найденной емкости находилась жидкость с содержанием этилового спирта. В Акте не указан вид спирта, метод определения, отсутствует какие-либо информация о применяемом для проверки спиртометре (марка, номер, паспорт, последний акт поверки). Также в объяснительной записке работника ООО «Рус-КР» Шибанова Е.В. указано, что в бутылке находится антисептик.

В ходе внутреннего расследования данного факта, было выявлено, что на производственных объектах нет и не применяются спиртосодержащие жидкости с этиловым спиртом. Опытным путем было выявлено что, при измерении спиртометром антисептика «Дезомакс-Антисепт» показания спиртометра равны 73 градусам, что в свою очередь подтверждает факт отсутствия этилового спирта в изъятной емкости.

Также антисептик обладает характерным специфическим запахом или запахом отдушки (Изопропиловый спирт отличается от этилового по запаху: резкий, горьковатый, напоминающий запах дезинфицирующих препаратов). Содержащийся в антисептике изопропиловый спирт нельзя употреблять внутрь, т.к. это смертельно опасно. Антисептик не является алкогольной продукцией.

Касаемо самой емкости, в которой находился антисептик, необходимо отметить, что в нормативных документах Объекта нет запрета на провоз технических жидкостей в иной таре.

Для подтверждения вышеизложенных фактов, просим направить изъятую жидкость на экспертизу для определения вида спиритов и для принятия справедливого и объективного решения. Со своей стороны, можем предоставить антисептик «Дезомакс-Антисепт» в заводской упаковке для проведения анализов на соответствие.

На данный момент, Ваши доводы являются не обоснованными, так как остаётся вопрос о методе определения вида спирта вашими сотрудниками.

Обращаем Ваше внимание, что ООО «Рус-КР» работает на территории ООО «ИНК» с 2016 года, строго выполняет все требования ООО «ИНК», за все время со стороны заказчика не поступало претензий, что также подтверждает ведение со стороны ООО «Рус-КР» соответствующего контроля за соблюдением всех требований на Объекте.

Дополнительно сообщаем, что с работниками ООО «Рус-КР» проведены внеплановые инструктажи касательно исполнения данного пункта Регламента СТ.04.10 и других пунктов.

С уважением,

Генеральный директор ООО «Рус-КР»

Нервев В.Е.

ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ

№ 02-08/21

г. Челябинск

«10»

августа 2021 г.

Общество с ограниченной ответственностью «Рус-КР», именуемое в дальнейшем «ПРОДАВЕЦ», в лице Генерального директора Первушина Вадима Евгеньевича, действующего на основании устава, с одной стороны,

Общество с ограниченной ответственностью «Эксперт-Лизинг», именуемое в дальнейшем «ПОКУПАТЕЛЬ», в лице Руководителя представительства в г. Челябинск Бавыкиной Надежды Алексеевны, действующей на основании доверенности № 2/21 от «31» декабря 2020 года, с другой стороны, и

Общество с ограниченной ответственностью «Интегра-Сервисы», именуемое в дальнейшем «ЛИЗИНГОПОЛУЧАТЕЛЬ», в лице Штейнберга Романа Константиновича, действующего на основании доверенности № ИМ-138/2020 от «18» декабря 2020 года, с третьей стороны,

совместно именуемые стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем:

00681572

中国国际贸易促进委员会

China Council for the Promotion of International Trade
China Chamber of International Commerce

证明书 CERTIFICATE

号码 No. 213705B0/001376

兹证明：在所附文件上的山东盛科石油装备有限公司的印章属实。

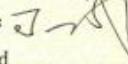
THIS IS TO CERTIFY THAT: the seal of Shandong Shengke Petroleum Equipment Co., Ltd. on the annexed DOCUMENT is genuine.

CPIT CCOI

China Council for the Promotion of International Trade

授权签字:
Authorized Signature: Gao Yige

日期: 2021年10月28日
(Date: Oct. 28, 2021)

证明书查询网址 Website for verifying the certificate: <http://www.zccpit.com/validate.html>

SHANDONG SHENGKE PETROLEUM EQUIPMENT CO.,LTD
NO.1002 WEST NO.6 ROAD, SHENGLI INDUSTRIAL PARK, DONGYING DISTRICT,
DONGYING CITY, SHANDONG PROVINCE, CHINA

2021

Application for project extension 项目延期申请
drilling rig ZJ30 Project ZJ30 钻机项目

TO: ООО «Интегра-Сервисы», 628380, Ханты-Мансийский автономный округ- Югра,
Ст. Пыть-Ях. Свердловской ж.д., код станции 797002, код получения 5826.
База ООО "Арбат" пгт. промзона Северо-Восточная, ул. Первопроходцев стр 26/1
Attn. Владимир Тареев

According to the railway orders No. 2407, No. 2404 and No. 2412, due to severe backlog, all cargo exported through Manzhouli are suspended except China-Europe freight trains from Sep.18th 2021 to Oct.31st 2021.

Therefore, we are really sorry to inform you that the project progress will be delayed due to the loading restriction at the port. Meanwhile, we are keep doing the utmost efforts to the project.

Your generous consideration & evaluation on the project delay is highly appreciated and expected. Thanks!

根据铁总第 2407 号、2404 号和 2412 号调度命令，因口岸站严重积压，自 2021 年 9 月 18 日至 2021 年 10 月 31 日全路各站装到满洲里（境）出口的货物除中欧班列外一律停装。故我们抱歉的通知您，因满洲里口岸停装影响该项目将无法按时交付，具体交付日期双方商定。我公司将尽最大努力消除口岸停装对项目交付产生的延期影响，尽快完成项目交付。

以上情况请理解并支持，恳请考虑并接纳延期申请，谢谢！

山东盛科石油装备有限公司
SHANDONG SHENGKE PETROLEUM EQUIPMENT CO.,LTD.

«婚宴改期» ‘о переносе даты свадебного торжества’ (от 2021 г. № 0306-1771)

广东省深圳市宝安区人民法院民事判决书

(2021)粤0306民初1771号

...原告的诉讼请求：1、解除原被告之间的婚宴酒席预订合同；2、判令被告返还原告预交定金 30000 元；3、本案受理费由被告承担...判决如下：确认原告黄海霞与被告深圳市富临皇朝餐饮有限公司于 2019 年 12 月 1 日订立的餐饮服务合同于 2020 年 7 月 22 日解除；被告深圳市富临皇朝餐饮有限公司应于本判决生效之日起五日内支付原告黄海霞定金 30000 元...如未按本判决指定的期间履行给付金钱义务，应当依照《中华人民共和国民事诉讼法》第二百五十三条之规定，加倍支付迟延履行期间的债务利息。本案受理费 275 元，由被告承担...被上诉人黄海霞辩称：1.双方从未达成将婚宴改为 2020 年 10 月的合意，合同已于 2020 年 3 月 29 日陷入履行不能；2.富临公司无权保留 30000 元定金...根据《中华人民共和国担保法》第八十九条、第九十条规定，“预定金”不属于定金。因此，双方没有达成定金约定...驳回上诉，维持原判...

«荧光 T 恤» ‘флуоресцентные футболки’ (от 2016 г. № 0602-2606)

南通市崇川区人民法院民事案

(2016)苏0602民初2606号

旗舟公司（乙方）与中南城公司（甲方）签订《策划执行合同》（以下简称合同），约定甲方将中南商业“用心出行·为爱前进”年度交通安全公益宣传活动委托乙方进行策划、执行事宜，活动项目为中南荧光夜跑、交通安全 MINI 公园制作与巡展、宣讲等...合同总价不变，对其中部分活动进行调整；单场或单项活动结束后，乙方通过电子邮件向甲方提交《活动验收报告》，甲方需在三个工作日内对验收报告邮件进行回复或提出书面整改意见；如超过三个工作日未作回复亦未提出书面整改意见的，则视为验收合格...旗舟公司则认为，1、双方的合同约定所谓的荧光跑并不是穿带荧光效果的 T 恤衫，而是带有荧光元素的，旗舟公司已经按照合同约定的内容向中南城公司提供了相应的设备和装备，中南城公司主张的在活动前选择荧光 T 恤的事实没有证据支持。2、张伟作为中南城公司的企划总监对于整个活动具有权威性的判断，其对整个活动予以验收，证明旗舟公司所提供的服务已经达到合同约定的标准...本院认为，双方争议所涉的“中南荧光夜跑”活动，从活动名称看，有“荧光”的描述，但在双方签订的合同和补充协议中，对于“荧光”的表现方式并未有明确约定，而活动中使用了发光牛角和大小荧光棒，已经具有“荧光”元素；合同和补充协议所附的报价表中，对于活动物料均未提及荧光 T 恤，“荧光夜跑装备”和“T 恤衫及印刷”不能当然理解为即是指的荧光 T 恤...本院认为，关于本诉请求，旗舟公司与中南城公司签订的合同及补充协议系合同当事人真实意思表示，且不违反法律法规强制性规定，合法有效，双方应当按照约定全面履行各自义务。旗舟公司按照合同约定履行了执行相关活动的义务，中南城公司所称旗舟公司执行活动中存在违约和未按合同约定开具发票的事实均不能成立，其主张的抗辩事项不能成立，中南城公司应当按照合同约定付款...依照《中华人民共和国合同法》第六十条、第一百零七条的规定，判决如下：旗舟公司依约履行了合同义务，中南城公司主张的抗辩不能成立，其应当按照合同约定支付款项，承担违约责任，旗舟公司本诉请求中有合同和法律依据的，本院予以支持。中南城公司主张的旗舟公司违约事实不能成立，其反诉请求没有事实依据，本院不予支持。

Об определении коммерческого характера (от 2018 г. № 03-8198)

北京市朝阳区人民法院民事判决书

(2017)京0105民初19472号

...经审理查明：2016年10月10日，三联书店（甲方）与力度公司（乙方）签订《力度公司独家代理经营<三联生活周刊>全媒体广告协议书》（以下简称广告协议书）约定，就乙方独家代理三联书店所属《三联生活周刊》全媒体广告事宜达成一致，并在平等自愿的基础上签署本协议；甲方授权乙方周刊全媒体广告的独家代理权，授权代理范围包括：...甲方保证在本协议的代理期限内不得自行或授权、许可任何第三方发布商业性文章及内容，不得未经乙方许可以任何直接或间接方式介绍、宣传、推广甲方或第三方的商品、服务或经营性行为...本合同内所指的商业性文章是指，为了推广有关第三方品牌、商标及标志、商号、产品、服务、活动、企业特色等而进行的有目的采写编辑的带有广告、推广、介绍性质的所有宣传内容，包括但不限于软文广告、阐释性文章、特定新闻报道、深度分析文章、故事短文、案例分析等乙方确认的方式...诉讼中，力度公司主张其一直在对《三联生活周刊》未经力度公司允许发布的广告和商业性文章提出异议，由于三联书店长期存在违约行为，双方在此背景下签署了2016年度广告协议书，降低力度公司的广告代理费，且三联书店未经力度公司同意发布的商业性文章及内容应当折抵力度公司的代理费...本院认为：力度公司与三联书店签订的广告协议书系双方真实意思表示，不违反法律、行政法规的强制性规定，应属合法有效，双方应按照约定全面履行义务...从广告协议书关于“商业性文章”的定义及合同目的来看，“本合同内所指的商业性文章是指，为了推广有关第三方品牌、商标及标志、商号、产品、服务、活动、企业特色等而进行的有目的采写编辑的带有广告、推广、介绍性质的所有宣传内容，包括但不限于软文广告、阐释性文章、特定新闻报道、深度分析文章、故事短文、案例分析等乙方确认的方式”，根据该定义，商业性文章并不拘泥于具体的表现形式，亦不以是否收费作为判断标准，而应以是否具有商业价值进行判断；力度公司系为了取得三联书店所属《三联生活周刊》全媒体广告的独家代理权限而与三联书店签署广告协议书，因此，如果三联书店未经力度公司同意而发布的内容具有商业价值，将对力度公司的广告招商造成影响，即违背了双方的合同目的、违反了合同约定...其次，结合具体刊载内容，以2016年12月26日出版的2016年第52期《三联生活周刊》刊登的名为《三亚学院：十二年创新民办大学之路》的文章为例，（一）从文章的内容来看，该篇文章介绍了民办大学三亚学院的建校背景、学科设置、配套设施、培养模式、合作院校、就业状况、办学理念等问题，具有很强的商业价值...再以《三联生活周刊》微信公众号刊载的《寻好茶|武夷岩茶诞生记》（2016年8月24日）、《将“虎鲸”做戒指，化作绕指柔》（2016年12月21日）等内容为例，此类内容均以通过介绍茶叶、虎鲸等方式进行推广宣传，而文章末端购买链接进一步说明了以上文章内容为“有目的的采写编辑”的具有商业价值的宣传内容，三联书店虽称熊猫茶园等为其自营平台，但内容所涉商品均为第三方品牌或产品，符合广告协议书中关于商业性文章的定义...综上，依照《中华人民共和国合同法》第六十条、《最高人民法院关于适用<中华人民共和国民事诉讼法>的解释》第九十条之规定，判决如下：三联书店在履行广告协议书中存在违约行为，应该按照合同约定支付违约金...

О размещении рекламы на уличных LED-экранах (от 2011 г. №04-407)

上海市第一中级人民法院民事案

(2011)沪一中民四(商)终字第407号

...原审查明：2009年12月28日，异同公司作为甲方与作为乙方的香榭丽公司签订《LED显示屏户外媒体广告发布合同》（以下简称系争合同）1份，由异同公司委托香榭

丽公司在其所属的 13 块 LED 显示屏上为异同公司发布广告...发布期限自 2010 年 1 月 1 日起至 2010 年 12 月 31 日止, 品牌广告合计总发布期限不超过 36 个月, 发布时段条款约定滚动播放时间为 365 天全天播放, 每天 60 次×30 秒或 120 次×15 秒...在系争合同履行中, 异同公司曾向香榭丽公司提出特殊的投放要求, 即广发基金广告于 2010 年 4 月 5 日至同年 8 月 4 日期间每日 11: 30-14: 30 播放 30 次, 17: 00-21: 00 播放 60 次。同年 3 月 25 日, 香榭丽公司向异同公司发出公函, 针对异同公司提出的“广发基金”品牌于 2010 年 4 月 5 日至同年 8 月 4 日期间特殊投放要求, 明确根据双方于 2009 年 12 月签订的《麦金利产品 LED 显示屏户外媒体广告发布合同》的约定, 广告发布时段为 365 天全天播放, 每天 60 次×30 秒或 120 次×15 秒, 故无法兑现异同公司的特殊投放要求; 如异同公司仍要求 2010 年 4 月 5 日至同年 8 月 4 日期间, 每日 11: 30-14: 30 播放 30 次, 17: 00-21: 00 播放 60 次, 则将另行收取广告发布费...原审法院认为, 香榭丽公司、异同公司签订的系争合同系双方当事人真实意思表示, 与法无悖, 应属有效...依据异同公司在该状况表中的表述, 应理解为每个品牌广告发布期限的累加期限。按照一般理解, 应解释为 1 年中异同公司委托香榭丽公司发布的各个品牌广告发布期限的累加不能超过 36 个月的期限...关于香榭丽公司根据异同公司广告投放单为异同公司发布广告是否存在超播、如果超播则异同公司是否应支付超播的费用以及超播次数和相应费用计算的争议, 系争合同约定的发布时段条款为滚动播放时间为 365 天全天播放, 每天 120 次×15 秒(本案不涉及每天 60 次×30 秒), 按照一般理解, 该频次×秒数应为每个显示屏每天的播放次数×秒数, 1 年 1 个显示屏可以播放的广告次数应为每天 120 次乘以 365 天即 43,800 次, 13 块屏 1 年可以播放的广告次数为 569,400 次...根据合同约定, 每个显示屏 1 年发布期限的收费已经明确, 这并不表示在 1 年发布期限内每个显示屏可以无限度为异同公司发布广告, 具体发布次数已明确约定即 1 年每个显示屏 365 天全天播放, 每天 120 次×15 秒。根据广告的商业惯例, 费用是根据广告发布的媒体情况以及位置、发布时段、发布次数和片长来计算。因此, 超过约定次数的广告发布费应该根据公平合理的原则参照合同约定来计算...因香榭丽公司已经依据异同公司广告发布确认单为其实际超播广告, 异同公司应给予报酬和对价...被上诉人香榭丽公司辩称: 双方系争合同中的争议条款无论从词句含义、与其他条款的联系、订立合同的目的以及交易习惯的角度予以理解, 均不存在所谓“三个一年套餐”的概念。系争合同对每天可播的次数、秒数作了约定, 从未有过其他计价方式; 至于 13 块屏各自播放什么广告, 均是按上诉人要求完成的...依照《中华人民共和国合同法》第五条、第一百零七条、最高人民法院《关于民事诉讼证据的若干规定》第二条, 《中华人民共和国民事诉讼法》第六十四条第一款的规定, 判决异同公司给付香榭丽公司超播次数的广告费人民币 1,195,406.10 元...

Об условии платежа (от 2018 г. №15-1202)

六安市中级人民法院民事案

(2018)皖 15 民终 1202 号

...一审法院认定事实: 2016 年 12 月 1 日, 本诉原告与本诉被告签订了《楼面广告位租赁合同》, 合同约定甲方(本诉被告)将六安市三里桥华安未来城楼面出租给乙方(本诉原告)经营广告, 租期自 2016 年 12 月 1 日至 2018 年 12 月 1 日, 租赁费用每年 9000 元, 两年租金共 18000 元, 付款方式为乙方应在合同签订之日向甲方一次性付清一年度租金 9000 元, 今后使用每满半年后, 乙方应在上半年度付款的相对应日付清下半年度的租金; 乙方应按时付款, 逾期支付超过 20 个工作日, 甲方有权终止合同, 并追缴所欠款项。该合同第六条约定: 本合同签订后, 双方应共同遵守, 如有违约, 违约方需向对方赔付合同总额的罚款等。合同签订后, 壹壹公司按时支付了第一年租金 9000 元, 2017 年 1 月 15 日壹壹公司与六安燃动广告传媒公司签订广告牌发布合同, 由六安燃动广告传媒公司在六

安华安未来城一号楼面发布广告，六安燃动广告传媒公司向壹壹公司支付广告发布费用106000元。第一年租期届满，壹壹公司于2018年1月12日在公证处工作人员参与下向顺尔意公司支付下年度租金，顺尔意公司拒收租金，并提出解除广告位租赁合同，因此，形成诉讼...本院认为，顺尔意物业公司与壹壹广告公司签订的楼面广告位租赁合同约定了租期自2016年12月1日至2018年12月1日，租赁费用每年9000元，两年租金共18000元，付款方式为“在合同签订之日一次性付清一年度租金9000元，今后使用每满半年后，乙方应在上半年度付款的相对应日付清下半年度的租金；乙方应按时付款，逾期支付超过20个工作日，甲方有权终止合同，并追缴所欠款项”。合同签订之日，顺尔意物业公司即付清了第一年租金，双方之间的合同履行了一年。现双方因第二年租金是否按期缴纳进而判断哪一方违约产生争议，根源在于合同对第二年租金缴纳期限约定不明。根据《合同法》第六十二条之规定，履行期限不明确的，债务人可以随时履行，债权人也可以随时要求履行，但应当给对方必要的准备时间。因此，壹壹广告公司于2018年1月12日通过公证方式向顺尔意物业公司缴纳租金，符合合同法规定，亦不违反双方合同约定，不应认定其构成违约。而顺尔意物业公司主张壹壹广告公司逾期未缴纳租金，未提供其明确要求壹壹广告公司给付租金，且给予合理准备时间的相关证据，且在壹壹广告公司公证交纳租金时，明确予以拒收，故应认定顺尔意物业公司构成违约...本案中，双方在楼面广告位租赁合同中约定了违约方需向对方赔付合同总额的罚款，系双方真实意思表示，顺尔意物业公司主张违约金过高，未提供证据证明该违约金约定明显超出壹壹广告公司的实际损失，结合合同实际履行情况、双方的过错程度，本院认为该违约金约定并非过高，不予调整...根据《合同法》第六十二条之规定，履行期限不明确的，债务人可以随时履行，债权人也可以随时要求履行，但应当给对方必要的准备时间。综上所述，顺尔意物业公司的上诉请求不能成立，应予驳回；一审判决认定事实清楚，适用法律正确，应予维持。依照《中华人民共和国民事诉讼法》第一百七十条第一款第一项规定，判决如下：驳回上诉，维持原判...

О регистрации доменного имени «中国大理石.商城 Китайский мрамор. Торговый дом» (от 2018 г. №01-242)

呼和浩特市中级人民法院民事判决书

(2018)内01民初242号

...事实与理由，2015年10月15日下午，孟小豹在远景商务公司召开的招商会上，双方签订了一份《商城域名注册合同》，该合同明确约定：“乙方(即本案被告)在收到甲方相应的注册(或续费)费用后两个工作日内完成商城域名的注册,若注册不成功,则全额退款。”远景商务公司在合同中承诺“在收到甲方相应的注册(或续费)费用后两个工作日内完成商城域名的注册”,还公开承诺在本次会议现场即可为已交注册费的客户进行商城域名注册并承诺能够注册成功。孟小豹当场交付了3万元商城注册费，但远景商务公司未能够在会议现场注册成功。此后孟小豹当场要求退还3万元注册费，但远景商务公司一再推脱，在合同约定的两个工作日内仍未注册，其行为已严重侵犯了孟小豹的合法权益，为维护自身合法权益,请求法院判如所请...远景商务公司庭后向本院提交答辩状辩称，远景商务公司不存在违约行为，其已将合同约定的“中国大理石.商城”这一成果注册在孟小豹名下并取得了相应证书。远景商务公司只是注册“中国大理石.商城”这一域名，并不涉及网站的架构与运营，不存在孟小豹所称的网站商城。在合同签订后，远景商务公司在两个工作日内就内部下单并提交了域名注册申请，在签订合同后正常的期限内，远景商务公司已经为孟小豹注册成功并取得相应证书。合同所载的完成注册，是指成功提交域名注册申请，域名证书的下发是需要合理的期限予以完成的，远景商务公司并未违约。另外，孟小豹接受证书的行为，应视为其同意继续履行合同，孟小豹已经接受了远景商务公司的服务，理

应支付对价...孟小豹为支持其诉讼请求,向本院提交如下证据:证据一、域名注册合同、收据。证明孟小豹已经依合同约定支付注册费3万元。证据二、国际顶级域名项目证书。证明被告未按合同约定时间完成注册。证据三、孟小豹承揽部分工程项目合同、营业执照。证明远景商务公司未按约定时间注册给孟小豹造成的损失...本院认为,本案的争议焦点为孟小豹主张解除《商城域名注册合同》,返还注册费并赔偿损失有无事实及法律依据。关于《商城域名注册合同》应否解除的问题。孟小豹认为远景商务公司未能按照合同约定的时间完成注册,其合同目的已无法实现,应解除合同。对此,依据《商城域名注册合同》合同第二条、第四条,对于“完成商城域名的注册”以及“商城域名正式注册”的理解,即对于远景商务公司在何时间节点属于完成商城域名注册,在何节点又属于正式注册成功,双方并未有明确约定,事后亦未达成合意。故《商城域名注册合同》对于合同履行期限的约定不明,依据《中华人民共和国合同法》第六十二条第四项之规定,履行期限不明确的,债务人可以随时履行,债权人也可以随时要求履行,但应当给对方必要的准备时间。本案中,商城域名的注册程序均系网上办理,申请人是否注册成功,应以是否生成权益证书为准,不应以远景商务公司是否将注册证书交予孟小豹作为远景商务公司完成合同义务的时间点。《注册者权益证书》所载有效期的起始日其为2015年10月29日,孟小豹于2015年10月15日缴纳注册费,远景商务公司用十四天作为合同履行的必要准备时间,符合该类合同的履行实际,故远景商务公司已经履行完合同义务,并不存在违约行为。远景商务公司在孟小豹缴纳注册费十四日后便将“中国大理石.商城”的域名注册到孟小豹名下,其合同目的已然达到。孟小豹认为远景商务公司未按合同第二条约定的时间完成注册,致使其合同目的无法实现,主张解除合同的诉请不能成立,本院不予支持。依据《中华人民共和国合同法》第六十条第一款规定,当事人应当按照约定全面履行自己的义务。远景商务公司依约将“中国大理石.商城”这一域名注册在孟小豹名下,孟小豹应依约支付对价,其要求返还注册费及赔偿经济损失的诉请亦不能成立,本院不予支持...二审法院认为,孟小豹与远景公司于2015年10月15日签订的《合同》系双方当事人的真实意思表示,且不违反法律、行政法规的强制性规定,该《合同》约定“本合同自商城域名正式注册或续费成功后即生效”,为附生效条件的合同,现双方当事人对合同约定域名已正式注册成功无异议,故该《合同》为有效合同。本案双方当事人争议的焦点问题是:如何理解《合同》第二条写明的“远景公司在收到孟小豹注册费用后两个工作日内完成商城域名的注册”。孟小豹理解为两个工作日内域名应注册成功,并取得域名注册证书。远景公司理解为两个工作日内只是向上级公司提交订单,是否注册成功需要发证单位的审核,十天左右才能在后台查询得知是否注册成功。《中华人民共和国合同法》第三十九条第一款规定:“采用格式条款订立合同的,提供格式条款的一方应当遵循公平原则确定当事人之间的权利和义务,并采取合理的方式提请对方注意免除或者限制其责任的条款,按照对方的要求,对该条款予以说明”、第二款规定:“格式条款是当事人为了重复使用而预先拟定,并在订立合同时未与对方协商的条款”,第四十一条规定:“对格式条款的理解发生争议的,应当按照通常理解予以解释。对格式条款有两种以上解释的,应当作出不利于提供格式条款一方的解释。格式条款和非格式条款不一致的,应当采用非格式条款”,案涉《合同》系远景公司提供的格式合同,远景公司作为代理域名注册的专业公司与作为非专业人员的孟小豹相比,更具有相应专业知识,远景公司在与孟小豹签订案涉《合同》时并未明确提醒孟小豹注意完成注册、注册成功、正式注册等专业术语的区别和两个工作日内完成注册是指提交订单申请,而不是完成注册或注册成功,导致孟小豹误解为当日交费后两个工作日内即可注册成功并取得证书,远景公司在孟小豹交费后14天注册成功并取得证书,与孟小豹签订案涉《合同》时的真实意思相悖,故针对双方当事人争议的格式条款,应当作出对远景公司不利的解释。远景公司未在孟小豹交费后两日内完成注册,属于违约,孟小豹享有解除案涉《合同》的权利,远景公司应向孟小豹返还已支付的费用3万元。孟小豹主张经济损失3万

元，提供的《外墙石材干挂施工合同》不足以证明与本案的关联性，本院不予支持，孟小豹在远景公司返还3万元的同时将域名及注册证书返还远景公司...综上所述，孟小豹的上诉请求部分成立。依照《中华人民共和国合同法》第三十九条、第四十一条、第五十八条、第六十条第一款，《中华人民共和国民事诉讼法》第一百六十九条第一款、第一百七十条第一款第二项规定，判决如下：一、撤销内蒙古自治区呼和浩特市中级人民法院（2018）内01民初242号民事判决；二、被上诉人内蒙古远景电子商务有限责任公司于本判决生效后五日内返还上诉人孟小豹域名注册费3万元；三、驳回上诉人孟小豹的其他诉讼请求...

Об определении подсудности (от 2018 г. №309)

中华人民共和国最高人民法院民事裁定书

（2018）最高法民辖终309号

...事实与理由：依据《中华人民共和国民事诉讼法》第二十一条第二款“对法人或者其他组织提起的民事诉讼，由被告住所地人民法院管辖”的规定，尤夫公司住所地在浙江省，本案应由浙江省高级人民法院管辖。即使应由合同签订地法院管辖，案涉《中航信托·天顺【2017】537号尤夫股份并购贷款单一资金信托贷款合同》（以下简称《信托贷款合同》）亦是在浙江省签订，本案亦应由浙江省高级人民法院管辖...本院经审查认为，根据《中华人民共和国民事诉讼法》第三十四条之规定，合同当事人在不违反级别管辖和专属管辖规定的前提下，可以书面协议选择被告住所地、合同签订地等与争议有实际联系的地点的人民法院管辖。也即当事人书面协议选择管辖地后，除违反级别管辖和专属管辖外，即排除其他管辖地。本案中，中航信托据以提起诉讼的案涉《信托贷款合同》第17.2条明确约定：“如发生争议，双方应友好协商，未能协商一致的，任何一方应当向本合同签署地（四川省成都市武侯区）有管辖权的人民法院提起诉讼”，且该合同落款处亦载明“签订地点：四川省成都市武侯区”。该《信托贷款合同》中的争议解决条款不违反级别管辖和专属管辖的规定，应属合法有效，中航信托公司依约、依级别管辖的规定向一审法院提起本案诉讼，具有事实和法律依据。至于尤夫公司提出的案涉《信托贷款合同》实际在浙江省签订，合同中的管辖条款不应执行的上诉理由，根据最高人民法院《关于适用〈中华人民共和国合同法〉若干问题的解释（二）》第四条规定，采用书面形式订立的合同，合同约定的签订地与实际签字或者盖章地点不符的，人民法院应当认定约定的签订地为合同签订地。本案的《信托贷款合同》已明确约定并具体载明合同签订地为四川省成都市武侯区，故尤夫公司的该项上诉理由亦不能成立...综上，尤夫公司关于中航信托提起的借款合同纠纷一案应由被告住所地法院管辖的上诉主张，在当事人间存在合法有效书面管辖协议约定的情形下，没有事实和法律依据，本院不予支持。故依照《中华人民共和国民事诉讼法》第一百七十条第一款第一项、第一百七十一条之规定，裁定如下：驳回上诉，维持原裁定...

Об изготовлении мебели по чертежам заказчика из материала «Американский северный красный дуб» (от 2019 г. №01-3879)

广州市中级人民法院民事案

（2019）粤01民终3879号

...上诉人广州市至桦鸿家具有限公司（以下简称至桦鸿公司）、许春桃因与被上诉人陈静娟定作合同纠纷一案，不服广东省广州市白云区人民法院（2018）粤0111民初9128号民事判决，现依法提起上诉。本院依法组成合议庭审理了本案，现已审理终结...一审法院遗漏当事人严重违反法律程序，请求将本案发回重审...一审判决认定基本事实不清，错误分配举证责任，在合同标的物的木材材质真伪不明的情况下，认定至桦鸿公司提供

的木材材质不符合合同约定，判决其构成根本违约缺乏事实依据...作为一审本诉原告，应对其主张至桦鸿公司在合同履行过程中提供的木材材质不符合合同约定的事实负有基本的举证责任。首先，在一审诉讼过程中，陈静娟提交的短信截图、微信聊天记录截图、网络截图等，仅能证明陈静娟对至桦鸿公司提供的产品存在质量瑕疵（主要是板材有结节），并不能直接或者间接的证明至桦鸿公司提供的产品不是红橡木而不符合合同约定。其次，至桦鸿公司已经在 2018 年 6 月 13 日将合同产品送至陈静娟指定的送货地点。陈静娟主张木材产品不是美国 A 级红橡木，其完全可以通过专业鉴定部门对批次产品进行鉴定辨真伪。陈静娟在没有完成基本举证责任的情况下，一审法院要求至桦鸿公司对产品的真伪承担全部举证责任违反了谁主张谁举证的基本举证原则。至桦鸿公司一再强调产品属于美国 A 级红橡木，但一审法院无视客观原因，要求至桦鸿公司出具产地证明（进口报关单）和级别证明书。至桦鸿公司未能提供相关证据证明产品属于美国红橡木的客观原因有下：众所周知，美国红橡木需从外国进口，大商家进口木材时一般以吨为单位，十几吨或几十吨地进口。陈静娟定制家具仅需用到两千公斤左右的木材，因此批次木材的进口报关单根本不能全面地证明涉案木材的来源。另外，美国红橡木是采用 NHLA 等级划分标准，并没有所谓的级别认证证书。因此至桦鸿公司并非拒绝提供产地证明和级别证明书，而是事实上难以提供。2018 年 6 月 13 日，至桦鸿公司将已经生产完成的产品送至陈静娟指定的收货地点，剩余货物存放在鸿燊公司的加工工厂里。陈静娟拒绝至桦鸿公司入门对木材取样，鸿燊公司也因至桦鸿公司、许春桃多次沟通产品事宜导致双方关系僵硬，以上导致至桦鸿公司、许春桃无法取样去证明涉案木材是美国红橡木...一审中陈静娟提供的证据五《定货合同单》是至桦鸿公司与鸿燊公司也即与本案家具具体加工的厂家签订的，《定货合同单》上备注第一条约定“甲方（鸿燊公司厂家）保证材料是正品美国红橡、AA 板，顶级材料，如有假货，甲方承诺以本合同金额 10 倍赔偿作为乙方（至桦鸿公司）损失”。《定货合同单》上的清单产品正是陈静娟所下的订货产品。至桦鸿公司在履行合同义务采购木材时特意购买了美国 AA 级红橡木，比至桦鸿公司、许春桃承诺陈静娟的美国 A 级红橡木级别更高。因此至桦鸿公司至始没有欺诈的主观故意，更没有故意虚构事实或隐瞒事实的欺诈行为。再且，至桦鸿公司提供给陈静娟的木材就是美国红橡木，它不会因为因为没有申请鉴定或没有提供证据就变成另外一种木材...根据最高人民法院关于贯彻执行《中华人民共和国民事诉讼法》若干问题的意见第 68 条一方当事人故意告知对方虚假情况，或者故意隐瞒真实情况，诱使对方当事人作出错误意思表示的，可以认定为欺诈行为...同时，至桦鸿公司、许春桃之欺诈还体现在宣传阶段宣传其有自有大工厂，实力雄厚，其将使用自有大工厂为陈静娟生产制作质量上乘可作为样板宣传的产品，并将在陈静娟小区附近驻场三年，售后有保障。而实际上其在骗取陈静娟签订合同后不久便清场搬离，所谓驻点三年并不存在，同时其在骗取陈静娟签订合同后才草率地在网上随便找了一个价低的小作坊非法将工作转包给小作坊，从中赚取巨额差价。一分钱一分货，这是众所周知的常识...至于至桦鸿公司、许春桃辩称的合同约定尺寸问题由工厂负责，说明陈静娟系同意其转包第三方之说法更是不能成立的，首先根据合同法第二百五十三条至桦鸿公司、许春桃转包第三方需要陈静娟明确同意，协议中的“工厂”与至桦鸿公司、许春桃辩称的“第三方工厂”相差三字谬之千里，工厂系至桦鸿公司所作格式条款表述，陈静娟理解为指他们自己的工厂，且陈静娟一审提供的证据五与许春桃沟通录音光盘级录音文字版材料都能证明陈静娟签订合同时并不知道至桦鸿公司根本没有自有大工厂，陈静娟从未同意至桦鸿公司将工作转包第三方小作坊生产。至桦鸿公司、许春桃虚假宣传、以次充好构成欺诈，系根本违约，且其违法违规转包之行为亦构成根本违约...又查：二审庭审中，陈静娟主张上述实物反映涉案家具使用的木材有虫孔、变质、做工粗糙、抽屉晃动等质量问题。上诉人至桦鸿公司、许春桃则称：1.不认为是虫孔；2.抽屉的摇动是因为没有安装底板，不属于质量问题；3.黑点属于红橡木本身的特质；4.柜面的内侧的表面有一些瑕疵，是经过材料去修补，不是缝隙，

背面和正面均是完好的；5.做工正常，不存在粗糙的问题...本院认为，本案系定作合同纠纷。至桦鸿公司与陈静娟签订的《定货合同单》及图纸均出自双方当事人的真实意思表示，内容无违反法律、行政法规的强制性规定，合法有效，本院予以确认...本案中，至桦鸿公司将涉案家具的加工工作交由案外人完成，现其未举证证实该转委托已经得到陈静娟的明确同意，陈静娟诉请解除其与至桦鸿公司之间的涉案承揽合同关系，符合上述法律规定，本院予以支持。

其次，关于至桦鸿公司在履行涉案定作合同过程中是否存在违约行为及应如何承担责任的问题。涉案《定货合同单》明确约定了涉案家具使用的板材为美国红橡木，而在至桦鸿公司向陈静娟提供的设计图纸中均载明涉案家具使用的是美国红橡木（A级），故可认定双方协商一致确定的涉案家具使用的原材料为美国红橡木（A级）。陈静娟虽认为至桦鸿公司加工的涉案家具使用的并非美国红橡木，但并未提供证据证实；而至桦鸿公司、许春桃已于二审期间提供了由案外人加盖公章的进口货物报关单，证明其加工的涉案家具使用了美国红橡木。根据谁主张谁举证原则，陈静娟虽主张涉案家具使用的木材并非美国红橡木，但并未举证证实，相反至桦鸿公司已提供了相关美国红橡木进口的证据，故对陈静娟的该项主张，本院不予采信...至桦鸿公司虽提供了关于美国红橡木有关知识的网络打印资料所反映的自然木材的特质，但经比对陈静娟二审期间提供的实物情况，不明孔洞及裂缝均与自然木材的特质有较大差距。综上，鉴于陈静娟作为一般消费者，认为双方所约定使用的木材应为表面光滑平整、没有瑕疵，理据充分，亦符合一般的生活经验；而作为经营者的至桦鸿公司，其负有向消费者解释说明美国红橡木 A 级及 A 板含义的告知义务...依照《中华人民共和国民事诉讼法》第一百七十条第一款第（二）项的规定，判决如下：一、维持广东省广州市白云区人民法院（2018）粤 0111 民初 9128 号民事判决第一、二、三、七项；二、撤销广东省广州市白云区人民法院（2018）粤 0111 民初 9128 号民事判决第五、六项；三、变更广东省广州市白云区人民法院（2018）粤 0111 民初 9128 号民事判决第四项...

О передаче уникальной технологии (от 2021 г. №02-19)

青島市中级人民法院民事案

（2021）鲁 02 知民初 19 号

...事实和理由如下：2019 年 12 月 6 日，原告与被告签订《技术秘密转让合同》，约定被告购买原告持有的“脑视力降度方法培训”技术秘密，并约定转让费为 20 万元，合同生效后支付首期转让费 3 万元，剩余转让费在合同生效后一年内付清。合同签订并生效后，原告依约向被告交付了该技术秘密的全部材料，被告仅支付了首期 3 万元转让费，剩余转让费至今未支付。为维护原告合法权益，现依法提起诉讼，请依法支持原告诉求...被告答辩称：被告与原告签订技术秘密转让合同后，被告按照合同约定向原告支付了首期合同款，但原告并未按照合同约定履行合同义务。根据双方合同第三条第 4 款、第 6 款，原告应当保证所转让的技术达到原告承诺的预期应用效果，但是原告所转让的技术并不能达到合同第一条第 4 款所约定的“有效帮助青少年降度，帮助青少年摘除眼镜”的效果。原告转让的技术秘密不仅违反合同义务，亦违反了《民法典》合同编第八百六十八条、八百七十条的规定，技术秘密合同的让与人应当保证技术的实用性、可靠性，能够达到约定的目标。因此，根据《民法典》第八百七十二的规定，被告无需支付剩余的费用，被告保留追究原告合同违约及返还全部费用的权利。并且，原告让与被告的“脑视力降度方法培训”，并不能构成法律规定的技术秘密，涉案技术秘密仅仅都是我国近视率的统计知识、预防近视的常识以及普通照片、催眠音乐，并不具有不为公众所知悉的秘密性，而且不具有能为权利人带来经济利益、具有实用性的商业价值。原告的技术秘密转让属于欺诈行为。根据《民法典》第一百四十八条的规定“一方以欺诈手段，使对方在违背真实

意思的情况下实施的民事法律行为，受欺诈方有权请求人民法院或者仲裁机构予以撤销”。综上所述，被告并不存在拖欠合同款项的情形，而是原告违法违约在先，致使合同目的无法实现，答辩人无义务继续付款，且有权利追究原告违约的责任并要求原告返还已付的合同款项...该合同明确载明“技术秘密预期的应用效果为有效帮助青少年眼睛降度，帮助青少年摘除眼镜”，“甲方承诺达到该预期效果”，但原告交付的技术秘密并没有达到合同约定的效果。且合同约定“如因技术秘密产品失败，乙方有权解除合同，甲方应退还使用费和退出乙方项目，并赔偿乙方损失”。合同第八条违约责任也明确约定技术秘密应当达到双方约定的预期技术效果，不能达到除返还全部费用外，还应当赔偿损失。根据合同约定原告应当保证其所转让的技术秘密达到合同约定的效果，但原告交付的技术秘密并没有实现双方合同约定的目的，被告没有义务支付剩余款项...《中华人民共和国民法典》第一百七十六条规定，民事主体依照法律规定或者按照当事人约定，履行民事义务，承担民事责任。第八百六十八条第一款规定，技术秘密转让合同的让与人和技术秘密使用许可合同的许可人应当按照约定提供技术资料，进行技术指导，保证技术的实用性、可靠性，承担保密义务。第八百七十条规定，技术转让合同的让与人和技术许可合同的许可人应当保证自己是所提供的技术的合法拥有者，并保证所提供的技术完整、无误、有效，能够达到约定的目标...本案中，原告转让的技术秘密均是虚拟想象，并非技术研究成果，其“有效的帮助青少年眼睛降度，帮助青少年摘除眼镜”的应用效果未经过科学论证或验证，原告转让的技术秘密达不到原、被告双方约定的预期技术效果，故，本院对原告的诉讼请求不予支持...

**О предварительной продаже квартиры с дизайнерским ремонтом
(от 2022 г. №0902-1055)**

浙江省舟山市定海区人民法院民事判决书
(2022)浙0902民初1055号

...2018年5月30日，两原告（反诉被告）汤翠莲、陈银群与被告（反诉原告）舟山凯舟置业有限公司签订《舟山商品房买卖合同（预售）》，约定两原告以每平方米21273.71元的价格向被告购买了融悦·新界公馆的17幢1单元XXX号房屋。其中合同附件八“补充协议内容”第六条约定：出卖人承诺向买受人赠送精装修，买受人须在签订本合同当日与出卖人指定的装修单位签订《委托精装修协议书》。该条款中，双方还就精装修标准进行了约定。原约定交房时间为2020年9月30日，后因疫情影响延期至2020年11月中旬。原告上门验收房屋时，发现房屋存在多处瑕疵：1. 墙壁存在开裂；2. 房间门关闭不严；3. 地板存在缝隙，质量较差；4. 卫生间洗脸盆下沉；5. 卫生间镜面破损；6. 阳台下水口地漏无法使用；7. 使用的产品均不是约定的品牌，或者是老旧款式；8. 地下室存在漏水等其他问题，这样的装修与约定的3000元一平方精装修大相径庭。原告多次到被告处要求修补，但被告仅上门修补了洗脸盆，只是也仅仅维修了表面，洗漱台内部被修补的乱七八糟。原告多次要求无果，面对这样的新房根本无法入住，只能自掏腰包重新装修，所有的墙面重新进行了艺术漆，更换了房间门及地板，已经花费了十余万元。另外，原告当初在售楼处购买该房子时宣传手册、售楼广告上均明显表示该房的学区为檀枫小学，销售人员也一再保证该房是檀枫小学的学区房，原告购买该房也是为了孙女能够入读檀枫小学...被告舟山凯舟置业有限公司辩称，一、答辩人没有承担装修损失的法律和事实依据。首先，根据双方签订的《舟山商品房买卖合同》（预售）约定，装修为答辩人赠送给被答辩人的，没有量化过具体金额。被答辩人诉称赠送的装修价值为3000元每平方米没有任何证据能够予以证明。其次，答辩人赠送的装修包括品牌、用料是符合合同约定的...被告已积极履行了装修的维保责任。虽然房屋装修系赠送，但是只要被答辩人提出报修事项，无论是否属于维保责任范围，答辩人或维修单位都会上门进行查验...本院认为，被告将正在建设中的房屋预先出售给两原告，双方签订

了商品房预售合同...原、被告之间签订的《舟山商品房买卖合同（预售）》合法有效，双方当事人均应依约全面履行各自的义务。按照合同约定，两原告购买的是精装修商品房。虽合同的附件八“补充协议内容”称精装修系被告赠送给两原告，但实际与案涉房屋的买卖密不可分，即被告赠送精装修的前提是两原告签订《舟山商品房买卖合同（预售）》并支付购房款，故被告的该赠与行为应视为附义务的赠与...附义务的赠与，赠与的财产有瑕疵的，赠与人在附义务的限度内承担与出卖人相同的责任。据此，被告约定将精装修赠与给两原告并不能改变被告应向两原告依约交付精装修商品房之合同义务...本院认为，原、被告在 2021 年 9 月 28 日就装修瑕疵达成的赔偿协议，应系双方真实意思表示，为合法有效，对原告、被告均有约束力。原告未能提供证据证明其主张，也无证据证明在被告赔偿原告损失后，又发生新的损害事实。因此，原告的诉讼请求缺乏事实和法律依据，本院不予支持...

от 2019 г. № 0506-8284

苏州市吴中区人民法院民事判决书

(2019)苏 0506 民初 8284 号

...原告于 2019 年 5 月 5 日前腾空租赁房屋。协议签订后，被告于 2019 年 4 月 17 日支付 50000 元，原告于 4 月底开始搬迁，5 月 5 日最终搬离...被告中坤公司辩称，根据《房屋转租协议》约定，原告应在 2019 年 4 月 30 日前清空房屋，否则应双倍返还补偿款，而实际原告直至 5 月 5 日还未清空...2019 年 10 月 18 日，恒盛公司出具证明，载明：森达信公司与中坤公司签订转租协议，转租恒盛公司 5 号厂房 3150 平方米场地。2019 年 5 月 5 日上午 8 时，森达信公司负责人到恒盛公司办公室办理交接手续时，中坤公司已将转租场地的隔断推到并进入该场地进行施工...其认为，约定“5 月 5 日前”搬离包括 5 日当天。根据民法总则第 203 条、205 条的规定，协议约定 5 月 5 日前清理是包括 5 日当天的，应该截止到 5 日晚上 24 时。恒盛公司诉其公司的案件中，恒盛公司计算租期也是到 5 月 5 日当日，可见恒盛公司也认可 5 月 5 日前包括 5 日当天。中坤公司与品诵商行约定在 4 月 30 日前搬离，品诵商行实际在 4 月 30 日当天搬离，中坤公司并未认为品诵商行存在违约，可见中坤公司认可“之前”是包括本数的。董云山和张洪广的聊天记录中张洪广也提到“不能拖过 5 号”...“5 月 5 日前”不包括 5 日当天。“5 月 5 日前”搬离是森达信公司手写，其他三方并不知情。该手写部分与打印的第 3 条不一致，应当做不利于原告解释。“之前”不是法律术语不应从法律角度解释。品诵商行在 4 月 28 日搬迁完毕，其在 4 月 30 日是去检查。恒盛公司起诉租金水电费至 5 月 5 日是因为森达信使用租赁物至 5 月 5 日。其与森达信公司此前并无合作,就“之前”是否包含本数未形成惯例...中坤公司签订房屋转租协议旨在使用涉案房屋，“2019 年 5 月 5 日前”是否包括 5 日仅相差一天，对双方均无根本性影响，不会导致中坤公司合同目的落空。最后，“2019 年 5 月 5 日前”理解为包括 5 日当天，也不违背诚实信用原则。综上，本院认定“2019 年 5 月 5 日前”搬离包括 5 日当天...